

LE MESSENGER

ВЕСТНИК

РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

146

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 146

I - 1986

ВЕСТНИК РХД №146

I-1986

LE MESSENGER

Périodique édité par l' Action Chrétienne des Etudiants Russes

Редакционная коллегия:

Архиеп. Сильвестр, прот. Иоанн Мейендорф, прот. Алексей Князев,
прот. Кирилл Фотиев, О. Раевская, Н. Струве.

Ответственный редактор: Н. А. Струве.

ВЕСТНИК Р.Х.Д.

Условия подписки на 1986 год (3 выпуска) :

– с пересылкой обыкновенной почтой (*Sea Mail*) – 240 фр. / \$ 35
– воздушной почтой (*AIR MAIL*) – 300 фр. / \$ 40

Цена отдельного номера : 80 фр. / \$ 12 (без пересылки)

693

ОГО ДВИЖЕНИЯ

A.C.E.R.,
42.50.53.66).

UVE.

LE MESSENGER

ВЕСТНИК РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

146

ПАРИЖ — НЬЮ-ЙОРК — МОСКВА

№ 146

I-1986

БИБЛИОТЕКА - ФОНД
 "РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ"
 Н. РАДИЩЕВСКАЯ Д.2
 икв. 693

Copyright © Le Messenger. Paris 1986

COMMISSION PARITAIRE
 № d'inscription 620 16

**К ЮБИЛЕЮ Н.С. ГУМИЛЕВА
 (1886-1921)**

*Ангел — три года хранивший меня,
 Вознесся в лучах и в огне.*

Анна Ахматова

Столетие со дня рождения "одного из лучших сыновей" России — поэта, мореплавателя, воина, — Николая Гумилева в его же стране будет замолчано, потому что 65 лет тому назад, "в какой-то дикой щели", он пал жертвой ленинского террора. О процессе, закончившемся расстрелом — не шутка! — 61 человека, до сих пор ничего не известно. Вытравление памяти проводится сегодня ожесточеннее, чем вчера: не так давно, в 60-х—70-х годах, в энциклопедиях, справочниках, вступительных статьях, существовали "незаконно репрессированные"; ныне их биографии старательно изглаживаются и всем приписывается благонадежная смерть, "при нотариусе и враче". Гумилев, к тому же, был "репрессирован" во времена, официально считавшиеся "законными", отчего он никакой, ни литературной, ни гражданской, "реабилитации" не подлежит. Но если был законен закрытый суд над Таганцевым и его союзниками, то почему мы так и не знаем, в чем состояли их контрреволюционные действия? "А может быть и никакого заговора не было..." — недоумевала Ахматова.

Гумилев — первая жертва от литературы в длинном, нескончаемом мартирологе России, первый в XX веке поэт без могилы.

Тем не менее, к Гумилеву-поэту принято в некоторых интеллигентских кругах относиться с некоторым, я бы сказал, снисхождением, как к ученику чужих и холодных парнасцев, Леконт де Лиля и Теофила Готье. Но уже Ахматова парировала: "автора Памяти и Заблудившегося грамвая Леконт де Лилем не объяснишь". А еще раньше М.Цветаева за надменным и несколько претенциозным "мэтром" видела "боговдохновенного мастера".

Безусловно, есть в Гумилеве — человеке и поэте — какая-то наивность, непосредственность, юношеская щедрость души. Его дерзкие и отважные *Капитаны* зажигают прежде всего молодые сердца.

В этом он похож, как не раз отмечалось, на Лермонтова. Но далеко не только в этом: обоих поэтов объединяет замороженность смертью и постоянная молитвенная обращенность к Богу.

Лермонтов, правда, полярнее: демоническая ирония, горделивое противопоставление себя миру сменялись у него лазурно-небесными видениями (от "Ангела" ранней юности до предсмертных стихов). Гумилев был тоже, по-своему, романтик: путешествиями, влюблениями, литературным учительством он "обманывал время". Но, в отличие от истых романтиков, он действительно любил мир в его разноцветности, разношерстности, в его неповторимых проявлениях во времени и пространстве. Любовь к творению и твари предполагала любовь и к Творцу (ибо без Бога мир призрачен, и тем самым ужасен), но она сопровождалась и глубокой неудовлетворенностью собой и миром, что заставляло Гумилева (как впрочем и Лермонтова) желать смерти, тянуться к ней, идти ей навстречу.

"Смерть художника, — писал Мандельштам, — не следует выключать из цепи его творческих достижений". Этот общий закон художнической (да и всякой) жизни позволяет понять Гумилева не в малозначащей литературной перспективе, а на глубине духа. Через весь его творческий путь в нем боролось два начала: любовь к жизни и желание смерти, как искупления и завершения жизни. Трепетным противоборством жизнелюбца и смертоискателя пронизаны многие его стихи, даже те, что при первом чтении кажутся безлично-объективными.

Гумилев не только создатель новой поэтической школы, не только яркий мастер стиховедения и языка (какой стилистической прозрачностью веет от каждой его строчки!), — но и подлинно христианский поэт, обращенный к сущности, — а потому и учитель жизни, свидетельство свое закрепивший мученической кончиной. Сам Гумилев сознавал религиозно-этический пафос своего творчества. Он говорил, обращаясь к читателям:

А когда придет их последний час,
 Ровный, красный туман застелит взоры,
 Я научу их сразу припомнить
 Всю жестокою милую жизнь
 Всю родную странную землю
 И представ перед ликом Бога
 С простыми и мудрыми словами
 Ждать спокойно Его суда.

Никита Струве

Богословие, Философия

Прот. Александр ШМЕМАН (1921–1983)

ВОЦЕРКОВЛЕНИЕ*

1. Ветхое и новое

Прежде чем завершить наше исследование, мы должны обратить внимание на ряд молитв и обрядов, которые, хотя и не связаны непосредственно с собственно крещальной службой, тем не менее выявляют некоторые существенные стороны таинства крещения. Это — молитвы первого дня по рождении ребенка, наречение имени, которое предписывается совершать на восьмой день, и, наконец, так называемое воцерковление матери и младенца на сороковой день.¹

В настоящее время эти обряды совершаются редко, и многие христиане, в том числе священники и богословы, подвергают сомнению саму необходимость в них. Они говорят, что эти обряды выражают архаичное и устаревшее мировоззрение и представляют собой неоправданный пережиток примитивных понятий и верований, оскорбительных для женщин в частности, и для самой человеческой природы вообще. В этих обрядах естественные явления представляются как нечто "нечистое", а женщина рассматривается как "второразрядный" член Церкви. Однако такой точке зрения противостоят "традиционалисты", которые настаивают на обязательности указанных обрядов, но при этом защищают их достаточно странным образом, мотивируя теми же причинами, по которым "модернисты" их отвергают. При этом

* Пятая глава из книги "Водой и Духом. О таинстве крещения". Начало см. "Вестник РХД", №№ 142, 143, 144 и 145. Перевод с английского осуществлен в Самиздате. Полностью книга выйдет в издательстве YMCA-Press в 1986 году.

литургическая жизнь Церкви, само мировоззрение ее действительно воспринимаются на уровне таких понятий, как "чистое" и "нечистое", и сводится к набору табу, требующих совершения различного рода ритуальных "очищений".

И первое, и второе отношение в корне неверны. Их общая ошибка коренится в неправильном понимании преемственности церковных установлений и богослужений с соответствующими установлениями Ветхого Завета, к которым действительно восходят многие существенные стороны христианской литургической традиции. Для правильного понимания, эта преемственность всегда должна рассматриваться и восприниматься в свете столь же радикальной и существенной прерывности. Это означает, что если, с одной стороны, Церковь является поистине преемницей "установлений" Ветхого Завета, эти установления, становясь христианскими, приобретают в корне новый смысл и поистине обновляются. Почему преемственность? Потому что Христос пришел не нарушить закон, но исполнить его (Мф. 5,17), и поэтому, только находясь в постоянном и живом контакте с "ветхим", мы можем полностью понять "новое" и сделать его своим, мы можем принять Христа как поистине исполнение. Однако именно Он, Его пришествие делает все новым: не создает нечто новое, но обновляет старое, т.е. раскрывает его предельную сущность, превращая его в знамения грядущего Царства. Таким образом, непрерывная преемственность осуществляет себя как "разрыв", но при этом разрыв, для того чтобы быть исполнением и обновлением, предполагает непрерывность и утверждает ее.

В применении к обрядам "очищения" это означает, прежде всего, что сами понятия "чистого" и "нечистого", которые действительно играли центральную роль до Христа, с приходом Христа радикальным образом трансформируются — трансформируются, а не просто упраздняются. "Для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого". (Тит. 1,15). Без различия между "чистым" и "нечистым" — различия, характерного для ветхого человека и его ветхой религии, само понятие и представление о "чистом" не существовало бы и поэтому не мог бы быть явлен человеку высший смысл его жизни. Однако, поскольку этот смысл явлен во Христе, старое различие оказывается носящим не столько онтологический, сколько педагогический характер, являясь средством введения человека в тайну искупления.

Все чисто постольку, поскольку все исходит от Бога и является частью "хорошо весьма" божественного творения. Однако все нечисто постольку, поскольку человек исказил его по сравнению с тем, как замыслил его Бог. Но все искупляется с искуплением человека Христом; все снова становится "чистым для чистых", ибо в конечном счете все было сотворено для того, чтобы быть средством человеческой жизни с Богом, способом его вхождения в Царство Божие.

Именно этот существенно христианский подход к миру — уже не на уровне понятий "чистое" и "нечистое", но на уровне "ветхого" и "нового" — игнорируется и передается каждый раз, когда жизнь Церкви сводится либо только к непрерывности (преемственности), либо только прерывности (разрыву). Наилучший путь для преодоления такого рода крайностей — это постараться понять, что Церковь делает, и просто прислушаться к ней и, вместо того чтобы навязывать ей свои собственные предубеждения и непонимание, воспринять от нее истинный смысл ее обрядов.

2. Молитвы первого дня²

Первый обряд состоит в чтении священником трех молитв в первый день в том месте, где родился младенец. Эти молитвы относятся, главным образом, к матери, и именно в них некоторые находят либо "оскорбительность" для женщин, либо оправдание принципа "чистое против нечистого" как смысла церковной жизни. Но давайте послушаем сами молитвы.

В первой и самой короткой Церковь просит Бога, Который исцеляет "всякий недуг, и всякую язю", исцелить также "сию днесь родившую рабу" Его "и возставить ю от одра, на немже лежит". И молитва добавляет: "Зане, по пророка Давида словеси, в безаконних зачахомся, и сквернави вси есмь пред Тобою..."

Вторая молитва начинается с упоминания о рождении Христа, Который "родивыйся от Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Марии, и яко младенец во яслях возлегий, и яко дѣтиш восприемлем бывий". Затем она продолжает:

... И сию рабу Твою, днесь родившую сие отроча, помилуй, и прости вольная и невольная ея прегрешения, и сохрани

ю от всякаго дьявольскаго мучительства, и из нея рожденнаго младенца соблюди от всякаго яда, от всякия лютости, от всякия бури сопротивнаго, от духов лукавых, дневных же и ношньх. Сию же соблюди под державною рукою Твоею, и даждь ей скорое востание, и от скверны очисти, и болезни исцели, и здравие и благомошье души же и телу даруй, и ангелы светлыми и сияющими сию огради: и соблюди от всякаго наития невидимых духов, ей Господи, от недуга и слабости, от ревности и зависти, от очес призора: и помилуй ю, и младенца... и очисти ю от телесныя скверны, и различных ей находящих утробных стужений, и изведи ю скорою милостию Твоею, во смиренном ея теле во исправление: и из нея рожденнаго младенца сподоби поклониться земному храму, егоже уготовал еси славословиться имени Твоему Святому...

И, наконец, в третьей молитве, наряду с теми же темами прощения и исцеления, мы находим упоминание о чадородии как об исполнении первоначального Божьего Завета человеку:

...Ты бо рекл еси, Господи: раститесь, и умножитесь, и исполните землю, и обладайте ею. Сего ради и мы, раби Твои, молимся и ... со страхом вопием к Царствия Твоего Святому Имени: призри с небесе, и виждь немощь нас осужденных, и прости рабе Твоей сей, и всему дому, в немже родился отроча, и прикоснувшимся ей, и zde обретающимся всем...

Таким образом, главной, если не единственной, темой всех трех молитв является вопль о прощении. "В беззаконных зачачомся..." По-видимому, именно это кажущееся отождествление зачатия, а следовательно и секса, с грехом и нечистотой шокирует современного человека, даже если он христианин. Но соблазн этот существует только для тех, кто либо забыл, либо отбросил христианскую точку зрения на человека и христианское понимание секса. Наше время – и это болес, чем что-либо другое, говорит о его радикальной дехристианизации – характеризуется попытками "освободить секс" от ассоциаций с грехом, чувством вины и стыда. Коль скоро секс "естественен", он "хорош"; поскольку он "хорош", он "невинен": таково основное уравнение, взятое на вооружение в процессе "сексуального

освобождения" человека. Но именно это уравнение Церковь отвергает, так же, как она отвергает манихейское и дуалистическое отождествление секса со злом. Согласно христианскому мировоззрению, природа человека, несмотря на то, что онтологически она является благой, есть природа падшая, и падшая не частично, не так, что некоторые свойства человека остались незатронутыми и невинными, но во всей своей целокупности. И особенностью секса является то, что, будучи органически связанным с одним из высочайших божественных даров человеку, с даром любви, он именно поэтому является средоточием трагической двусмысленности, свойственной падшей человеческой природе. Действительно, с одной стороны, он есть выражение, сама "основа" человеческой принадлежности к животному миру, радикальной раздробленности человеческой природы и жизни, потери им своей целостности. Два полюса и двигателя секса – любовь и похоть – безнадежно смешались, и невозможно отделить и изолировать одно от другого. Отсюда и поистине антиномичный характер подхода Церкви к сексу и невозможность свести эту антиномию к простому решению – отделению "черного" от "белого".

Было бы ошибкой думать, что Церковь, осуждая секс вне брака и считая его вне брака "плохим", просто утверждает, что в браке он "хорош". Ибо суть дела в том, что – в браке или вне его – секс, в той степени, в какой он отождествляется с похотью, целиком принадлежит "этому миру", миру, чей "образ проходит", и который в своем теперешнем "образе" не наследует Царства Божия. И т.к. секс есть фокус, концентрированное выражение той "похоти плоти, похоти очей и гордости житейской", которая формирует и определяет жизнь "этого мира", секс подвластен закону, а не благодати. Подвластен закону – не значит осужден, но это значит, что он должен управляться в соответствии с общим видением мира, подчиниться этому видению, держаться в пределах, в рамках того порядка, который "для этого мира" является единственной его защитой от темных и иррациональных сил саморазрушения. Если секс "запрещается" вне брака и "разрешается" в браке, то именно потому, что брак – несмотря на свое искажение в падшем мире – принадлежит к более высокому видению, способен войти в Царство Божие, в то время как простое удовлетворение человеком

своих "естественных" порывов и страстей, естественное и "функциональное", как это может показаться, не только не принадлежит к такому уровню, но в конечном счете ведет к его разрушению и таким образом оказывается "против природы". Закон не может преобразовать и искупить. Однако он может, устанавливая границы и поддерживая определенный порядок, указывать на нечто, стоящее за его пределами, за пределами падшей природы, давать человеку ощущение более высокого видения жизни и заставлять его стремиться к нему. И именно по этой причине Церковь осуждает, как поистине демонические, те идеи и направления, которые — в различных комбинациях друг с другом — призывают к "сексуальному освобождению". Если секс — его понимание и ценность, придаваемая ему, — всегда был для Церкви "пробным камнем" всей человеческой нравственности, то это не из-за болезненного и скрытого обуяния плотью, как в наше время многие думают: в действительности болезненность и тупая одержимость становятся все больше и больше отличительным признаком "освобожденного секса", всяческих попыток сделать секс и только секс единственным содержанием человеческой жизни и человеческой любви. Наоборот, это связано со знанием Церковью истинной природы человека и его истинного призвания, с ее знанием того, что такое "освобождение" в конечном счете ведет к полному рабству и, таким образом, к саморазрушению человека.

В глазах Церкви все, что человек, "живущий в мире и облеченный плотью", может и должен сделать, — это принять — в смирении и послушании — закон, явленный Богом и освобождающий его, по крайней мере, до некоторой степени, от темной и иррациональной тирании секса — закон, который делает секс служанкой (хотя и двусмысленной) любви, а не ее хозяином или ее единственным содержанием. Закон не "освящает" секс и не "прокликает" его. Но, открывая человеку истину о сексе, его неизбежную и трагическую двойственность, он помогает ему сохранить внутри себя понимание своей истинной природы и бороться за ее целостность или, другими словами, искать благодати.

Итак, таков контекст, в рамках которого мы должны рассмотреть и понять отношение Церкви к вступлению в мир нового человеческого существа. Три молитвы первого дня содержат

радость по поводу этого события, вступления еще одного чада Божия в Божий "чудный свет", и одновременно — по тому же поводу — печаль об испорченности мира грехом. Величие дара способствует пониманию и служит мерой глубины человеческого падения. И если эти молитвы прежде всего призывают о прощении, то именно потому, что только божественное прощение — данное и исполненное во Христе и Его Пришествии — может очистить ту радость, восстановить ее во всей ее полноте, сделать это начало жизни также началом спасения и искупления. Еще раз человеческая жизнь является в своей истинной божественной славе и красоте, но также и в своей неизбежной зависимости от падших законов "этого мира". Зачатие не только не есть грех; оно поистине есть исполнение самого удивительного из божественных даров — способности давать жизнь. Но зачаты мы "во грехе", ибо неизбежным элементом зачатия стала похоть. Деторождение есть радость, но также "недуг и слабость", страдание и боль. Жизнь, которая начинается, открыта свету и радости, открыта самой вечности; но как она хрупка, как открыта всяким опасностям, как в своей сущности подвержена действию зла!

Все это созерцает и сообщает Церковь, когда она предстоит — в лице священника — перед вот этой матерью и вот этим ребенком и дает им свое благословение и таким образом соотносит этот "первый день" с таинством спасения. Чем она может помочь матери, судьба которой в этом мире — испытывать вынашивание ребенка как "слабость и недуг", как поработенность падшей природы, если не взыванием к прощению, к единственно истинному исцелению, единственно истинному возвращению к целостности, разрушенной грехом? Действительно, Церковь просит не за какой-то частный грех, частную "нечистоту", но за грехи "вольные и невольные", т.е. за грех как саму реальность этого мира, за нечистоту и скверну, пронизывающие все в нем. И что может Церковь предложить ей, кроме прощения, которое всегда есть переход в жизнь, искупленную Христом, в радость и полноту, защищаемую "светлыми и сияющими ангелами"? Какой другой дар может предложить ей Церковь, кроме сообщения ей, что это рождение, подобно рождению каждого ребенка, и само ее материнство преобразуются Церковью в участие в радости и полноте особого Материнства Марии, через которое пришли радость и спасение всему миру? И наконец, с каким еще приветствием

может обратиться Церковь к ребенку, кроме обещания ввести его в прославление Святого Имени Божия, т.е. в знание и единение с Ним, которое есть жизнь вечная?

И тот, кто видит оскорбительность в этих молитвах, наполненных божественной любовью и участием к человеку, проникнутых единственно подлинным — потому что истинно божественным — уважением к человеческой личности, не только ошибается, но проявляет себя глупым и мелким. И вместо того, чтобы слепо следовать за этим миром в его дешевых бунтах — во имя пустых прав, бессмысленного достоинства и потребительского счастья, — нам следует открыть заново и сделать своим церковное видение мира — то, которое Церковь являет нам в первый день человеческой жизни.

3. Наречение имени

Другая сторона этого видения нам открывается в молитвах, "во еже назнѣменовати отроча, приемлющее имя во осмый день рождения своего". Если молитвы первого дня есть, прежде всего, молитвы о матери, то теперь центр внимания Церкви перемещается на младенца.

Заметим прежде всего, что в отличие от предыдущих обрядов, молитвы восьмого дня носят литургический характер. Они начинаются обычным славословием, призыванием Святого Духа, Трисвятым и молитвой Господней, а заключаются литургическим отпуском. Это уже само по себе является указанием на то, что мы теперь находимся на пути к Церкви. Первые молитвы были не что иное, как приветствие, первая "встреча"; теперь жизнь, которая только что началась, превращается в шествие к "земному храму", где должно совершиться спасение. После такого начала:

Господи Боже наш, Тебе молимся и Тебе просим, да знаменается свет лица Твоего на рабе Твоем сем, и да знаменается крест Единородного Сына Твоего в сердце и в помышлениях его, во еже бѣгати суеты мира, и от всякаго лукаваго навета вражия, последовати же повелением Твоим. И даждь, Господи, не отречѣнну пребыти имени Твоему Святому на нем, совокупляемем во время

благопотребно Святей Твоей Церкви, и совершаемем Страшными Тайнами Христа Твоего. Да по заповедем Твоим жительствовав, и сохранив печать нерушиму, получит блаженство избранных во Царствии Твоем...

Освещение крестом и текст последующей молитвы напоминает нам "Молитвы об оглашенных", о которых мы говорили в начале нашей книги. По сути это тот же обряд, только приспособленный к обстоятельствам крещения младенцев. Этим священнодействием Церковь берет в свое владение ребенка во имя Христа и отмечает его знаком Креста, знаком Христовой победы и господства, и начинает готовить его к крещению.

Единственный новый элемент — это само наречение имени. В обрядах первого дня не произносится никакого имени. Но теперь ребенок называется по имени и его имя соотносится со Святым Именем Божиим:

...И даждь, Господи, не отречѣнну пребыти Имени Твоему Святому на нем...

Имя человека, отличая его от всех других людей, идентифицирует его личность и утверждает его единственность. Воплотившийся Сын Божий имеет человеческое имя, потому что Он есть вполне личность, а не "человек вообще", абстрактный и безличный носитель абстрактной человеческой природы. Человеческая природа не существует вне личности, каждая из которых представляет собой поистине единственный и вполне личностный тип воплощения и реализации этой природы. Поэтому обряд наречения имени есть признание Церковью единственности этого конкретного ребенка, обладания им божественного дара "личности". Соотнося его со Святым Именем Божиим, Церковь показывает, что каждое имя свято, т.е. освящено человеческим именем Самого Христа. Она показывает, что во Христе имя каждого человеческого существа есть имя чада Божьего, сотворенного и предназначенного для личного общения с Богом, личного участия в вечном Царстве Божиим, а не для растворения в некоей безличной "нирване". Мое имя — это "Я", которое Бог творит, обращаясь к нему, как к "Ты", и которое поэтому Он Сам являет как Личность, как Святое Имя, как "Ты" вечной любви и единения. Если для Церкви, для всех ее Святых, для всего ее опыта Христос Сам присутствует в Своем имени Ии сус, если это Святое Имя есть для нас присутствие, единение, радость, сила, то

это потому, что имя есть таинство личности, явление, дар самой ее сущности.

Имя Христа освящает и делает святым мое имя, делает его выражением, таинством моей личности во Христе на веки вечные. И служба восьмого дня — будучи даром мне моего имени во Христе и в Его Святом Имени — есть, таким образом, дар мне той самой "личности", сотворенной Богом, которая должна быть восстановлена в крещении и спасена для Царствия Божия.

В прошлом имя каждого христианина считалось святым, и с самого детства его учили уважать свое имя как нечто святое. Из этого интуитивного ощущения святости имени развилась традиция давать ребенку имя какого-нибудь святого, т.е. имя, уже "реализованное", как святое, определенным христианином. Это делалось не просто из стремления обрести небесного покровителя; скорее, традиция эта была плодом живого опыта Церкви как "сообщества святых", уверенности в том, что святость есть единственное истинное назначение и призвание человека. В свете этой традиции какой печальной и даже демонической представляется современная десакрализация человеческого имени, сведение его ко всякого рода вульгарным кличкам, растущее безразличие к христианскому пониманию слова вообще и имени в частности. Как было бы чудесно, если бы мы, православные христиане, живущие на Западе, вместо того, чтобы следовать за этой прогрессирующей деградацией человеческого имени — и следовательно, личности, носящей это имя, — постарались восстановить отношение к имени как к имени святому: во-первых, вернувшись к использованию имен, освященных святостью святых, и, во-вторых, употребляя их с той же любовью и уважением, с какими мы называем единственное и Святое Имя Иисуса.

Наречение имени происходит на восьмой день после рождения младенца. Мы уже знаем, что восьмой день — это символ Царства Божия, стоящей за пределами "этого мира" небесной реальности, участниками которой мы становимся через крещение и миропомазание. Поэтому служба, посвященная наречению имени, как бы обращена к этим таинствам. На ее горизонте виднеется не "ветхая", а новая и вечная жизнь. Приветствуя младенца, сотворенного для вечности, Церковь обращает свой взор за пределы "этого мира".

И поскольку вся история спасения повторяется каждый раз, когда ребенок препоручается Христу и Его Царству, обряд наречения имени заключается тропарем праздника Введения во Храм Самого Христа. Мы приносим этого младенца Богу точно так же, как однажды, в неповторимый момент времени, Младенец Иисус был принесен Богу. Он стал ребенком, с тем, чтобы все дети могли стать детьми Бога и войти в неизреченную радость жизни Божией и Царства Божия, с тем, чтобы каждый ребенок мог стать единственным объектом единственной любви. Мы препоручаем его Богу, которому Христос препоручил Себя от вечности. Ибо только таким образом единственность каждой человеческой жизни может найти свою реализацию.

4. Воцерковление

Что касается обрядов сорокового дня, то с ними в Церкви произошло недоразумение, которое должно быть устранено, если эти обряды собираются обрести подобающую им и, как мы надеемся показать, существенную функцию в жизни Церкви.

Очевидно, в основе этого недоразумения лежит неправильное понимание самого обряда воцерковления. Мы можем спросить: кто воцерковляется? С одной стороны, мы видим здесь обряд, связанный с возвращением матери, после того, как она выздоровела от "недуга и слабости" чадоношения, к полноценному участию в sacramентальной жизни Церкви; и, таким образом, это ее воцерковление. С другой стороны, обряд включает в себя молитвы о младенце, который присутствует, но, как указывают слова этих молитв, еще не был крещен; и таким образом, это принесение в Церковь некрещеного ребенка и называется воцерковлением:

В четырехдесятый же день паки приносится отроча к храму, во еже вцерковлятися, сиесть, начало прияти вводится в Церковь. Приносится же матерю...

Наконец, в самом конце обряда мы находим другое воцерковление — однако этот обряд уже должен совершаться, как гласит рубрика, если ребенок крещен ("аще младенец крещен есть").

Попытаемся ответить на вопрос, как это произошло и откуда эта странная неразбериха и даже противоречие, столь очевидное даже в уставе.

Приносится же материя уже очищенную и омовенную сушею, предстоящу и хотящему прияти то по крещении.

Что "прияти"? И почему "по крещении", если, как мы только что видели выше, каждое слово предполагает, что обряд совершается до крещения?

Вопрос может показаться сложным, но ответ на него прост. Случилось так, что два обряда — первоначально полностью различные и независимые друг от друга — соединились, и это произошло опять-таки под влиянием несостоятельного литургического богословия, за которым последовало неправильное понимание богослужения. Это следующие обряды: предкрещальное воцерковление матери и ребенка и послекрещальное принесение ребенка в Церковь. И в то время как только первый обряд есть — и поэтому должен так называться — воцерковление, фактически это название было усвоено — несправедливо и ошибочно — второму, что и привело к описанному выше недоразумению.

Мы уже знаем, что первоначальное крещальное богослужение, предназначенное, главным образом, для взрослых оглашенных, не включало в себя особого обряда "воцерковления". Даже теперь, когда крестится взрослый, он не "воцерковляется", и на то есть очевидная причина. Крещение само по себе есть воцерковление в самом глубоком и полном смысле этого слова: вступление и влияние в Церковь как Тело Христово, Храм Святого Духа, участие в новой жизни. Поэтому то, что мы сегодня называем "воцерковлением" — послекрещальный обряд принесения ребенка в храм, а если это мальчик, то даже в алтарь, — не есть воцерковление и не должно так называться. О его значении мы скажем ниже. А сейчас мы хотим подчеркнуть, что отдельный обряд воцерковления появился и развился в связи с практикой крещения младенцев и как обряд, предшествующий крещению. Этот обряд есть литургическое выражение и "ознаменование", прежде всего, определенного факта: в прошлом в Церкви было общепринятым, чтобы мать приносила с собой на литургические собрания Церкви своего еще не крещенного ребенка. Именно этот факт, этот обычай и "санкционировала" Церковь в обряде

воцерковления, основной смысл которого касается поэтому не только крещения, но также понимания Церковью христианской семьи.

Действительно, основная черта этого обряда состоит в том, что мать и дитя полностью объединяются, образуют, так сказать, одну человеческую реальность и, таким образом, единый объект благословения, освящения и молитвы:

Приклонит же ей главу вкупе со младенцем, творит священник креста знамение над ним, и касаяся главы его, глаголет молитву...

Но это ритуальное объединение является истинным и в самой жизни; это, прежде всего, выражение некоторой реальности. Свойством младенчества является его полная, даже физиологическая, зависимость от матери, а свойством материнства, по крайней мере, в его начальной стадии, является столь же полная зависимость от ребенка. Они не только нуждаются друг в друге, не только жизнь одного "сцеплена" с жизнью другого, но они живут одной и той же жизнью: жизнь одного является жизнью другого. Мы не должны забывать, что так же, как и замена кормления грудью кормлением из бутылочек, система нянь есть относительно недавнее нововведение. В прошлом было необходимо и, следовательно, нормально, чтобы мать носила с собой ребенка всюду, куда бы она ни шла, т.е. всегда составляла с ним одно. Можно сказать, что в начале человеческой жизни, на ее формирующей стадии, мать поистине выражает личность ребенка и ребенок поистине есть жизнь матери как личности.

Наше современное богословие, которое во многом перестало быть личностным, т.е. сосредоточенным на христианском опыте личности, тем не менее — а может, и в результате этого — стало в высшей степени индивидуалистическим. Все в Церкви — таинства, обряды и даже сама Церковь — оно рассматривает главным образом, если не исключительно, как "средство индивидуального получения благодати", нацеленное на индивидуума, на его индивидуальное освящение. Оно даже утратило категории, позволяющие выразить Церковь и ее жизнь как ту новую реальность, которая как раз преступает и преодолевает всякий индивидуализм, преобразует индивидуальности в личности, реальность, в которой люди — личности только потому и постольку, поскольку

они соединены с Богом и в Нем соединены друг с другом и с полнотой жизни.

Таким образом, в нашей телерешней практике, сформированной ущербным, односторонним и индивидуалистическим богословием и такой же экклезиологией, обряд сорокового дня довольно часто совершается над одной только матерью, как будто это касается только ее, а не ее единства с ребенком, самого ее материнства, самой реальности в этом мире того единства, в котором одна личность реализует себя принятием жизни другой личности, отождествлением своей жизни с жизнью другой, — как будто бы единственное истинное "очищение" матери не состоит, по существу, в принесении своего ребенка в Церковь и тем самым к Богу.

Но именно это и открывает нам обряд сорокового дня — одновременное воцерковление матери и еще не крещенного ребенка. А санкционируя принесение ребенка, делая его "началом введения ребенка в Церковь", этот обряд являет также церковное понимание христианской семьи или, скорее, предназначенной ей уникальной функции внутри Церкви. Ибо не всякий ребенок может быть "воцерковлен", а только ребенок, родившийся в христианской семье у родителей-христиан, а это означает — в семье, которая именно в качестве семьи принадлежит Церкви, является органической единицей в семье Бога. Быть семьей и реализовать себя как семью — это и есть истинная сущность Церкви. Человечество было сотворено как семья, чье естественное единство должно было реализоваться как единство с Богом, как разделение всеми одного и того же божественного дара любви и жизни. Поэтому первый плод греха представлен в Библии как убийство одного брата другим, т.е. как "разрушение" семьи и начало "небратской" жизни. Но тогда искупление человека состоит также и в его искуплении как члена семьи, в восстановлении самой жизни как семьи: "...все мы братья" (Мф. 23, 8).

Эта новая семья есть Церковь. Но именно потому, что она есть семья Божия, Церковь восстанавливает и естественную семью, которая, как и все в этом мире, разделяет его падшесть, но в то же время ее собственная реализация как семьи Божией зависит от искупленной семьи человека. Церковь искупляет естественную семью человека, разрушая его эгоизм,

эгоцентризм, замкнутость; семья сама начинает служить Богу, и это выражается в таинстве брака и в принесении ребенка, который есть естественный плод и реализация брака, Богу. С другой стороны, от этой искупленной семьи зависит Церковь в своей собственной реализации как Церкви, потому что в этом мире семья остается единственным установлением и божественно санкционированным источником самой человеческой жизни.

Новорожденный ребенок принадлежит семье. У него нет какого-либо автономного существования; его жизнь полностью определяется и формируется — как в настоящем, так и в ближайшем будущем — этой принадлежностью. И семья — если это христианская семья — принадлежит Церкви, находит в Церкви источник, содержание и трансцендентную цель своего существования в качестве семьи. Поэтому ребенок, который принадлежит семье и в более конкретном, биологическом смысле — матери, тем самым принадлежит Церкви, есть поистине ее ребенок, уже принесенный, препорученный Богу. Получая свою жизнь от матери, составляя с нею одно целое, ребенок уже получает жизнь, освященную благодатью и открытую ее действию, так же, как оглашенный готовится к крещению тем, что его "принимают в Церковь" (см. Литургию оглашенных), и еще до крещения он считает Церковь матерью и жизнью.

Все это выражено в молитве, читаемой священником, когда он склоняется к матери и благословляет ребенка, которого она держит на руках:

Господи Боже Вседержителю, Отче Господа Нашего Иисуса Христа, все естество словесное же и бессловесное словом Твоим создавший, и вся от несущих во еже быти приведый, Тебе молимся, и Тебе просим: Твоею волею спаси еси рабу Твою, очисти от всякаго греха и от всякия скверны приходящую ко Святей Твоей Церкви, да неосужденно сподобится причаститься Святыя Твоих Тайн.

И от нея рожденное отроча благослови, возрасти, освяти, вразуми, уцеломудри, удобромудрстви, яко Ты привел еси е и показал еси ему свет чувственный, да и умнаго сподобится света, во время, еже определил еси: и сопричтется Святому Твоему стаду...

Для женщины ее воцерковление есть возвращение в Храм Божьей славы, от которого она была отделена на сорок дней из-за своих "недуга и слабости", возвращение в Церковь как приобщение Телу и Крови Христовым. "Мир всем", — говорит священник, и это означает, что воцерковление происходит во время собрания верующих и есть возвращение женщины к внешнему единству христианской общины. И затем он читает молитву, в которой просит Бога: "омьй ея скверну телесную и скверну душевную... творяй ю достойну и причащения Честнаго Тела и Крове Твоея..."

Что касается ребенка, то его воцерковление состоит в том, что его приносят в Церковь, т.е. предлагают Богу так же, как Сам Христос был "...в четыредесятный день Младенец законному храму принесенный от Марии... и на объятиях праведнаго Симеона носимый". Это начало пути ребенка к крещению, как ясно говорится в третьей молитве:

Сам и ныне, сохраняяй младенцы, Господи, Благослови отроча сие, вкупе с родители и восприемники его, и сподоби е во время благопотребное и Водю и Духом отрождения: сопричти е Святому Твоему стаду словесных овец, нарицающихся именем Христа Твоего...

Но высший смысл и радость этого обряда могут быть найдены — как это понимает и испытывает Церковь — в свете и радости тайны Марии, матери Христа. Когда мать стоит у входа в Церковь, держа на руках своего младенца, готовая принести его и самое свое материнство Богу, она встречает другую Мать с другим Младенцем на руках: икону Богородицы — сущую икону Воплощения и его прития творением. И Церковь в своих молитвах объединяет эти два материнства, наполняет человеческое материнство неповторимой радостью и полнотой божественного Материнства Марии. Младенец, которого Она носила, с Которым Она была полностью соединена как Мать, Который был всей ее жизнью, соделал ее "исполненной благодати". И теперь эта благодать наполняет Церковь. И именно эту благодать, благодать Марии, благодать Церкви — получает и излучает каждая мать, когда она приносит своего ребенка Богу.

Воцерковление заканчивается после четвертой молитвы обычным отпущением. И в свете вышесказанного мы теперь можем понять смысл послекрещального обряда, который

в настоящее время даже богослужебные книги называют воцерковлением, но который фактически есть заключительная часть крещения младенца, в отличие от крещального богослужения для взрослых. Последнее, как мы знаем, реализуется в шествии новокрещенных из баптистерия в церковь и в их участии в Евхаристии. Однако ребенок не может "шеествовать", а должен быть взят и принесен в церковь. Таким образом, в действительности это то же самое шествие к Церкви, но приспособленное к обстоятельствам крещения младенца:

Таже прием священник отроча, начертгавает крест им пред враты храма, глаголя:

— Воцерковляется раб Божий имярек, во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа, аминь.

Во-первых: "врата". Крещение как вступление в Церковь и в ней — в новую жизнь Царства Божия.

Таже вводит с во храм, глаголя:

— Внидет в дом Твой, поклонится ко храму Святому Твоему.

После входа: сама жизнь Церкви предстает как восхваление и торжество, как "радость, мир и праведность" Царства.

И входит посреде храма, глаголя:

— Посреде Церкви воспоёт Тя.

И наконец: Церковь сама как шествие и восхождение к небесному Царству, конечному исполнению всей жизни в Боге.

Таже вводит пред дверьми жертвенника.

И обряд завершается эсхатологической песнью св. Симеона: "Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему с миром: яко видеста очи мои спасение Твое..." Крещение приводит нас в Церковь; а Церковь, приводя нас ко Христовой трапезе, делает нас — сейчас, в этом мире, в этой жизни — участниками и свидетелями Спасения, уготованного Богом и исполненного во Христе.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об общей религиозной основе этих обрядов см.: M. Eliade, *The Sacred and the Profane*, Нью-Йорк, 1959, особенно гл. 4 "Человеческое существование и освященная жизнь", с. 162 и далее. Того же автора *Rites and Symbols of Initiation (Обряды и символы посвящения)*, Нью-Йорк, 1958. Van der Leeuw, *Religion*, раздел 22: "Освященная жизнь" и раздел 49: "Очищение". О самом обряде см.: Алмазов, *История...* с. 476 и далее.
2. О религиозном значении имен см.: H. Usener, *Gotternamen (Божественные имена)*, 1929; van der Leeuw, *Religion...*, раздел 17.

О. МАТТА ЭЛЬ-МЕСКИН

СО СВЯТЫМ ДУХОМ В НАШЕМ ПОВСЕДНЕВНОМ ПОДВИГЕ

Синергия *

СВЯТЫЙ ДУХ И ЕГО ДЕЙСТВИЕ НАШЕЙ ЖИЗНИ И

I

Св. Дух в нашем продвижении от жизни во грехе к жизни в святости

Дух Святой никогда не проявляет Себя видимо, на поверхности жизни, но действует очень тонко и таинственно внутри нас. Поэтому, чтобы распознать Его действие в нашей жизни, нам необходимо глубоко войти во все функции нашего бытия, как то: образа мыслей, сознания, побудительных причин наших поступков, желаний и вожделений — как добрых, так и пагубных, — наших молитв, постов и слез, нашего служения в церкви и, наконец, нашей любви к Богу и ближним. Проникнув все эти глубины, мы предстанем, наконец, перед разумом Духа, перед Его требованиями к нам и целью, которую Он поставил перед нами. Тщательное самоуглубление и самоанализ всегда требуют усилия, но если отказаться от них из-за того, что при этом слишком много требуется от нас, мы сами будем оставлены на произвол поверхностной жизни, управляемой внешними формами слов и поступков, и никогда не познаем действия Св. Духа в нас.

Отчего же Св. Дух действует исключительно в глубинах человеческого существа? Ответ содержится в самой природе человека, созданной так, что подлинные побуждения, намерения и устремления, движущие и управляющие им, вытекают именно из глубин его существа и в свою очередь оказывают на него влияние, тогда как на поверхности жизни бытуют и имеют силу лишь фальшивые побуждения, как то: обычаи, условия среды, уровень образования и подстрекательство других людей.

* Греческое слово "синергия", означающее единство усилия, труда, приобрело глубокое богословское значение, выражающее православное учение о гармоническом сочетании благодати с подвигом человека в каждой добродетели. (Прим. автора).

Если Дух Святой начал действовать в человеке, первоначальные результаты этого действия непременно будут восприняты им как мысленная борьба ("брань" — прим. пер.) — борьба в сознании и теле, т.е. человеку предстанет ратоборство между Духом жизни во Христе Иисусе, Духом святости, истины, праведности и целомудрия, и духом лжи, нечистоты и обманчивых похотей. Эта борьба невыносимо болезненна для сознания еще и потому, что возможность падения во зло наличествует уже в самом присутствии Духа святости, когда веления совести достигают предела.* На этой ступени борьбы цель Св. Духа заключается в том, чтобы вызвать в человеке предельную ненависть к греху, и чем острее Его присутствие, тем сильнее веления совести и тем сильнее возрастает в человеке ненависть к греху и недоброй жизни.

В этом случае сердце и сознание человека, которые апостол Павел называет "умом", "мыслью", "пониманием", находятся в союзе с Духом. Неясность понятий, употребляемых апостолом, объясняется смысловым изменением с течением времени греческого слова "нус".** Покаяние, как оно понимается в Евангелии, есть изменение, происходящее в уме (или умозрении — прим. пер.),

иногда он является той же силой, которая приводит к изменению

* Потому что присутствие Св. Духа, хотя оно не насилует волю и сознание человека и, таким образом, как бы статично, на самом деле является в высшей степени динамической и действенной силой, требующей от человека выбора между добром и злом. Будучи Духом истины, Он раскрывает до последних глубин сознания значение и действие обеих реальностей и обнаруживает греховные наклонности человека, ставшие нормой его жизни, умозрения, действия. "Ибо я не понимаю, что делаю, потому что не делаю что хочу, а что ненавижу, то делаю ... потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю" (Рим. 7:15, 18, 19). Все это доводит чувство самоукорения до невыносимой остроты, когда иной скорее готов вернуться к своим "нормальным", "естественным", греховным путям, чтобы обрести покой, разве что у него окажется достаточно мужества и веры признать за собой горькую правду и предать себя, в смиреннии, Духу Божию. (Здесь и далее примечания переводчика).

** Древнегреческое νοῦς означает интеллект, или ум (божественный или человеческий), отраженный мыслью, чувством или волей, а также понимание и разум. В современном русском языке оно может обнимать также понятия совесть, умозрение, сознание (в смысле осознание), и в настоящем переводе употреблены все оттенки этого слова, как того требует смысл текста.

т.е. "мета-ноиа".* Действие Св. Духа по обновлению человека также совершается в уме: "Преобразуйтесь обновлением ума вашего" (Рим. 12:2). Здесь разумеется преобразование (μεταμορφῶω преобразоваться) одного состояния в другое, происходящее в уме (νοῦς).

К сожалению, несмотря на то, что сердцем человек склонен к послушанию Духу, плоть его уклоняется к греху.** Это происходит оттого, что инстинкт и привычка сделались в человеке бесконтрольной силой и требуется долгое время, чтобы вернуть их в покорность и под управление сознания и сердца — чрез Духа Святого. При этом нужно помнить, что грех всегда эксплуатирует природный инстинкт человека и развращает его с тем, чтобы он уже не мог служить его законным естественным нуждам.

Так вот, если в инстинктах и пожеланиях плоти грех находит свое действие, то Дух Святой находит основание в сердце (или уме, сознании) человека, где Он устраивает Себе жилище и откуда начинает противоборствовать стихиям зла, которые держат в подчинении плоть. Так начинается преобразование и обновление ума, что несколько легче. Апостол Павел разъясняет этот момент в описании состояния человека, находящегося под влиянием Св. Духа, в начальный период борьбы с грехом: "ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божием, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от сего тела смерти? Благодарю Бога (моего) Иисусом Христом, Господом нашим. Итак, тот же самый я умом (моим) служу закону Божию, а плотию закону греха" (Рим. 7:22-25).

Но если ум и сознание совершенно отдадутся греху, если человек упорно будет отвергать действие Духа, отказываясь от подчинения Его водительству, то и побуждения Духа прекратятся и борьба между добром и злом совершенно замрет. В результате исчезнет всякое ощущение упрека совести, ибо Бог оставил

* Отсюда монашеские "метания", т.е. земные поклоны, как выражение покаяния.

** "Ибо плоть желает противного духу, а дух — противного плоти: они друг другу противятся" (Гал. 5:17).

человека и предал его в руки противника. "И как они не заботились иметь Бога в разуме, то предал их Бог превратному уму — делать непотребства" (Рим. 1:28). Ум в таком случае делается "превратным умом" и такой человек упражняется во всякого рода неблагоприятных поступках без каких-либо угрызений совести. Более того, грешник с превратным умом даже радуется во зле (Рим. 1:32), ибо раз такой ум водится плотью и живет в согласии с ней, он теряет божественное просвещение. Апостол Павел называет его чувственным или плотским умом: "... вторгаясь в то, чего не видел, безрассудно надмеваясь плотским своим умом" (Кол. 2:18). Такое общее критическое поражение начинается с неоднократных попыток дьявола посеять в уме сомнение в том, что есть добро и что правильно. Он оказывает давление на волю для того, чтобы сломить этот вал сопротивления, после чего человек вступает в нескончаемый процесс капитуляции.

Если же, однако, ум находится под контролем Духа, если человек принимает Его укоризны и активно откликается на них, то ум его постепенно становится духовным умом. Влияние Духа тогда выходит за рамки обновленного активного ума, чтобы охватить всего человека, вследствие чего он становится духовным человеком, и самый закон Св. Духа становится тогда законом его разума, управляющим его поступками. Апостол Павел выражает это состояние как "удовольствие в законе Божиим" (Рим. 7:22).

*

Мы можем подытожить последовательность действия в нас Св. Духа следующим образом:

1. Без действия Св. Духа человек пьет грех, как воду. Он не испытывает ни борений, ни разлада, ни чувства укоризны или сожаления, ибо заповеди, как средства оценки добра и зла, у него нет,* как нет в нем и Того, Кто зовет нас к добру.

2. Действие Св. Духа начинается с предложения уму заповеди как божественного мерил и вестника, требующего от человека отдачи Богу должного. Немедленно вслед за этим начинается борьба между разумом, принявшим зов к добру, и грехом, кроющимся

в плоти, как змея, и подстрекаемым дьяволом, который в свою очередь действует через грех. Эта борьба между умом (рассудком, сердцем, или совестью) человека и плотью происходит именно оттого, что ум вмещает "закон духа жизни во Христе Иисусе", тогда как плоть предоставляет приют закону греха и смерти.

3. Воздействие Св. Духа увеличивается пропорционально тому, насколько ум способен воспринять и вместить Его и насколько он послушив Его водительству. При этом борьба усиливается, но само это усиление является свидетельством или мерой действительности работы Св. Духа, целью Которого является утверждение прочного сознания, что грех есть зло.

Когда ум достигнет полного сознания отвратительности и смертоносности греха, это будет означать, что он вступил под закон Св. Духа, т.е. освятился.

4. Освящение ума не есть статическое состояние. Как скоро ум обретет свободу от закона греха и освятится Духом Святым, от его уверенности в правоте усиливается воля, направленная на борьбу с грехом, кроющимся в плоти и действующим через страсти, которые разжигает дьявол путем обмана и необоснованного страха. Жизнь праведности, благочестия и святости начинается как раз в тот момент, когда воля начинает побеждать действие греха и его предательское увлечение человека в страсть.

5. Борьба, совершаемая исключительно между законом Духа, хранимым в уме, и законом греха и смерти, живущим во плоти, не прекращается до тех пор, пока тело живо. Более того, она наиболее жестока у тех, кто старательно подвизается на поприще святости, то усиливаясь, когда ум восходит на более высокий уровень святости, то ослабевая, когда превозмогает благодать и временно прекращает брань.

6. Одного убеждения, что грех есть зло, что его действие развращает и разрушает, еще недостаточно для оправдания человека. Один Бог оправдывает человека. Ясно, что только Бог свят, но мы также знаем, что праведность Христа излилась на нас, что Христос оправдал грешников, искупив их пролитием Своей крови. Поэтому путем к праведной и святой жизни является сочетание морального убеждения, что грех ужасен, и уверенности в том, что мы оправданы праведностью Христа.

* "Где нет закона, нет и преступления" (Рим. 4:15).

7. Искупительная смерть Христа осудила грех и упразднила его разрушительную власть над человечеством. Осознание роковой опасности греха и отвержение его в разуме практически являются выходом из-под осуждения, а это делается возможным только благодаря действию Св. Духа и ходатайству крови Христа. "Дух жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти" (Рим. 8:2). Поэтому не следует отчаиваться при все возрастающем сознании греха и его губительного влияния на жизнь и спасение человека, даже если мы еще не вступили, как следует, на путь святости, ибо уже одно это сознание высвобождает нас из-под греха. Искреннее и совершенное отречение от греха и дьявола в сознании и совести уже само по себе есть действие Духа, берущее начало в оправдании грешников кровью Христа и в осуждении Им на кресте греха и дьявола. Все это как раз происходит в крещеном человеке, прежде чем он активно вступит в христианскую жизнь по вере.

Таким образом, всякий раз, когда мы сознательно, т.е. сердцем, со всей искренностью и духовным убеждением отрекаемся от греха и дьявола, мы ухватываемся за праведность Христа и за исповедание правой веры, а этого достаточно, чтобы снова подготовиться к святой жизни и получить новый толчок к практическому осуществлению святости. Т.е. праведность Христа в самом основании связана с нашим высвобождением из-под закона греха, действующего в наших членах.

8. Без святости жизни, т.е. без продвижения от морального убеждения об опасности греха к добровольному активному сражению с ним, праведность Христа останется в нас бесплодной и наша жизнь не явит свидетельства о Нем. Она останется не более, чем документом в наших руках, из которого мы не извлекли еще пользы. Праведность Христа не может оставаться лишь откровением в сознании. Шаг за шагом она должна быть переведена на практическую святость и победу над грехом, потому что спасение несовместимо с греховной жизнью. Вот почему действие Св. Духа в человеке в образе мысленной брани с грехом во плоти должна непрестанно возрастать, чтобы привести сознание от убеждения в пагубности греха (какое есть состояние умной святости) к возбуждению воли к активной святости. На этом пути святость простирается за рамки сознания, активизируя волю, а через нее проецируется на плоть. Затем Дух берет под контроль всего человека: его ум и все члены тела.

9. На этой ступени очень важно знать, что наша личная, подлинная любовь ко Христу, постоянно возбуждаемая Духом, является чрезвычайно мощным залогом победы над законом греха, как бы властен он ни был. "Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями" (Гал. 5:24). Здесь под выражением "те, которые Христовы" подразумевается постоянная и глубокая близость ко Христу, которая не оскудевает и не наскучивает со временем.

"Кто во Христе, тот новая тварь" (2 Кор. 5:17). Такое единение с Христом по любви есть отношение новой твари с воскресшим Христом, дарующим Духа Святого чрез все таинства Церкви.

10. И, наконец, если мы сравним закон греха с законом духа жизни, мы обнаружим между ними ужасающую пропасть: пропасть между злостным обманом, в который нас затягивает грех, если мы склоняемся к нему, и благородством истины и света, если мы изберем ходить в Духе, слушать Его голос и не ожесточать сердце. Закон греха и смерти неумолим, деспотичен и язвителен, в нем нет ни мудрости, ни полезности. Это слепой, бессмысленный закон, не имеющий иной цели, кроме смерти и разрушения, который апостол сравнивает с блуждающими звездами, сгорающими и исчезающими навсегда, с безводными облаками, носимыми ветром, с осыпающимися осенними листьями, вечно взметаемыми ветром.* Поэтому, если закон греха возымеет власть над нашими членами, он ослепит наш ум и мало-помалу лишит его сознания божественной истины. Тогда целомудрие и благочестие станут презираться, всякая добродетель и все, относящееся к Богу, потеряет цену. А когда закон греха всецело захватит власть и над членами тела, и над умом, он сможет поработить и волю и, таким образом, увлечь человека во всякую страсть и нечистоту — и вот, человек совершенно пленен.

Однако, если мы рассмотрим закон Духа жизни во Христе, мы увидим, что он могущественнее закона греха. В 11-ой главе Евангелия от Луки Господь сыпается на него как на "сильнейшего", как бы говоря: "хотя дьявол и силен, но Дух Святой сильнее": "Когда же сильнейший его нападет на него и победит его, тогда возьмет все оружие его, на которое он надеялся, и разделит похищенное

* Ср. Иуд. 12-13.

(Лк. 11:22). Отсюда ясно, что высвободиться из-под закона греха и смерти можно только чрез более могущественный закон Духа жизни во Христе Иисусе.

Закон греха увлекает человека вниз, в состояние ниже его подлинной природы и в конечном итоге умерщвляет как сознание, так и его воздействие, тогда как закон Духа возвышает ум, волю, поступки и даже плоть человека над его естеством — в жизнь вечную. Закон греха действует во тьме, опирается на ложь, обман, лесть и раздутое до пределов фантазии воображение обольстительных наслаждений. Таким образом накидывается сеть, и вслед за этим диавол хватает и убивает свою жертву, прежде чем она начнет понимать, что происходит.

Напротив, закон Духа действует во свете, опираясь на истину, разворачиваясь не спеша со всею самоочевидностью, и чем большую власть он набирает, тем сильнее возрастает власть человека над собой, над страстями и инстинктом, тем яснее озаряются святостью его мысли, слова и поступки; каждый его шаг получает значение и действенность и ведет его к согласию с самим собой, с окружающими, с Богом, с миром и со всем творением Божиим.

II

Со Духом Святым в непрестанной борьбе против греха

"Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Фл. 4:13).

Мы должны хорошенько разобраться, на чем основывается наша духовная борьба против греха, плоти и мира, потому что всякая борьба, зиждимая не на правой вере, останется без пользы.

Прежде всего нам нужно четко осознать, что Христос не действует в нас помимо Св. Духа, а Дух не действует в нас без Христа. Мы, в свою очередь, ничего не можем без Христа и Св. Духа. Дух Святой берет то, что Христово, и вручает нам,* т.е. Он ничего не

* "Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам" (Ин. 16:14).

дает нам непосредственно, но Его чудная великая сила заключается в Его способности воспринять все, что принадлежит Христу, и передать нам. Таким образом все, что совершено и достигнуто Христом, становится нашим достоянием.

"И за них Я посвящаю Себя, чтобы и они были освящены истиною" (Ин. 17:19). Христос ради нас исполнил в Самом Себе все требования пред лицом Божиим. Он "сделался для нас премудростью от Бога, праведностью и освящением и искушением" (1 Кор. 1:30), и потому никто не может достичь хоть какой-то доли освящения, или праведности, или спасения вне или без жизни во Христе. С другой стороны, мы видим, что все, что Христос совершил на земле против греха и смерти — Его "осуждение греха во плоти" (Рим. 8:3) — не может быть перенесено на нас или стать действенным в нашей жизни, кроме как чрез Св. Духа, т.е. Духа жизни во Христе Иисусе, освобождающего от закона греха и смерти (Рим. 8:2). То есть это Дух Своей могущественной, вседержавной, сакраментальной властью над человеческой природой, разумом, логикой и плотью совершает упразднение закона греха и разрушение власти смерти в естестве каждого отдельного человека, что можно выразить как замену нашей ветхой адамовой жизни жизнью во Христе — живом Христе. Он для того берет от нас наше и дает нам все Христово, чтобы человек в свое время мог с уверенностью сказать о себе: "уже не я живу, но живет во мне Христос" (Гал. 2:20). Все это совершается при том условии, что мы веруем и крещаемся в Христову смерть — крещаемся во Христа, умершего ради нас на кресте, как грешник, и воскресшего ради нас из мертвых, как праведник ("Который был предан за грехи наши и воскрес для оправдания нашего" — Рим. 4:25).

Кроме того, сама эта вера в смерть и воскресение Христа ради нас утверждается в нас действием Св. Духа. Он возвышает ее до степени уверенности, превосходящей всякую логику и рассудочность. Так что даже наша вера фактически исходит не от нас, но является Божиим даром, хотя, если мы твердо ее придерживаемся, мы можем стать ее обладателями — веры, которая есть непрестанное действие Божие в нас и основа невыразимого действия Св. Духа.

Переложение веры в действие Духом Святым

Здесь мы имеем в виду веру в искупительную смерть Христа и Его воскресение во оправдание человека пред Богом-Отцом. Под действием разумеется борьба с грехом ради святости жизни.

Вера и действие не могут быть отделены друг от друга. Однако вера в искупительные подвиги Христа ни сама по себе, ни путем личного усилия не переходит в действие. Чтобы такое действие, выраженное сопротивлением греху ради святости жизни, имело место, ходатайство Духа Святого совершенно необходимо.

Чрез нашу веру в личность живого Христа Св. Дух проникает умственные и волевые глубины нашего существа. Он приводит ум и волю к подчинению и тончайшей чуткости к уму и воле Христа, вводя человека в состояние глубокой перемены. Такой человек ощущает себя в состоянии действовать неуклонно и бороться с грехом с силой, превосходящей его прежнюю, присущую ему силу ума и воли. Таким образом на практике выявляется, что Христос верою вселился в сердце человека, и что Дух Святой взял под Свое управление его ум и волю. Отныне ему остается только соблюдать постоянство покорности Богу и радостно-податливое послушание действию Духа, до тех пор, пока его спасение не совершится в полном обновлении ума и воли, чрез усердный подвиг против греха и всего греховного.

"Со страхом и трепетом совершайте свое спасение, потому что Бог производит в вас и хотение и действие по Своему благоволению" (Фп. 2:12-13). Из слов апостола ясно, что Бог Сам начинает действовать в нашей воле путем побуждения нас добровольно и радостно бороться с грехом. К этому-то моменту относятся слова "совершайте свое спасение", т.е. доведите до совершенства работу, начатую в вас Богом, исполняя ее со страхом и трепетом, чтобы не потерять спасение, ибо в таком случае дело Божие станет против вас.

Обратите внимание на положение подчинительного союза "потому что" в вышеприведенной цитате между "совершайте свое спасение" и "Бог производит в вас и хотение и действие": оно указывает на то, что наша работа над собой совершенно зависит от работы Бога в нас, предваряющей ее. Эта чудно-таинственная

инициатива Божия совершается в нашей воле и поступках, потому что Богу до конца известны слабость нашей плоти и пораженное состояние воли пред агрессивностью закона греха и проклятием смерти.

"Как закон, ослабленный плотию, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех, и осудил грех во плоти, чтобы оправдание закона (читай: "праведность закона") исполнилось в нас, живущих не по плоти, но по духу" (Рим. 8:3-4). Иначе говоря, Христос явился в мир, чтобы даровать нам (в Себе) праведность закона, преодолевающую бессилие плоти, подавая нам — мистически и сакраментально — праведность и победу над грехом, которые принадлежали Ему во плоти, путем Его вселения в нас действием Св. Духа. Эта передача совершается путем возвышения нашей воли и мысли до уровня воли и мысли Христа до тех пор, пока мы не соединимся с Ним в одно даже в действиях в добровольно-радостном борении с грехом, и пока на нас не исполнится сказанное апостолом, что Бог производит в нас "и хотение и действие по Своему благоволению".

Дар Божий во Христе есть не просто интеллектуальный или теоретический дар веры; он скорее есть активная вера, действующая против греха. По этой самой причине апостол Иаков громко предупреждает, что "вера, если не имеет дел, мертва сама по себе" (Иак. 2:17). Дела спасения и борьба с грехом являются единственным знаком, что Св. Дух действительно проникает ум и волю человека и что Христос живет в его сердце — т.е. что вера его жива.

Одним из очень эффективных средств по утверждению нас в подвиге, старании и бдительности в борьбе с грехом является вселение в нас Духом реального чувства, что мы прощены и оправданы кровью Христа: ум и дивится, и веселится, что грех смыт и уничтожен начисто. Такое ощущение испытывается всякий раз, когда мы подлинно прилагаем усилие согласно воле и благоволению Божию.

Однако постоянство и прогресс в подвиге не есть результат волевых, целенаправленных усилий человека. Они скорее есть плод искреннего послушания голосу Духа и исходящих от Него то убеждающих, то озаряющих радостью побуждений сердца. Они являются также прямым следствием чувства наслаждения, доставляемого опытом великого усилия и постоянства в подвиге под

водительством Духа. Таким образом каждый шаг в духовной борьбе с грехом, когда Дух водит нас и когда мы оказываем Ему послушание, еще крепче прилепляет нас к реальности действенной силы крови Христа, к реальности нашего оправдания и вечной жизни. "Подвизайся добрым подвигом, держись вечной жизни, к которой ты и призван" (1 Тим. 6:12).

Духовный подвиг со всеми его внутренними реакциями, постоянно творимыми в нашей воле Духом Святым, производит в нас ощущение тончайшего удовольствия. В результате Он охватывает и берет под контроль всякую похоть или извращение, давая усладу во всяком посте, всяком лишении, всяком воздержании, всяком отказе от того, что кажется недобрым, и во всяком стоянии на молитве или бдении, как бы долго оно ни длилось — т.е. во всем, что апостол Павел имеет в виду, говоря: "Итак, нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе живут не по плоти, но по духу" (Рим. 8:1). А жизнь по духу сама по себе есть этот постоянный радостотворный подвиг борьбы с грехом под водительством Св. Духа.

Архимандрит ПЛАКИДА (ДЕСЕЙ)

ИСТОРИЯ МОЕГО ПАЛОМНИЧЕСТВА

Первоначальное воспитание

Тех, кто способствовал моему человеческому и духовному становлению, я до сих пор вспоминаю с громадной признательностью. Великая литургическая и патристическая традиция Церкви стала для меня школой уже в лоне семьи. Моя бабушка и две тетки с отцовской стороны, имевшие на меня большое влияние, постоянно читали "Сборник древних молитв" отца Каброя и "Годовой круг литургического богослужения" отца Геранже, в которых собрано так много замечательных текстов ранних литургий Востока и Запада.

Этих трех женщин, веровавших непоколебимо и с глубоким смирением, отталкивала сентиментальная религиозность, и они очень рано сумели привить мне вкус к Преданию и понимание его богатства. Кроме того, они любили монастыри, труды отца Мармиона; большие аббатства Beuron, Maredsous и Solesmes¹ служили для них высоким примером веры. В школе мои учителя-иезуиты — люди, преданные молитве и наделенные большим благородством души и высоким умом, — пробудили во мне любовь к античной классике, рыцарскому средневековью и французскому XVII веку. Но это никак не противодействовало тому влиянию, которое оказывала на меня семья.

Мне было, должно быть, лет двенадцать, когда в одном старом журнале я прочитал статью о монастырях "Метеоры" в Фессалии. Не отпускали приложенные к статье фотографии. Впечатление у меня осталось неизгладимое, мне почудилось, что в тех местах живет Предание еще более высокое, еще более подлинное, чем в бенедиктинских монастырях, о которых говорит бабушка. Мне захотелось стать монахом в главном монастыре группы Метеоров —

но, разумеется, желание это было неосуществимо, ведь мне не верилось даже, что и в католический монастырь я могу быть принят, настолько монашеская жизнь казалась мне возвышенной и недосягаемой. Тогда будущее рисовалось мне иначе.

Война и немецкая оккупация резко изменили мою прежнюю жизнь. Случилось так, что я стал часто бывать в аббатстве de Wisques в Па-де-Кале. Там я познакомился с замечательным монахом, это был отец Пьер Дуайер — бывший морской офицер, который поступил в монастырь и которому впоследствии предстояло сделаться его настоятелем. Я навсегда сохранил привязанность к нему, как и к тогдашнему настоятелю, отцу Августину Саватону. Пятнадцать лет спустя мне пришлось вместе с отцом Дуайером работать над изучением писаний св. Гертруды Гельфтской, великой представительницы бенедиктинской мистики XIV века. Они опубликованы в серии "Истоки христианства".

Меня восхищал св. Франциск Ассизский и первые его ученики, жизнь которых открывалась в книгах Юргенсена² и "Цветочках"³ св. Франциска, но позднейшее францисканство меня не привлекало. Я бывал в некоторых бенедиктинских монастырях, особенно в Солемском монастыре, куда и впоследствии ездил не раз и который, наряду с la Траппе, остался для меня как бы второй духовной родиной. Но жизнь бенедиктинцев, пленявшая своей глубокой укорененностью в традиции, не удовлетворяла во мне некоей потребности в абсолютном, не удовлетворяла жажды суровой евангельской простоты, которая виделась мне во францисканских обителях Умбрии и в Метеорах.

I. У цистерцианцев (1942-1966).

Монастырь Бельфонтен.

В июле 1942 года мне суждено было ненадолго попасть в цистерцианский монастырь Бельфонтен, в Анжу.⁴ Странным образом отступив от своего обычая долго испытывать новичков, отец настоятель почти резко спросил меня во время первого же нашего разговора: "Когда вы хотите поступить?" В сентябре я был принят послушником. Мне было тогда 16 лет. Цистерцианцы-трапписты следовали уставу св. Бенедикта, как и бенедиктинцы, но жизнь их

отличалась большей непритязательностью и большей строгостью. В Траппе я ощущал себя ближе к живым истокам монашества, ближе к евангельской жизни, какую хотели воплотить ее отцы-пустынники.

Настоятель монастыря, отец Габриэль Сортэ, был человеком великой веры и молитвы. Не он ли потушил как-то пожар, бросив в огонь свои четки? Деятельный и добрый, сам суровый аскет, он умел и к другим быть строгим, стремясь, по примеру св. Бернарда Клервосского, быть "отцом и матерью" для монахов. Не думаю, чтобы он много читал отцов Церкви. Но глубокая преданность монашеской традиции, прямое и строгое соблюдение устава приобщали его святоотеческому духу.

Изучение отцов Церкви и духовной традиции.

Отец настоятель поручил меня руководству наставника послушников, отца Эмиля. Это был молодой монах, проникнутый учением св. Кассиана, он толковал своим ученикам бенедиктинский устав в применении к его истоку — учению святых отцов, св. Пахомия и св. Василия. Немного позднее мне пришлось познакомиться с писаниями св. Дорофея Газского и св. Иоанна Лествичника, которые — в эпоху его обращения — служили главной вдохновляющей силой для аббата Рансе, великого преобразователя ордена траппистов в XVII веке. Тогда же я усердно изучал цистерцианских авторов XII века, у которых августинианская духовная традиция гармонически сочетается с очищенным и проясненным оригенизмом св. Григория Нисского и св. Максима Исповедника. Однако не меньше мне нравилось учение Иоанна Креста,⁵ французская школа XVII века, в которой есть нечто от великого одушевления отцов Церкви, нравились и другие авторы, например, отец Лаллеман или отец Сюрен, опытные и трезвые руководители для желающих совершенствоваться в духовной жизни.⁶

Мое послушническое образование продолжалось под руководством духовника, отца Альфонса, истового монаха, остроумца и иногда немного "во Христе юродивого". В монастыре же я начал изучение богословия. В течение нескольких лет я довольно углубленно занимался трудами Фомы Аквинского. Я очень полюбил философию томизма. Я нашел в ней прекрасное противоядие

против отравы индивидуализма, субъективизма и идеализма, которыми пропитана современная мысль. Меня смущало, однако, то, как Фома Аквинский понимает отношение между естеством и благодатью, смущали приемы рационализма (пусть и подчиненного вере), которыми он пользуется, чтобы построить богословие, отвечающее аристотелю определению "науки"; все это шло вразрез со святоотеческой богословской мыслью. Я не мог не восхищаться четкостью и гармонией богословского синтеза томизма, но они напоминали мне готическую архитектуру своей эпохи, архитектуру гениальную, но такую, в которой разум слишком жестко подчиняет материал своему произволу. Мне казалось, что схоластический метод по самой природе своей обречен на низведение Божественной тайны к тому, что разум способен уловить в ней, заключая ее в свои определения и силлогизмы. А писания св. отцов дышали священной тайной, говорили о взаимопроникновении человеческого и божественного, и это находило свое отражение в романской и византийской пластике.

Случалось, однако, что увлечение святоотеческой письменностью приносило мне огорченья. Незадолго до моего посвящения в сан отец настоятель посоветовал мне прочесть какой-нибудь солидный труд о священническом служении. Я сказал, что хочу почитать, что писали об этом отцы Церкви. Он живо возразил: "Оставьте эту мысль! Вам до посвящения осталось три недели, сейчас нужно что-нибудь серьезное о священстве. А что касается отцов, то их вы и потом всегда успеете почитать, в виде дополнения". Итак, позволителен был благочестивый трактат прошлого века, в котором сентиментальных излиний было не меньше, чем натужного богословствования. С подобной реакцией мне приходилось сталкиваться часто. Настоятель другого монастыря, с которым мне довелось говорить об отцах Церкви, заметил: "Вне сомнения, у них есть замечательные вещи. Но ни богословия, ни мистики там нет. До св. Фомы Церковь не знала настоящего богословия. Восток дал великих аскетов, но не мистиков. Церковная мистика началась со св. Бернарда, а зрелости достигла благодаря св. Иоанну Креста, в XVI веке". Эти два замечания потому достойны быть упомянуты, что они хорошо показывают то состояние духа, на которое мне не раз приходилось наталкиваться. Охотно признавали, что отцы Церкви крайне интересны, что и поныне этот источник для нас

драгоценен, но обнаружить у них зрелого учения не могли. Святоотеческая мысль — черновой набросок. Между святоотеческой письменностью и великими классиками римского католицизма — а все они переходят рубеж XII века — существует такой же разрыв, какой отделяет детство и отрочество от зрелости.

Для меня такой взгляд был совершенно неприемлем. Конечно, я восхищался Фомой Аквинским, я надеялся, что если подойти к нему иначе, чем это делали поздние толкователи, т. е. если осветить патристическую основу его учения, то тогда, может быть, удастся сократить разрыв, существующий между ним и учением святых отцов. Но у меня было внутреннее убеждение, что они-то и есть свидетели по преимуществу, что у них церковное Предание может быть обнаружено во всей своей полноте. У св. отцов все аспекты христианского учения и христианской жизни всегда рассматриваются в свете центральных тайн св. Троицы и обожения человека через искупительное воплощение Христово. У них познание всегда есть результат полноты духовной жизни и духовного опыта. Кто-то, я не помню кто, сказал: "Их учение слагается не из догадок и дедукций: они говорят о стране, в которой были".

Однако, в святых отцах меня занимала больше всего не индивидуальность и не оригинальность мысли каждого из них, напротив, меня занимало совпадение, сходство, все, что свидетельствует о традиции Церкви, которую каждый из них глубоко лично сознал и воспринял. Меня приводил в восторг критерий св. Викентия Леринского: "Следует с величайшей тщательностью заботиться о том, чтобы истиной считалось признаваемое всеми, всегда и везде". Ведь полноту истины Св. Дух являет всей совокупности Церкви, которая, в протяженности времени и пространства, объединяется любовью. Захватывала меня и литургия, потому что это не личная молитва и не молитва какой-нибудь отдельной группы лиц; на ней не было определенного отпечатка времени или места: родившись в святоотеческую эпоху, она развивалась, отцеживаясь поколениями верующих, и то, что осталось, и есть истинная Церковь.

Мне было очень хорошо в монастыре. Я ощущал в себе глубокую внутреннюю склонность к литургической жизни и вообще к уставной обязательности. Впрочем, в монастыре Бельфонте верность уставу сочеталась с духом свободы и относительной мягкостью. Отец настоятель был совсем не придирчив. Смущало меня

только то, что между уставом, правилами и молитвой, с одной стороны, и богословием и духовной настроенностью — с другой, существовал определенный разрыв. Первые по существу оставались тем же, чем были на протяжении первых одиннадцати веков христианства, тогда как вторые у многих монахов были сильно отмечены современным католицизмом. Помню, я однажды сказал себе, причем совсем не для острого словца: "Устав и богослужение у нас святоотеческие, богословие доминиканское, а дух кармелитский или иезуитский!" Проблема довольно сильно походила на ту, с которой позже мне пришлось столкнуться в униатской Церкви: там видишь высокую традицию, оторванную от корней, причем многие следуют ей только из послушания, не имея к тому никаких внутренних мотивов. Мне казалось, что необходимо воссоздать единство нашей жизни, вернувшись к учению и духу отцов Церкви. У меня возникло предчувствие, что православная Церковь лучше сохранила великую традицию первых веков христианства.

Первая встреча с православной Церковью. Свято-Сергиевский институт.

В 1952 году я принял священство. Немного времени спустя меня назначили профессором догматического богословия, а еще через некоторое время поручили духовную подготовку молодых монахов, которые занимались богословием, чтобы впоследствии принять сан. Стараясь вести преподавание в святоотеческом духе, я воспользовался несколькими своими поездками в Париж по делам монастыря, чтобы встретиться с о. Киприаном Керном и В. Лосским, книга которого "Очерк мистического богословия Восточной Церкви"* привела меня в восторг (несмотря на настойчивые предостережения милейшего отца иезуита, который имел неосторожность одолжить мне эту взрывчатую вещь!). К сожалению, вскоре после нашего знакомства Лосский умер.

Отец Киприан познакомил меня с учением св. Григория Нисского, св. Максима Исповедника и св. Григория Паламы. В долгих и бесконечно благожелательных беседах он показал мне,

*) V. Lossky. *Théologie mystique de l'Eglise d'Orient*. P. 1944. Русский вариант книги печатался в "Богословских трудах", 8-1972, Москва.

почему ключом православного понимания Церкви, человека и мироздания являются христология Халкидонского Собора и учение Паламы о божественных энергиях. Но никогда, очень сдержанный и почтительный по отношению к чужой совести, о. Киприан не побуждал меня принять православие. Впрочем, тогда у меня этой мысли не было и в помине. Моя принадлежность к католической Церкви казалась мне само собой разумеющейся и не ставилась мной под сомнение. Я искал в православной традиции то, что могло помочь мне глубже понять собственное исповедание.

Я очень любил латинскую литургию. Знакомство с православной литургией, которую я с восхищением открыл на Сергиевском Подворье, заставило меня остро сознать тождественные, пусть и глубже запрятанные, сокровища латинской, и это побудило меня переживать ее гораздо более интенсивно. Впрочем, литургия трапистов, за исключением нескольких более поздних, но легко выделимых и не нарушающих целое добавлений, была тою же самою, что практиковалась на Западе до разделения Церквей. В отличие от византийской, она состояла почти исключительно из библейских текстов, что на первый взгляд могло дать ощущение сухости. Но подобраны эти тексты были прекрасно, годовой круг богослужения был замечательно гармоничен, и обряды, несмотря на свою сдержанную строгость, были исполнены богатством смысла. Стоило только приложить усилие к тому, чтобы не во время службы, а в часы "lectio divina", неотъемлемой принадлежности древней духовной традиции западного монашества, "сердцем" постичь Писание и толкования св. отцов, — как богослужение, Божьей благодатью, обретало удивительную полноту и насыщенность.

Издательская и прочая деятельность.

В 1958 году меня послали в Рим для продолжения богословского образования. Таким образом, мне представлялся случай, чтобы, воспользовавшись услугами библиотек, собрать обильный материал по вопросам, которые меня волновали, и окунуться в атмосферу древнего Рима, Рима катакомб и базилик. Посещение античной Остии, подземелий базилики св. Климента, соборов

Петра и Павла или св. Цецилии, ежедневное лицемерие Колизея и Большого Цирка омывали меня живой водой древнего христианства, в глубинах которого обретаются наши собственные корни.

В то время я входил в редколлегия серии "Истоки христианства", в которой собирались выпустить ряд томов, посвященных средневековым монастырским текстам. По правде говоря, глава ордена цистерцианцев — бывший настоятель Бельфонтена, отец Габриель Сортэ, которого тем временем назначили на эту должность, — просил меня только о том, чтобы я подобрал цистерцианские тексты XII века. Но мне казалось, что нежелательно было бы давать их изолированно, вне общей монастырской и патристической традиции. Не следовало создавать впечатление, что существует отдельная "цистерцианская духовность", в том современном понимании, которое выделяет духовность иезуитскую или кармелитскую. Тем и благословенно монашество, что в нем все эти частные особенности четко определились: история монашества знает разных учителей духовной жизни и разные группы их последователей, главные элементы монашеского учения менялись, соответственно времени и месту, свои пропорции, но основа монашества пребывала неизменной. И это связано как раз с его святоотеческой сущностью. Многообразие духовных направлений возникло позже, и только на Западе.

Глава ордена легко согласился на расширение проекта в этом направлении. Поэтому, по возвращении во Францию, к моим обычным преподавательским обязанностям прибавилась и эта работа. Кроме того, я должен был руководить духовными упражнениями в нескольких монастырях и писать статьи для разных журналов и энциклопедических словарей. Мне поручили составить набросок "руководства по духовным занятиям", нечто вроде учебника, предназначенного для цистерцианского ордена. Когда работа была готова, многие сочли, что в ней слишком сильно влияние пустынножительства и греческой патристической традиции и поэтому она не может служить выражением того, что понимается под "цистерцианской духовностью". Впрочем, проект официального учебника вскоре оставили. В ордене стали намечаться слишком противоречивые тенденции. Эти "Основы монашеской духовности", сначала просто поликопированные (1962 г.), позже исправленные и дополненные, превратились в книгу "Лестница Иакова" (1974 г.). Мне

хотелось, в целях содействия возвращению к истокам монашества и духовной жизни, чтобы параллельно с той серией западных духовных текстов, которая уже выпускалась "Истоками христианства", был предпринят также выпуск текстов раннехристианских и восточных; причем с минимальными техническими затратами, чтобы облегчить распространение. Этот проект осуществился только в 1966 году с выходом в свет первого выпуска серии "Восточная духовность", посвященного апофтегмам святых пустынножителей. Я оставил Бельфонтен, чтобы перебраться в Обазин, но продолжал руководить выпуском серии до самого моего перехода в православие.

Путешествие в Египет.

В 1960 году, по приглашению монсеньера Элиаса Зогби, в то время представителя греко-католиков в Египте, я отправился в эту страну, чтобы познакомиться с коптским монашеством. В тот раз я жил в монастыре Деир Суриани, в Вади Натрун — древняя пустыня Скит, — и не переставая ездил по монастырям. Паломничество в те места, где в IV веке находился блистательнейший центр монашества, так что авва Арсений мог сказать, что Скит для монаха то же, что Рим для мирянина, казалось мне неоценимым счастьем. Скитское монашество всегда меня притягивало неотразимо, и изо всей древней духовной письменности наиглубочайший отклик во мне вызывали, безусловно, апофтегмы отцов-пустынников.

Пустыня Скит — это необозримое, слегка всхолмленное песчаное пространство, покрытое редкой порослью колючей травы, которое находится к югу от дороги, соединяющей Каир и Александрию. Четыре нынешних монастыря, св. Макария, Деир Бараму, Амба Бишой и Деир Суриани (ответвление последнего) расположены на месте трех древнейших центров пустынножительства. Они представляют собой длинное прямоугольное сооружение, окруженное высокими стенами, из-за которых высятся купола церквей и внушительных очертаний башня, убежище от разбойников, которые не раз истребляли монахов. Построенные у источников воды, внутри они похожи на райский оазис, в противоположность окружающей их унылой бескрайности. В то время, о котором идет речь,

коптское монашество переживало необыкновенный подъем, который не прекращается и поныне.

У истоков этого обновления стоит монах по имени Абдель Месси, живший в пещере с 1935 года. Александрийский патриарх, в 1960 году им был Кирилл VI, сам бывший отшельник, испытал сильное влияние этого монаха и старался способствовать возрождению монашества. В Деир Суриани несколько старых монахов продолжали идиоритмическую монастырскую традицию, но молодежь, в большинстве выходцы университетов, следовала строго общежительному уставу, исключение составляли единицы живших на некотором отдалении в пустыне и приходивших в монастырь лишь через определенные промежутки времени. День начинался часовым правилом, которое читалось по кельям, после чего в церкви служилась длинная утренняя и обедня. Днем монахи занимались разной монастырской работой: садоводством, типографией, переводами святых отцов на арабский язык. Иисусова молитва была для них привычна. Все это впервые открывало передо мной ту жизнь, с которой потом, почти в тех же формах, мне довелось столкнуться на Афоне. Сильный отпечаток на меня наложило знакомство с о. Маттой эль-Мескином, который в то время жил с несколькими учениками полуотшельнической жизнью в Элуане.

Библейское, литургическое и патристическое обновление в римской Церкви.

После войны, в период, предшествовавший Второму Ватиканскому Собору, направляемое такими личностями, как о. де Любак,⁷ о. Даниелу,⁸ о. Казель,⁹ такими журналами, как "Dieu Vivant" и "La Maison-Dieu",¹⁰ и изданиями вроде "Sources chrétiennes",¹¹ в римской Церкви наметилось сильное обновление в отношении библейских, литургических и патристических проблем. Я ждал от этих усилий многого. Однако меня беспокоили две вещи. Во-первых, было очевидно, что адептов у этого движения довольно мало, оно совершенно не затрагивало массу французских клириков. Во-вторых, значительная часть живых сил католической Церкви была увлечена "Католическим действием"¹² и разными пастырскими экспериментами вроде "Рабочих священников".¹³ Этот взрыв инициативы и неоспоримого пастырского рвения вызывал во мне

самую настоящую симпатию. Тем не менее я чувствовал, что все это, несмотря на частичное совпадение намерений, очень далеко от библейского обновления и святоотеческого духа. Безусловно, в своей практике "Католическое действие" развивало экклезиологию, отличную от экклезиологии Контр-реформации, но это ничуть не приближало ее к раннехристианской традиции. Кроме того, в этом движении обнаруживалась тяга к богослужебным новшествам, вполне чуждым духу традиционной литургии. И вместо живого обращения к истокам, для которого требовался коренной пересмотр проблематики, мне чудился во всем этом новый выверт современного католицизма.

Я не сразу осознал, что это второе течение, в гораздо большей степени, чем первое, отражает самую логику современного католицизма и что поэтому вполне правдоподобно, что в конце концов оно вытеснит и нейтрализует все прочие тенденции. Я надеялся, что мертвые кости оживут, что те элементы традиции, которые католическая Церковь сохранила в своем богослужении и институтах, вновь станут укрепляющей пищей для современного человека. Я надеялся как бы, что, благодаря объединению вновь обретенного древнего наследия и живых сил современности, контр-реформаторский католицизм, во всем том, что отделяет его от великой церковной традиции, уступит место ожившей "западной ортодоксии" первых веков.

Второй Ватиканский Собор.

Таково было расположение моих мыслей, когда я с радостью узнал о созыве Второго Ватиканского Собора. Но мало-помалу я начал ощущать двусмысленность тех течений, которые подготовляли соборные дискуссии и отголоски которых докатывались до нашего монастыря. Глава ордена, задетый, может быть, не столько искажением Предания, сколько ущербом, наносимым церковному авторитету, сказал мне как-то: "Меня очень беспокоит то, как разворачивается работа собора. Если дело и дальше так пойдет, то после собора в Церкви начнется кризис, какого она не знала за всю свою историю".

Постепенно исчезла надежда на то, что поворот к святоотеческому учению и духу обновит структуру и институции католической Церкви. Во многих отношениях на соборе наметилось начало процесса совершенно противоположного. Впрочем, сам собор был тут лишь косвенно повинен. Он послужил скорее катализатором. До сих пор значительная часть древних установлений, прежде всего католическое богослужение, удерживалась под натиском многочисленных колебаний только потому, что католицизм, направляемый сильной и повсеместно уважаемой центральной властью, хранил их своим авторитетом. Но верующие, и особенно клир, в очень большой степени утратили их глубокое понимание. После собора влияние авторитета упало; естественно поэтому, что то, смысл чего был утерян, в конце концов превратится в прах, и что тогда придется все строить заново, сообразуясь с тем, что уже на протяжении веков стало, или теперь становилось, духом римского католицизма.

II. Обазинский монастырь (1966-1977).

Предпосылки.

Тенденции, о которых я говорил, начали проявляться между 1962 и 1965 годом. Стало очевидно, что я не могу продолжать думать и жить в соответствии с теми принципами, которые считал истинными, не создавая натянутости и ненужных конфликтов в самом монастыре. Меня, однако, не покидала уверенность, что полнота истины принадлежит отцам, ранней Церкви, тому православию, которое я любил, не предчувствуя покуда, что оно и есть Церковь в простом и ясном значении слова.

И я задался вопросом, не может ли наличие в недрах самой католической Церкви таких христиан, которые следуют православному обряду и живут по принципам православия, стать закваской, которая когда-нибудь все тело обратит к святоотеческому христианству. Уния представлялась Риму тем средством, которое присоединит православных к католической Церкви, не вынуждая их отказываться от своих традиций. Развитие экуменизма в католическом мире делало такую перспективу нежизненной. Но разве нельзя надеяться, что свидетельство католиков восточного обряда

поможет всю католическую Церковь привести к полноте Предания? Некоторые ясные и смелые выступления на соборе придавали основания этой надежде.

Может быть, византийский обряд станет для западных католиков тем средством, которое позволит жить полнотой Предания в той католической Церкви, какая существует сегодня, избежав тем самым бесплодного конфликта между придерживающимися уже отжившей традиции — то есть традиции позднего средневековья и Контр-реформации — и поборниками пост-соборной перестройки?

Таким образом, вовсе не присущая мне "восточность" заставила меня обратиться к православию. Я никогда не чувствовал себя "восточным" и отнюдь не склонен был им становиться. Но мне казалось, что при настоящем положении вещей переход к византийскому богослужению — это лучший способ войти в полноту святоотеческого Предания, способ не схоластический и рассудочный, а живой и конкретный. Византийское богослужение всегда казалось мне не столько "восточным", сколько единственно возможным видом богослужения, о котором можно сказать: "Оно лишь глубоко усвоило в своей литургической жизни великую богословскую мудрость отцов Церкви и уроки соборов первых девяти веков. В нем прославлена Церковь, благодатно торжествующая над ересями, победа тринитарного и христологического учения св. Афанасия Великого, каппадокийцев, св. Иоанна Златоуста, св. Кирилла Александрийского и св. Максима Исповедника. В нем ошутим дух великих традиций монашества, начиная от пустынножителей, Евагрия, Кассиана, синайских отшельников и до студитов и Афона... В нем, наконец, весь мир, преображенный божественной славой, приобретает истинно эсхатологическое измерение".¹⁵

Монастырь Преображенья.

Так я был настроен духовно, когда 14 сентября 1966 года мы вместе с другим монахом из Бельфонтена, который в течение нескольких лет проходил ту же внутреннюю эволюцию, что и я, приступили к устройству монастыря Преображенья в Обазине (департамент Корез). Довольно скоро к нам присоединились

и другие. Наша попытка жить в соответствии с православным обрядом и духом, оставаясь членами католической Церкви, продолжалась, таким образом, более десяти лет. Как нашим монастырским начальством, так и Римом необходимое разрешение дано было сравнительно легко. Однако никакого канонически определенного статуса у нас не было: наше предприятие не укладывалось ни в какие существующие юридические рамки, поэтому реализация проекта удалась лишь благодаря неопределенности, царившей в это послесоборное время в области канонического права.

Мы располагали семью гектарами лесистой местности, на склоне холма, с которого открывался вид на Брив и перигорские дали. Мы построили там — понемногу, собственными средствами — деревянную церковь, дом, в котором были жилые комнаты, кухня, трапезная, библиотека и разные подсобные помещения, дом для приезжих, мастерскую и маленькие домики, служившие кельями для членов общины. Однако устав у нас был общежительный, церковная служба, трапеза и все средства были общими.

Один наставник послушников из большого французского монастыря, побывав в Обазине, вывел такое заключение: "Во многих отношениях жизнь, которую ведут в Обазине, показалась мне очень привлекательной. Вкратце, уединение, довольно суровая бедность, простота быта, дух крайней свободы личности, сопряженный с довольно высоким уровнем предъявляемых требований, примат духовности и индивидуального подхода в отношениях между настоятелем и братией, не жесткий характер общинной жизни, или, другими словами, крайняя неназойливость организационного начала; очевидная близость к истокам монашества и великим традициям Востока". Мне кажется, что эти замечания достаточно точно характеризуют то, к чему мы по крайней мере стремились.

Опыт показал, что многие из присоединившейся к нам молодежи призваны к монашеской жизни более "классического" образца: впоследствии они сделались превосходными монахами в цистерцианских и бенедиктинских обителях или у картузианцев. Некоторые из тех, кого особенно привлекало у нас отшельничество, споткнулись об общежительный устав, который мы во что бы то ни стало хотели сохранить. Общежительность действительно всегда

казалась мне незаменимой опорой против тяжелых духовных заблуждений. Ничто не располагает более к единству в Боге, чем отказ от собственной воли и всяких индивидуальных фантазий. Отшельническая жизнь не опасна только для монахов, имеющих уже большой опыт духовной жизни. С этой точки зрения наша жизнь по отдельным "скитам" была, очевидно, не слишком хорошим установлением для новоначальных.

Экклезиологическая проблема.

Сама по себе жизнь в Обазине захватывала нас полностью. Но мало-помалу стала обозначаться проблема, о которой в начале мы совсем не думали. Нам приходилось одновременно общаться и с православными монастырями, и с униатскими общинами, подчиненными Риму. Постепенно узнавая и тех и других, мы увидели, до какой степени униаты оторваны от своих корней и какое незавидное положение они занимают в римской Церкви. Хотя униаты и соблюдали со всей возможной точностью внешние формы православной литургии и монастырской жизни, направляющий их деятельность дух был совсем другой.

Западных христиан, которые выступали за "византийский обряд", подстерегала особая опасность: не считая себя больше обязанными подчиняться требованиям латинской традиции, они лишались также и предоставляемой ею защиты, не пользуясь в то же время и теми гарантиями, которые могла дать принадлежность к православной Церкви и исполнение ее уставов. Отсюда, под прикрытием "восточной" принадлежности, огромный риск всяких субъективных концепций, ни православных, ни католических, открывающих широкое поле разным заблуждениям и иллюзиям.

С другой стороны, в католической Церкви продолжалось послесоборное брожение. Я не решусь говорить о "кризисе"; во всяком случае, мне казалось довольно сомнительным, чтобы существование и даже процветание католической Церкви в мире испытывало серьезную угрозу. Многие говорили о том, что, несмотря на неизбежное сокращение средств, влияние Церкви и папства скорее расширится, особенно в плане экуменических сношений и мировой дипломатии. Но не подлежит сомнению, что

в течение нескольких последовавших за собором лет лик Церкви сильно переменялся. Самыми симптоматическими были, конечно, литургические новшества. Как писал один из тех, кто имел ближайшее отношение к реформам, о. Жозеф Желино, после Второго Ватиканского Собора "служится другая месса. Следует без обиняков сказать: латинский обряд, каким мы его знали, больше не существует. Он уничтожен".¹⁶

Все это произошло так быстро, что сбило с толку немало верующих. Но перемены — я понял это тогда же — в некотором смысле были естественны и не противоречили логике католицизма. Они шли в русле прочих, иногда более важных сдвигов, которые совершались не так заметно для современников только потому, что в то время отсутствие быстрых средств информации замедляло их обнаружение.

Все это вело к размышлениям об исторических путях христианства на Западе, особенно о тех глубоких переменах, которые наблюдаются почти во всех сферах религиозной жизни между XI и XII веком. Мы видим, что в то время подверглось изменениям управление Церковью (в частности, концепция папства, григорианская реформа), таинства (отказ от крещения через погружение, от причастия под обоими видами, молитвенная формула отпущения и т.д.), догматы (введение *Filioque* в Символ веры, распространение схоластики в богословии). Мы видим также возникновение нового религиозного искусства, натуралистического, порывающего с традиционными канонами христианского искусства, выработанными в святоотеческий период.

Впрочем, сам этот факт признавали и католические историки. Отец Конгар писал: "На рубеже XI и XII века происходит глубокий перелом. Однако перелом этот касается только Запада, там в промежутке от конца XI века и до конца XIII все получает новые формы; на Востоке христианство во многих отношениях осталось и по сей день тем же, чем оно было — также и у нас — до конца XI века. По мере изучения фактов вывод напрашивается сам собой, и к нему следует отнестись с чрезвычайной серьезностью, ибо он прямо отправляет нас к моменту, когда раскол обозначился в том виде, который и теперь еще не позволяет найти настоящих средств для его преодоления. Невозможно предположить, чтобы совпадение было чисто случайным и внешним".¹⁷ Этот взгляд подтверждал

другой, ближайший к нам по времени историк: "Нет, конечно, никакой случайности в том, что разрыв между Римом и Константинополем совершился в 1054 году, в тот самый момент, когда под влиянием реформаторских течений папство и западная Церковь вступили на совершенно новый религиозный путь."¹⁸

Разумеется, по о. Конгару этот перелом не затрагивал глубоких основ веры. Тем не менее обе стороны признают, что возникшие разногласия с неизбежностью вели к прекращению евхаристического общения между двумя Церквями. Итак, раскол, и даже ересь, потому что догматы, признававшиеся одной стороной, не признавались другой. И, по моему мнению, история ясно показывает, что инициатива разрыва исходила от западной Церкви.

Чтобы узаконить совершившуюся эволюцию, римская Церковь обратилась к пересмотру догматов и провозгласила непогрешимость римского первосвященника. В этой перспективе разнообразные новшества выглядели как отдельные фазы оправданного процесса, а новое определение догматов — как переход от неявно подразумеваемого к четко определенному. Новые формы содержались в старых так же, как в желуде содержится дуб. Отныне единственным критерием, позволяющим с уверенностью отличить порчу и искажение Предания от его оправданного развития, становилась принадлежность к римской Церкви и непогрешимый учительный авторитет папы. Субстанциальное тождество последовательно сменяющих друг друга состояний, даже если оно недоступно глазу наблюдателя, является признанным, поскольку оно признается папой.

Таким образом, сам догмат о папском примате и непогрешимости, даже если оставить в стороне противоречивую историческую видимость и то, к чему побуждало меня мое собственное понимание христианства, — сам этот догмат мог укрепить представление о тождестве нынешней римской и раннехристианской Церкви.

Но и в этом отношении знакомство с отцами Церкви и изучение истории обнаруживало для меня непрочность римской доктрины. Да, действительно, уже на очень раннем этапе папы присваивали себе право на догматическое первенство, не делая все же из него "догмы", как это имело место впоследствии. И никогда эти требования не были предметом единодушного признания со стороны ранней Церкви, как раз напротив. Можно даже сказать, что совре-

менный догмат о первенстве и непогрешимости папы прямо противоречит духу и практике, господствовавшим в Церкви на протяжении первых десяти веков ее существования. То же относится и к другим доктринальным расхождениям, *Filioque*, к примеру, которые, очень рано возникнув в латинской Церкви, для всего остального христианского мира никогда не были необходимой составной частью вероучения (именно поэтому определение их как догматов не может рассматриваться православной Церковью иначе, нежели как заблуждение).

Я убеждался, что во многом католические историки сходятся с православными богословами, и если они не делают из фактов тех же выводов, то основная их забота часто состоит в том, чтобы в отдаленной истории обнаружить зародыш последующего хода событий. Монсеньер Батифол, например, писал по поводу концепции, согласно которой папа является преемником апостола Петра: "Ни св. Василию Великому, ни св. Григорию Назианзину, ни св. Иоанну Златоусту она была неведома. Авторитет римского епископа — это авторитет первой величины, но ни из чего не видно, чтобы для Востока этот авторитет был божественным".¹⁹

Что касается папской непогрешимости, то отец W. De Vries признавал по поводу формулы "Петр говорит устами Агафона", употребленной отцами III Вселенского Собора, что эта формула "есть не что иное, как сделанное после придирчивого изучения послания Агафона (папы в то время) торжественное подтверждение, что содержание послания находится в согласии со свидетельством Петра. Этот возглас ничуть не значит, что Агафон непременно прав, так как обладает авторитетом Петра... Дополнительным показателем непризнания собором абсолютного авторитета папы в вероисповедных вопросах является то, что тем же собором был осужден как еретик папа Гонорий /.../, что Гонорий — справедливо или нет, это не меняет дела — был признан на соборе еретиком и что папа Лев II ничего не мог возразить на осуждение собором своего предшественника. Следовательно в то время установление *Codex juris canonici*: "Prima sedes a nemine judicatur" (первосвященника никто да не судит) не имело абсолютного признания даже в Риме. Теперь, во всяком случае, подобное осуждение папы немислимо. Следует, стало быть, констатировать, что перемена налицо".²⁰

Пророческий опыт?

В течение нескольких лет мне казался соблазнительным тезис, проводившийся некоторыми искренне расположенными к православию екуменистами-католиками. Действительно, он придавал смысл тому, что мы пытались осуществить в Обазине.

Эти богословы — одним из самых заметных среди них был отец Луи Буйе — считали, что, несмотря на видимость, католическая и православная Церковь никогда не переставали быть едины. Это две поместные Церкви, или, скорее, две группы поместных Церквей, и каждая из них, в разных формах, но одинаково по существу, являет полноту Христовой Церкви. Между ними тянется вековая ссора, основанная на недоразумении, но в действительности они не отделялись друг от друга и никогда не переставали составлять единую видимую Христову Церковь.

Приняв этот тезис, можно было пойти еще дальше: православная Церковь лучше католической сохранила некоторые черты ранней Церкви, но при этом католическая Церковь в существе ничего не утратила и не изменила и, более приспособленная к современности, лучше, чем православная Церковь, разработала некоторые другие стороны христианства, особенно миссионерство и универсализм. Восстановление общения, которое не встречает никаких теоретических препятствий, значительно обогатит их обе и позволит римской Церкви преодолеть трудности послесоборного периода.

Таким образом наш обазинский опыт приобретал большой интерес и исполнялся почти пророческого значения. Немало наших друзей католиков, и может быть кое-кто из наших православных друзей, более или менее сознательно приняли эту точку зрения, что, казалось, имело санкцию в отмене отлучения 1054 года и призывах к сестринской Церкви, которые нередко провозглашались Римом.

Однако мало-помалу, не без мучений и душевной боли, мы поняли, что это иллюзия; общая, да, но иллюзия, которая противоречит наиболее очевидным данным еклезиологии. Невозможно, чтобы Церкви, которые более тысячи лет не имеют молитвенного общения, из которых одна считает догматом то, что другая отвергает как противное апостольской вере, невозможно, чтобы они вместе составляли одну Христову Церковь. Это равносильно

признанию разделения внутри самой Церкви. Отцы были бы единодушны в отвержении такого учения. Да и одно то, что римско-католическая Церковь на протяжении веков назначает епископов, латинских и униатских, на кафедры, где уже имеется православный епископ, достаточно показывает нетождественность двух Церквей, даже в плане поместном.

Последние этапы.

Я очень постепенно шел к убеждению, что православная Церковь и есть в полноте Церковь Христова и что римско-католическая Церковь — это ее отпавший член. Такое продвижение было, конечно, гораздо легче для людей молодых или менее моего связанных с римской Церковью. В католиках моего поколения идея примата папы сидит прочно. С другой стороны, в Траппе я видел еще до самого недавнего времени сохранявшееся чистейшее выражение латинской традиции. Я знал, к тому же, монахов, монахинь, ревностных христиан, от которых шел свет духовности. Мне была хорошо знакома жизнь многих католических святых. Святость их казалась мне неоспоримой и близкой к православной святости. Я чутко ловил то, что было подлинно христианским — теперь я решаюсь сказать: что было живыми остатками православия — у римских католиков, и я любил это.

И все же к концу 1976 года во мне и моей обазинской братии укрепилась уверенность, что нельзя больше колебаться. Пришло время думать о нашем вступлении в православную Церковь. Надо ли действовать быстро или ждать благоприятных обстоятельств? Возникали возражения. Нас довольно хорошо знали в католическом мире. Наш монастырь имел скромное, но реальное влияние. Не лучше ли пока остаться с католиками, чтобы помочь им обрести их корни, обрести общие истоки обеих традиций? Может быть, это осторожнее, более соответствует заповеди любви, скорее способствует объединению христиан? И потом, разве это не единственное средство сохранить наш монастырь и, следовательно, продолжить начатое?

Но как оставаться вполне лояльными членами католической Церкви, и значит внешне продолжать исповедовать ее догматы, раз

мы убеждены, что некоторые из них отклоняются от церковного Предания? Как приступать к причастию, раз мы сознаем, что расходимся в вере? Как оставаться вне православной Церкви тем, для кого вне ее нет спасения и жизни в духе и кто, признав ее Церковью Христовой, отказывается присоединиться к ней по чисто человеческим соображениям? Поддаться осторожности дипломатов экуменизма, оппортунизму, соображениям личного удобства — в нашем случае значило бы только то, что мы больше стремимся угодить людям, чем Богу, и обманываем и Бога, и людей. Ничто не могло оправдать подобного двоедушия.

И — где могло совершиться вступление в Церковь? Мы знали, что во Франции положение православной Церкви очень деликатно и что православные епископы должны считаться с наличием подавляющего католического большинства и поддерживать возможно лучшие отношения с католической иерархией. Мы опасались, как бы наш переход в православие, вызвав сильную оппозицию некоторых католических кругов, не нанес ущерба православной Церкви во Франции. Надо сказать, что последующий ход событий подтвердил это опасение сверх всяких ожиданий. Да и те православные, с которыми мы советовались, не скрывали, что уместнее совершить переход вне Франции.

В предшествующие годы мы побывали в нескольких православных странах: Румынии, Сербии, Греции и на Афоне. Тогда мы не думали о вступлении в православную Церковь, а хотели получить собственное представление о православии и его богослужбной и монастырской практике. Особенно сильное впечатление — той взаимопроникающей связью, которую мы увидели там в отношениях между монахами, среди которых было немало замечательных личностей, и глубоко верующим и благочестивым народом — произвела на нас Румыния. Но нам казалось, что внутреннее положение в стране, теперь, когда встал вопрос о нашем присоединении к православию, не позволит нам установить юрисдикционную связь с неизменно дорогой нам румынской Церковью. Стечение обстоятельств, в котором нам трудно было не видеть Промысел Божий, открыло перед нами двери Симонопетровского монастыря на Афоне.

Приняв решение, 2 апреля 1977 года, я отправился в Туль к католическому епископу монсеньеру Брюньону, в ведении

которого был наш монастырь. Меня сопровождал еще один член нашего братства. Епископ слушал нас долго и с истинным благожелательством. Он признал, что решение наше не легкомысленно, что оно созрело после долгих лет размышлений и молитвы. И добавил, что по его мнению мы не заслуживаем ни упреков, ни порицаний, но что надо действовать осторожно и сдержанно, чтобы не создавать вокруг себя смущения и недоумений. Он надеялся даже, что наш поступок будет правильно понят и принят Римом, — эта надежда очень скоро была опровергнута фактами. Он тоже полагал, что, во избежание ненужных проблем, будет предпочтительнее, чтобы нас приняли в православие не во Франции, а в Греции или на Афоне.

Немногое время спустя, мы явились по его просьбе в Рим, чтобы обсудить вопрос с кардиналом Полем Филиппом, тогда главой конгрегации униатских Церквей. Мы были приняты им 14 апреля. Он был очень расположен к нам. Но мы сразу увидели, что глубины проблемы касаться нельзя. Он сказал: "Что до меня, то я не вижу никаких реальных расхождений в вере между католической и православной Церковью. Вы вполне можете принять и православное учение, и православный обряд, и православную монашескую духовность, не порывая связи с Римом". И он заверил, что готов сделать максимально возможное, чтобы облегчить продолжение наших обазинских усилий в рамках католической Церкви. Но дело уже было не в этом, мы не могли встать на этот путь.

Впоследствии тюльский епископ усвоил в отношении к нам позицию гораздо менее примирительную и вынудил нас покинуть построенный нашими собственными руками Обазин. По этому поводу он обращался и в католические, и в православные инстанции.

Тогда же, чтобы объяснить наше решение, мы ездили к настоятелю Бельфонтена, отцу Эммануэлю Кутану, который канонически все еще продолжал оставаться моим прямым начальником. Он удивился неожиданностью и прямо и честно сказал, что одобрить нас не может. Но добавил, что уважает чужую совесть, отказывается нас судить и очень хочет сохранить с нами самые доверительные и братские отношения. И впоследствии он ни разу не изменил своей позиции, не изменил ни искренности, ни евангельской любви.

III. Афон и Церковь во Франции.

Афон.

Вскоре мы отправились на Святую Гору. Наше знание православной Церкви и православного монашества было все еще недостаточным и внешним. Возможность обрести это знание в монастыре была неоценимым благом. Симонопетровский монастырь был замечателен не только духовной личностью игумена, но и молодостью и духовным рвением братии. Здесь не раз братски принимали католических монахов и очень хорошо знали и понимали жизнь и проблемы католической Церкви.

Наше первое пребывание на Афоне относится к весне 1971 года. Тогда на Западе о Святой Горе говорили не иначе, как в категориях разложения и упадка, и не было недостатка в предсказаниях полного исчезновения в очень близком будущем вообще афонского монашества.

Уже первая поездка давала возможность убедиться, что понятия "упадок" или, противоположное, "обновление" мало применимы в отношении к православному монашеству. Ибо они прежде всего обращены к внешней, социологической и статистической, стороне вопроса. Но скрытая в глубине суть ускользает при подобном рассмотрении. Материальные средства, конечно, уменьшились. У славян — в связи с установлением советской власти в России, у греков — в результате насильственной эмиграции 1922 года, разорившей процветавшую до той поры христианскую греческую колонию в Малой Азии, а также в результате Второй мировой и гражданской войны. Но к 1971 году положение стабилизировалось, падение численности монахов прекратилось, наметился подъем. Потом этот подъем принял неожиданные размеры. Благодаря сильному притоку послушников и новых монахов, один за другим стали оживать монастыри, в которых раньше оставалось по несколько стариков.

Надо отметить, что молодые монахи, которых теперь повсюду встречаешь на Афоне, вовсе не стремятся менять старое и вводить новое. Наоборот, наблюдается скорее стремление слиться с исконным строем и строгостью, отказавшись от послаблений идиоритмии. Они хотят послушания и наставлений духовных учителей, в которых на Афоне никогда не было недостатка.

Во Франции, благодаря книге отца Софрония, знают о старце Силуане, жившем на Афоне с 1892 года до кончины его в 1938 году. Но в ту же эпоху на Афоне жило немало монахов, которые напряженностью духовной жизни ни в чем не уступали ему. Сейчас в нескольких монастырях духовным наставничеством облечены отцы, которые в свое время прошли школу у одного умершего в 1959 году исихаста, отца Иосифа, чья изумительная книга "Духовные письма" была издана в Греции.

Нередко афонским монахам ставят в вину неприятие экуменизма, охотно упрекают их в том, что ради истины они пожертвовали любовью. Но во время первой же поездки, то есть когда мы были еще католиками и чужды мысли о переходе в православие, нам легко было убедиться, насколько афонские монахи хорошо умеют сочетать очень тонкую, внимательную любовь к людям, независимо от их убеждений и религиозной принадлежности, с исповедной твердостью. Впрочем, для них совершенное почитание истины есть первейшая обязанность, налагаемая христианской любовью к ближнему.

У них нет никакой особой доктрины, они просто исповедуют веру православной Церкви: "Церковь едина... Такая единая истинная Церковь, в которой сохраняется непрерывность церковной жизни, т.е. единство Предания, есть православие. И допустить, что эта единая истинная Церковь в чистом виде вообще не существует на земле, но содержится по частям в разных "ветвях" ее, значило бы... неверие в Церковь и ее Главу".²¹

Просто афонским монахам важно, чтобы эта убежденность выражалась на деле. Они не могут одобрять слова и поступки, в которых проглядывает практическое признание теории "ветвей". Христианское единство, которое им дорого не меньше, чем кому бы то ни было, может совершиться только через восхождение неправославных к полноте и целостности апостольского учения. Оно не может быть плодом компромисса и разнообразных организационных попыток, которые порождаются естественным человеческим стремлением к объединению, это было бы расхищением сокровища Церкви. Как в отношении к экуменизму, так и в отношении к духовной жизни позиция Афона определяется здоровой трезвостью суждения. Нужно научиться отсеивать душевные порывы и соображения разума, и прежде всего отказаться от желания "нравиться", если мы хотим быть угодными Богу и войти в Его Царство.

Вопрос крещения.

Отец Емельян, игумен Симонопетровского монастыря, с которым мы обсуждали наше вступление в православную Церковь, с самого начала не скрывал от нас, что, на его взгляд, самым простым и естественным в этом случае было бы крещение. Об этой стороне православной экклезиологии я никогда раньше не думал и поэтому был застигнут врасплох. Я занялся тщательным изучением вопроса, пользуясь каноническими и патристическими источниками. И нашел, что некоторые статьи, написанные католическими и православными канонистами и богословами, дают ответ вполне внятный.²²

Итак, по зрелом размышлении и в полном согласии с нашим игуменом, было в конце концов решено, что наше присоединение к православной Церкви совершится через крещение. В католических и православных кругах, мало знакомых с богословской и канонической традицией греческой Церкви, этот факт вызывал впоследствии удивление, а порой и негодование. Так как по этому поводу говорилось много неточного, мне представляется необходимым привести здесь некоторые исторические и доктринальные разъяснения, которые помогут правильно отнестись к фактам.

Начиная с III века, в Церкви существовало два обычая присоединения инославных: присоединение через наложение рук (или миропомазание) епископом и повторное крещение уже крестившихся ранее инославных. Рим признавал только наложение рук и сурово осуждал повторное крещение еретиков. Церкви же Азии и Африки держались второй практики, и наиболее горячими сторонниками ее были св. Киприан Карфагенский и св. Фирмилиан Кесарийский. Они учили о глубокой связи Церкви и таинства. По их учению, священнослужитель, который уклонился от вероучения Церкви, отошел и от самой Церкви, а следовательно не обладает больше ее подлинными таинствами.

Начиная с IV века, римское учение о действительности таинств инославных Церквей, получив поддержку в исключительном для Запада авторитете бл. Августина, утвердилось во всей латинской Церкви, по крайней мере в отношении крещения, потому что действительность священства, полученного в инославии, стала признаваться на Западе не ранее XIII века.

На Востоке же, особенно благодаря влиянию св. Василия Великого, никогда не переставали считать, что экклезиология и богословие таинств св. Киприана более соответствует преданию и духу Церкви, чем учение бл. Августина. Присоединение инославных путем крещения продолжало оставаться идеальной нормой ("акривией"), однако, учитывая практику тех Церквей, которые признавали действительным крещение инославных, не отрицающих самих основ веры (учения о Троице), считалось возможным, если к тому побуждали соображения икономии (т.е. снисхождения к человеческой слабости), принимать инославных через наложение рук или миропомазание.

Главное каноническое основание для непризнания, исходя из акривии, таинств инославных Церквей содержится в 46-м апостольском правиле, которое гласит: "Епископ, священник или дьякон, признавший еретическое крещение или евхаристию, да будет извержен". Эти апостольские правила, подтвержденные VI Вселенским Собором в Трулле, образуют фундамент православного канонического права. Практика икономии относительно определенных случаев основывается на I-ом правиле св. Василия Великого.

Русская православная Церковь, в эпоху более позднюю (XVII век), испытала очень сильное латинское влияние и отчасти восприняла августинианскую доктрину. Поэтому там решено было присоединять католиков к православию только через покаяние и исповедание православной веры. С точки зрения традиционного православного богословия, это допустимо лишь как очень широкое применение принципа икономии.

Этим объясняются внешние противоречия, которые можно обнаружить в канонических текстах Соборов и св. отцов, а также в многовековой практике православной Церкви. Что касается нашего времени, то присоединение католиков через крещение совершенно ясно предписывается Пидалионом, официальным собранием канонов греческой Церкви, в котором текст сопровождается комментарием св. Никодима Святогорца, пользующегося очень большим авторитетом. Для территорий, относящихся к Константинопольскому Патриархату, правило, предписывающее повторное крещение католиков, никогда не отменялось. Что же касается Церкви в Греции, то "желающие соединиться с православием должны быть призываемы к повторному крещению, и только

там, где оно неосуществимо, могут быть приняты посредством св. миропомазания".²³

Афон — это прибежище монахов, которых само монашеское звание должно побуждать к предельной взыскательности христианской жизни и исполнению церковной традиции. Они не занимаются никакой пастырской деятельностью, не стремятся к прозелитизму, т.е. не ищут легких путей для привлечения к православию новых адептов. Поэтому совершенно естественно, что они держатся акривии, не порицая, тем не менее, тех, кто, находясь в других условиях, склоняется к икономии.

Афон призван к акривии во всех областях: естественно поэтому, что неправославные, желающие стать монахами на Афоне, принимаются посредством крещения. Из этого, однако, вовсе не следует, что афонские монахи всех на свете осуждают, потому что выбрали строгость, а не милость, и отличаются ригоризмом. Вопрос следует ставить в совершенно другой плоскости.

Писалось, что, "навязав" нам повторное крещение, афонские монахи заставили нас отказаться от всего нашего католического прошлого и опорочить его. Писалось также, что мы захотели креститься вопреки желанию нашего игумена, чтобы угодить наиболее ригористическому течению.²⁴

Эти утверждения совершенно не соответствуют действительности. На самом деле никто нас ни к чему не вынуждал: никто не заставлял нас становиться афонскими монахами, за нами оставалась полная свобода присоединиться к православию иначе и в другом месте. Мы не стремились также кому бы то ни было угождать. Но, раз мы решили, как говорилось выше, стать насельниками Афона, невозможно было не считаться со взглядами тех, кого мы признавали нашими отцами и братьями и чей образ мыслей был нам хорошо известен. Мы без всякого принуждения и в полном согласии с нашим игуменом просили принять нас посредством крещения, ибо этот шаг представлялся нам необходимым и для Афона естественным, обоснованным богословски и канонически оправданным. В этом был не "отказ" от католического крещения, полученного во имя Троицы, а признание, что все его значение исполнилось, благодаря нашему присоединению к православию. В этом не было отрицания реальной общности, существующей

между православной и католической Церковью в значительной части учения и священнодейственной практики: нет, в этом было признание того, что эта общность веры несовершенна и что поэтому, в соответствии с более строгой православной богословской мыслью, католические таинства не могут быть непосредственно признаны православной Церковью.

Мне задавали вопрос, как мы ретроспективно относимся к тем таинствам, которые сами совершали, будучи священнослужителями римской Церкви. Скажу просто, что православная Церковь говорит скорее не о "действенности", а об "истинности" таинств и "правильности" их совершения. "Истинны" и "правильны" лишь те таинства, которые преподаны и получены в общении с православной Церковью, и, обыкновенно, действенность таинства, реальное обретение благодати зависит от каноничности его совершения. Но Св. Дух свободен в своих дарах и они могут быть обретены вне обычных путей спасения, там, где сердца готовы принять их. Св. Григорий Богослов говорит, что "так же, как многие наши не с нами, ибо жизнь, которую они ведут, отрывает их от единого тела, так и многие внешние нам принадлежат, ибо у них нравы опережают веру, и им не хватает только имени, тогда как они обладают самой истиной"; и он приводит пример своего отца до того, как тот обратился: "чуждая ветвь, если угодно, но жизнью прилепляющаяся к нам" (*P.G. 35, col. 992*). Поэтому нам ничего не остается, как предоставить этот вопрос милосердию Божьему и всецело на него положиться.

Возвращение во Францию.

Мы стали членами православной Церкви 19 июня 1977 года. А несколькими месяцами позже, 26 февраля 1978 года, вошли в число братии Симонопетровского монастыря. Мы сказали нашему игумену, что одинаково готовы как остаться на Святой Горе, так и вернуться во Францию, и полагаемся на его решение. Он рассудил, что нам предпочтительнее обосноваться во Франции. Так родилось две метохии (подворья) Симонопетровского монастыря, одна в Мартеле, на плоскогорье Керси, другая в Дофине, в долине Веркора.

В соответствии со статусом подворья, оба эти монастыря подчиняются непосредственно игумену Симонопетровского монастыря,

который, как и все афонские монастыри, входит в юрисдикцию Вселенской Патриархии.

Деятельность монахов вне Афона ведется в рамках Православной Греческой Архиепископии, с благословения архиепископа Мелетия, с которым мы поддерживаем самые тесные и доверительные отношения.

Положение православной Церкви во Франции.

Войдя в православную Церковь, мы не были удивлены тем, что не обнаружили там образцового внешнего порядка, сходного с порядком католической Церкви. Во время нашей поездки в Белград, еще до присоединения к православию, один сербский епископ сказал нам: "Вам, конечно, покажется, что в Церкви полная неразбериха. Не смущайтесь этим. Это неизбежно, если хочешь оставить свободу действию Св. Духа, а не подменять Его собой". Ту же картину представляла и Церковь святоотеческая. В латинской Церкви, благодаря развитию римской централизации, положение изменилось, но это уже другая проблема.

Ситуация, с которой нам пришлось столкнуться во Франции, оказалась еще более сложной, так как православная Церковь укоренилась здесь благодаря разным эмиграциям, русской и греческой. В результате на одной территории создано несколько юрисдикций, что является грубой аномалией с точки зрения канонов. Национальная обособленность, которой в сильной степени отмечены отдельные общины, есть аномалия не меньшая, связанная, однако, с первой. Но здесь мы имеем дело с фактом, общим любой диаспоре, и было бы утопией рассчитывать на скорое исцеление болезни. Кроме того, множественность юрисдикций в сложных обстоятельствах имеет и выгоды, так как может стать гарантией истинной духовной свободы.

По существу, все эти юрисдикции являются епархиями, и недостаток состоит только в том, что они локально наслаиваются друг на друга, однако все они — Церковь Христова. Тот факт, что они относятся к разным поместным Церквам, ничего не меняет. Каждый приход, в котором служится Божественная Литургия, есть Церковь Божья; это нужно сознавать прежде всего и не делать

из юрисдикционной принадлежности непроницаемых перегородок. Когда св. Ириней служил в Лионе, то не Смирнская Церковь собиралась там; община, состоявшая из греческих торговцев и галло-неофитов, была просто Божьей Церковью в Лионе. Если когда-нибудь удастся объединить все французские православные приходы под властью одного архиепископа и установить территориальные епископии, то безусловно это будет благом, потому что положение вновь придет в соответствие со святыми канонами. Но, в конечном счете, такая структурно единая Церковь не станет в большей степени "Французской Церковью" или "Божьей Церковью Франции", чем нынешняя мозаика юрисдикций. В преждевременной автономии тоже есть свои опасности.

Важна прежде всего любовь и понимание единства Церкви. То, что между православными существуют разногласия во взглядах и тенденциях, неизбежно и даже полезно. Но поскольку эти разногласия касаются только вопросов второстепенных, они ни в коем случае не должны порождать вражды, отчуждения, а тем более прекращения общения.

Наше положение афонских монахов во Франции дает то преимущество, что мы стоим в стороне от некоторого юрисдикционного антагонизма. На протяжении веков Афон был средоточием православия. Там, в ощущении общей принадлежности к "земному уделу Богоматери", сходятся монахи самых разных национальностей. Нам хотелось бы, чтобы наше пребывание во Франции тоже стало фактором духовного единения православных разных народов.

Как-то один старый афонский монах сказал нам: "Вы не римские католики, обращенные в греческое православие. Вы христиане Запада, члены римской Церкви, которые вошли в общение с единой Церковью. А это более значительно и более важно". И когда он говорил это, крупные слезы текли по его лицу... Мы, конечно, "обратились", в том смысле, что перешли из римской Церкви, к которой храним огромную признательность за все, что получили от наших семей и того церковного народа, частью которого так долго были, — в Церковь православную.

Но эта православная Церковь не есть Церковь "восточная", восточное выражение христианской веры: это Церковь Христова. Ее Предание было общим Преданием всех христиан на протяжении первых веков, и, войдя в общение с нею, мы просто вернулись к этому истоку. Мы не "переменили Церковь": мы просто перешли от отломившейся ветви единой Церкви к ее полноте.

Мы вполне ощущаем себя теми христианами Запада, которые, "попросив принять их в православную Церковь, не отреклись, однако, от того, что на Западе, и особенно на их родине, до и после разделения и схизмы, отмечено Духом Святым, который дышит, где хочет".²⁵

Православные монахи, призванные жить на земле Франции по преданиям Святой Горы, мы знаем, что монашеское служение не в том, "чтобы „стараться по возможности“, а в том, чтобы всей своею жизнью свидетельствовать, что смерть побеждена. Достигает же этого монах не иначе, как погребая себя, подобно засеянному зерну".²⁶

Примечания :

1. Beuron, Maredsous, Solesmes — бенедиктинские монастыри (т.е. следующие уставу св. Бенедикта), из которых первый находится в Германии, второй в Бельгии и третий во Франции. В XIX и первой половине XX века они во многом способствовали литургическому и патристическому обновлению римской Церкви. Отец Мармион (1858-1923), настоятель Maredsous, опубликовал основательные духовные труды, в которых опирался главным образом на учение апостола Павла, он имел большое влияние.

2. Joannes Joergensen — датчанин, опубликовавший в 1909 году замечательную "Жизнь Франциска Ассизского".

3. *Fioretti* ("Цветочки Франциска Ассизского") — сборник, составленный в обителях Умбрии и очень свежо описывающий жизнь Франциска Ассизского и его первых учеников.

4. Цистерцианцы — католический монашеский орден, состоящий из монашеских общин, подчиняющихся аббатству Сито (Cîteaux, *Cistercium* по-латински). Был основан в Бургундии в конце XI века небольшой группой бенедиктинских монахов, которые хотели вести жизнь более строгую и бедную, чем это было принято в больших монастырях той эпохи. Орден особенно прославился в XII веке благодаря св. Бернарду Клервосскому,

оказавшему громадное влияние на современников в качестве проповедника, автора духовных произведений и советника королей и пап. В последующие столетия орден испытал эволюцию, отдалившую его от первоначальной строгости. Частично был преобразован в XVII веке, главным образом под влиянием Арманда-Иоанна Рансе, настоятеля монастыря Трапп в Нормандии. Вследствие этой реформы в XIX веке возник орден траппистов или новых цистерцианцев.

5. Иоанн Креста (1542-1591) – испанский монах, сотрудник Терезы Авилльской в реформе кармелитских монастырей. Один из величайших мистиков католической Церкви. Сущность его учения можно понять из следующего изречения: "Если хочешь, чтобы душа твоя во всей ясности и чистоте сохранила черты Образа Божия, не ищи сообщества твари; но освободи твой дух от всего тварного – тогда просветит тебя свет Божий, ибо Бог ни в чем не подобен твари".

6. Французская школа духовности – католическое духовное течение, зародившееся во Франции благодаря деятельности кардинала Пьера де Бурлуа (1575-1629). Этот последний в многочисленных трудах излагал учение об обожении человека, вдохновляемое отцами Церкви, в особенности св. Кириллом Александрийским и бл. Августином. У него было много учеников и последователей вплоть до XIX века. – Луи Лаллеман и Жан-Жозеф Скюрен – французские иезуиты, их имена стоят в ряду наиболее выдающихся духовных писателей XVII века. В своем учении они стремились показать, что, благодаря полному отречению от собственной воли, человек, с помощью божественной благодати, может достичь такого состояния, когда он "до такой степени направляется Святым Духом, что почти не ощущает больше своих собственных влечений, а лишь волю Господа нашего Иисуса Христа, Который есть причина всех его действий, как и апостол Павел говорит: "Ибо все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии".

7. Анри де Любак – французский иезуит, на протяжении всего послевоенного периода много способствовал распространению святоотеческого учения в католических кругах.

8. Жан Даниелу (1905-1974) – французский иезуит, в 1969 году стал кардиналом, его апостольское служение охватывало интеллектуальные и университетские круги, он много писал об отцах Церкви.

9. Одон Казель (1886-1948) – бенедиктинский монах, немец, его богословские труды были основоположными для литургического обновления в католической Церкви. Питаемый учением отцов Церкви, он стремился в своих многочисленных произведениях показать, что литургическое торжество Церкви есть не просто воспоминание о прошедших событиях: в литургии Церковь реально приобщается к икономии спасения, охватывая всех верующих.

10. «Dieu Vivant» – религиозно-культурный журнал, выходивший в Париже с 1945 по 1953 год при участии о. Даниелу. Он открыл широкую дискуссию, на высоком интеллектуальном уровне, между представителями разных христианских конфессий, мировых религий и современных философских течений. Православие было представлено такими авторами, как Владимир

Лосский и Мирра Лот-Бородина. «La Maison-Dieu» – журнал, который в период между Второй мировой войной и Вторым Ватиканским Собором был основным органом литургического обновления в католической Церкви, выходящим по-французски.

11. "Sources chrétiennes" ("Истоки христианства") – серия, в которой публикуются святоотеческие тексты с французским переводом. Основанная в 1942 году о. де Любаком и о. Даниелу, ныне (1984г.) руководимая о. Мондезером, насчитывает более 300 томов. Серия была задумана как пособие, позволяющее "обратиться к истокам христианской мысли" и "перепрыгнуть мост между Востоком и Западом при помощи распространения текстов, которые на протяжении десяти веков были их общим интеллектуальным достоянием". Издаваемая на высоком научном уровне, серия особенно хорошо была принята в университетских кругах.

12. "Католическое действие" – ассоциация, объединяющая разные организации католиков-мирян, ведущих работу либо в приходах, либо по месту жительства под руководством иерархии. Это многосоставное движение, возникшее около 1926 года (создание "Христианской рабочей молодежи"), значительно расширилось после окончания Второй мировой войны. Оно внесло значительный вклад в изменение концепции католической Церкви в том, что касается отношений Церкви и мира и роли мирян в Церкви. Церковь Контр-реформации (см. прим.18), жестко иерархическая, начиная с вершины, римского папы, полагала себя трансцендентной миру и призванной сообщать ему Истину и Жизнь в Боге, которых сам в себе мир не содержит. В этой Церкви роль мирян сводилась к тому, чтобы слушаться иерархию и прибегать к тем средствам освящения, которыми она наделяла. С развитием "Католического действия" римская Церковь начала склоняться к тому, что мир, как и она сама, одушевляется Духом Святым и что устремленность современного мира к прогрессу, социальной справедливости, к братству людей есть тайное действие Святого Духа в мире. Таким образом, роль Церкви сводилась теперь к тому, чтобы обнаружить перед миром Таинственный Источник его бытия и помочь ему обрести завершенность, которая окончательно осуществится во Втором Пришествии. Следствием этой новой концепции была глубокая перемена положения мирян в Церкви: именно в силу той ответственности, которую они несут в семейной, профессиональной и общественной жизни, миряне как нельзя более способны сыграть положительную роль в той миссии, которую Церковь выполняет по отношению к миру.

13. Рабочие священники – во время войны определенное число католических священников оказалось в немецких лагерях. В разделении общей участи они открыли новую форму служения, и она показалась им подходящей для христианского просвещения дехристианизированного мира рабочих. Вернувшись во Францию, они захотели продолжить этот опыт и параллельно со священнической начали профессиональную деятельность, часто – заводскими рабочими. Вскоре, однако, эта попытка, в связи с начавшей выростываться эволюцией в отношениях Церкви и мира, выявила свой особый смысл. В контексте новых отношений произошел кризис священства. "Мирянин, полноправный христианин, отводит священнику второстепенную или даже вовсе незначительную роль. Что влечет за собой парадоксальное желание священника стать мирянином, или, выражаясь не так резко, желание

вполне разделить тяготы человеческого существования во всех его компонентах и не выглядеть анахронизмом в сегодняшнем обществе" (P. Guilmot. *Fin d'une église cléricalle?* Paris, 1969, p. 327). Осознание ситуации привело к тому, что после Второго Ватиканского Собора довольно значительно сократилось количество поступающих в семинарии. Но в годы, предшествовавшие Собору, некоторые священники, часто из самых ревностных, видели в своей производственной, а может быть и профсоюзной деятельности возможность согласовать священническое служение с той новой концепцией роли Церкви по отношению к миру, в направлении которой устремляли свои чаяния наиболее передовые католические круги. Начавшись после войны при поддержке кардинала Сюара, в то время архиепископа Парижского, опыт рабочих священников неявно содержал в себе слишком радикальный пересмотр традиционной экклезиологии римской Церкви, чтобы в то время быть одобренным Ватиканом. Рим своей властью положил ему конец между 1953 и 1959 г. Это вызвало довольно тяжелый кризис во французской Церкви. Однако опыт рабочих священников внес большой вклад в подготовку католического общественного мнения к тем переменам, которые произошли в римской Церкви после Второго Ватиканского Собора.

14. Контр-реформация - широкое движение за внутреннюю реформу католической Церкви, начавшееся после Тридентского Собора (1545-1563) в целях искоренения недостатков и злоупотреблений, благоприятствовавших зарождению и развитию протестантской Реформации. В этот период выявились некоторые отрицательные черты средневековой римской Церкви: слишком централистская концепция папства и слишком авторитарная концепция иерархии; слишком рациональное схоластическое богословие, часто упадочное; инквизиция в вопросах вероучения, доходившая нередко до террора. Но в то же самое время такие великие святые, как Тереза Авильская и Иоанн Креста, способствовали замечательному обновлению религиозного рвения и молитвенной жизни. Это обновление одушевляло таких епископов-реформаторов, как Карл Бороме в Ломбардии и Франциск Сальский в Савойе, влияние которых привлекало многочисленных подражателей. Это были люди, которые молились, постились и бодрствовали подобно древним отцам, заботились о больных, бедных и обездоленных, но в то же время оказывали себя энергичными организаторами, давшими римской Церкви то лучшее, что сохранилось в ней с конца XVI до середины XX века.

15. M.-J. Le Guillou. *L'esprit de l'Orthodoxie grecque et russe*. Paris, 1961. p. 47.

16. J. Gelineau. *Demain la Liturgie*. Paris, 1976, p. 10.

17. Y. Congar. *Notes sur le schisme oriental*. Chevetogne, 1954, p. 43.

18. A. Vauchez. *La spiritualité du Moyen-Age occidental*. Paris, 1975, p.68.

19. P. Batiffol. *Cathedra Petri*. Paris, 1938, p. 75, 76.

20. W. De Wries. *Orient et Occident. Les structures ecclésiales vues dans l'histoire des sept premiers conciles œcuméniques*. Paris, 1974, p. 215-216.

21. С. Булгаков. *Православие*. YMCA - PRESS, Париж, стр. 202-203.

22. Особенного внимания заслуживает работа об "икономии" Конгара: "Православные богословы, за исключением единиц, ... держатся общего убеждения, что нет таинств, кроме как в единой Церкви ... Эта позиция ... выражает, как будто, общее мнение и восходит к глубинам православного предания" (Y. Congar. *Propos en vue d'une théologie de l' "Economie" dans la tradition latine*. "Irenikon", 1972, p. 180, 183). Анонимный автор редакционной статьи в том же номере "Иреникона" здраво очертил границы августирианского богословия, которое превалировало на Западе относительно инославных таинств: "Начиная с XIII века у нас утвердился неверный взгляд, отрывающий экклезиологию от таинств. Этот факт представляется нам логическим следствием постепенной эволюции позиций, занимаемых Западом со времен борьбы с донатизмом. Поплатилось за это богословие Святого Духа, до такой степени, что роль Святого Духа в отношениях между Церковью и таинством почти совсем была сведена на нет. Второй Ватиканский Собор попытался начать лечение. Очень робко. Иногда неуклюже. Благих намерений было больше, чем ясности и определенности" (ук. соч. стр. 153, 154). Можно, во всяком случае, сказать, что в общем, начиная с III века, никогда не было единодушия в пользу признания таинств инославных Церквей. И в церквях не латинских господствовала скорее противоположная точка зрения. См. также: P. L'Huillier. *Les divers modes de réception dans l'Orthodoxie des Catholiques romains*, dans «Le Messager Orthodoxe», № 82, 1979/1, и *Economie ecclésiastique et réitération des sacrements*, dans «Irenikon», 1937, p. 228-247 et 338-362.

23. P. L'Huillier, *art. cit.*, p. 22.

24. Это "сообщение" распространялось конфиденциальным письмом, разосланным "Монастырским секретариатом" по всем франкоязычным католическим монастырям. Речь шла о мотиве, который мог побудить "отца Плакиду и его сотоваришей просить о крещении вопреки воле их игумна (!). Поступая подобным образом, они, без сомнения, хотели заручиться расположением интегристской партии афонского монашества, со стороны которого могли ожидать критической сдержанности, если не враждебности".

25. E. Behr-Sigel. «Contacts», N 45 (1964), p. 49.

26. Archimandrite Basile, Higoumène de Stavronikita, dans «Contacts», N 89 (1975/1), p. 101.

Архим. Амвросий ПОГОДИН

**ФРА ИЕРОНИМ САВОНАРОЛА – НЕПОНЯТЫЙ
И НЕПРИЗНАННЫЙ СВЯТОЙ ***

Х

Савонарола исполнил распоряжение папы, запрещающее ему проповедовать. Но Синьория, учитывая огромный авторитет Савонаролы и влияние его на народ, усиленно просила папу снять этот запрет, но тот оставался непреклонным, хотя впоследствии Синьория получила уведомление от кардинала Гараффы, дающее понять, что если Савонарола не будет затрагивать политические темы и предметы, имеющие отношение к Ватикану, как не касающиеся его, то папа "посмотрит сквозь пальцы" на то, что Савонарола возобновит свои проповеди. Во время своего вынужденного молчания Савонарола отдался практической деятельности и усиленно проводил моральные реформы в городе, о которых мы говорили в седьмой главе нашего очерка.

И хотя по видимости все обстояло благополучно, однако Савонарола почувствовал, что на до сих пор, казалось, залитую солнцем светлых надежд дорогу его деятельности в осуществлении Царства Божия на земле, которое, начавшись с Флоренции, затем распространилось бы по всему миру, — легла внезапно черная тень папы и полного крушения всего, что он старался осуществить с такой горячностью и жертвенностью.

И вот, находясь в зените славы, он объявил, что его ждет мученическая смерть. Будучи тщедушным и слабого здоровья, он к тому же совершенно надорвал свои силы крайне напряженной и нервной работой. Поэтому монастырская братия уговорила его на короткое время уехать в провинцию и отдохнуть на лоне природы. Он послушался совета. В своей прощальной проповеди он возвестил народу: "Люди мои, когда я — здесь, я всегда себя хорошо

чувствую; и если бы, каков я бываю на кафедре, я был и тогда, когда схожу с нее, то никогда бы я не жаловался на мое здоровье. Но когда я схожу с кафедры, мне приходится встречаться с моими немощами. И пройдет известное время, прежде чем я снова увижу вас, потому что мне надо время, чтобы исцелиться. Я буду снова проповедовать, если буду жив. Я не мыслю своей жизни без того, чтобы проповедовать. Я думаю, что буду отсутствовать в течение месяца, если только ваши молитвы не вернут меня к вам раньше этого срока. В это время проповедовать будет фра Доменико. Я вернусь, если буду жив. Но ни в коем случае благосостояние Флоренции не потерпит ущерба. И хотя злые люди могут действовать, однако семя принесет свой плод. Так хочет Бог. Сегодня я мог бы назвать имена зачинщиков опасности для вас, но я не хочу никому приносить вреда, и вы сами познаете их по их плодам. Теперь я кончаю, я, который проповедовал и трудился для вас до такой степени, что на многие годы сократил свою жизнь и мне не хватает дыхания. — Хорошо, монах, — скажешь ты, — а какую награду ты возымеешь за это? — Мученичество: я желаю мученичества. Я готов принять его. Об этом я молю Тебя, Господи, ежедневно по любви к этому городу".

Раньше, в молодые годы, он любил бывать наедине с собою на лоне природы; он любил равнины северной Италии, степи, поля и широкие реки, успокаивающие и поглощающие просторы, полные тишины и духа вечности. Здесь он любил ходить, думать, сочинять стихи. Но теперь это не приносило ему успокоения. Тогда его душа не была надорвана и обременена, как это стало теперь. Тяжелые думы легли на сердце; умственное и нервное переутомление выливалось в острую тоску. В душу вкрались сомнения: прав ли он был от начала, что пошел путем политического и морального реформаторства, пожертвовав для этого тем покоем, который необходим для монаха? Не бежали ли подвижники от людей и их дел и, находясь в клаузуре, не отдавали ли своего сердца только Богу? Не пошел ли он самым неблагодарным путем, какой только может быть, и в то же время наиболее обольстительным, путем духовного вождя народа? — Но народ его любит; но народ его ценит; но народ нуждается в нем? — О, конечно! — Но не в этом ли самом народе скрываются и враги его? Не этот ли самый народ в конце концов и предаст его? Не бывало ли в истории прежде, вероятно будет и после, что тех, которых любили и почитали, потом с ненавистью

*) Продолжение. Начало см. "Вестник РХД", № 145.

эти же самые люди отвергали и уничтожали? Народ не напоминает ли море: всегда опасное, всегда изменчивое, в нем никогда нельзя быть уверенным, оно всегда способно к внезапной буре и грозит своими волнами затопить челн рыбака, отважившегося заплыть в его глубины. — Но возврата уже нет!

Одиночество давило и тишина тяготила; в них уже не было той живительной силы для души, какую они давали ему раньше: теперь это было одиночество и тишина кладбища. Вместе с молодостью было утеряно и что-то еще более драгоценное, что, он чувствовал, уже навеки потеряно, именно: "свобода и покой". В проповеди, которую он составил для своего возвращения во Флоренцию, он писал: "Некий юноша, оставив свой дом, сел на рыбацье судно, и капитан, в ловле рыб, привел его в открытое море, откуда пристани уже не было видно; и юноша стал горько плакать. О, Флоренция! Этот юноша с глубокой печалью стоит теперь здесь на кафедре перед вами. Из моего дома я был приведен к пристани монастыря, когда мне было 23 года, и я надеялся найти там свободу и покой, две вещи, которые я возлюбил больше всего. Но я взглянул на мирские воды, и моей проповедью начал приобретать некоторые души; и, видя, что это мне доставляет великое удовольствие, Господь поместил меня на корабль и привел меня в открытое море, в котором я ныне нахожусь; и больше я уже не вижу пристани. С обеих сторон — волны бури! Впереди я вижу волнения и бури; я потерял пристань, и ветер гонит мою ладью все дальше и дальше от берега. С правой стороны — избранные, взывающие ко мне о помощи; с левой стороны — бесы и злые люди, устремляющиеся на меня и терзающие меня; под ногами я вижу ад, которого, как человеку, мне приходится бояться: потому что, без помощи Божией, я, конечно, ввергнусь в него. О, Господи, Господи, куда Ты меня привел? Ради того, чтобы спасти несколько душ, я пришел в место, где нет покоя, и я не могу вернуться к моей безмятежности. Почему Ты меня сделал человеком борьбы и мирских разногласий? — Я был свободен, а теперь каждый человек — мой хозяин. Я вижу войны и раздоры, находящие на меня. О, друзья, по крайней мере вы, о избранные Божии, ради которых я стражду день и ночь, хоть вы окажите мне какое-нибудь милосердие! Дайте мне "цветы", как говорит Песнь Песней, "потому что я томлюсь любовью"! "Цветы" — это добрые дела; и я не прошу иного чего, как только того, чтобы вы угодили Богу и спасли свои души".

Савонарола отчаянно нуждался в поддержке для своей обширной деятельности, которой горел и в которой сгорал. Но поддержки у него было мало. Он мог положиться только на очень немногих, а главным образом на своих двух непосредственных помощников: фра Сильвестро и фра Доменико; но первый был слабонервным и сам нуждался в непрестанной душевной поддержке со стороны Савонаролы; а второй хотя и был энтузиастом и всей душой предан своему игумену, однако в житейских делах был еще более неопытен, чем сам его учитель; он был действительно кроток, как голубь, но не мудр, как змея, чтобы уметь уберечь свою голову, и за его ошибки расплачивался Савонарола. Братия Сан Марко была лояльна к своему игумену, но последующие события показали, что и среди них было очень мало искренно преданных ему людей: строгий, прежде всего к себе, и святой игумен редко бывает любим всей братией; вспомним, что св. Бенедикта братия даже хотела отравить, чтобы избавиться от него, хотя прежде и звала его на игуменство. Флоренция держалась Савонаролы до тех пор, пока его влияние на народ было сильным и полезным для правящих классов; но и сам народ — изменчив, и на любовь народа к нему он не мог полагаться, зная, что сегодняшнее "осанна" может быть завтрашним "распни его". К тому же, к этому времени создалась как открытая, так и скрытая оппозиция Савонароле в флорентийских кругах. Эта оппозиция состояла из числа сторонников Медичи и денежной аристократии, это была партия, называемая "Палески", а также партия, называемая "Аррабиати", которая готова была пользоваться всеми мерами, чтобы избавиться от Савонаролы. Эти партии повели войну против него, и он знал, что для него больше нет отступления. Они писали в Ватикан, всячески настраивая папу против Савонаролы; они клеветали на него и извращали смысл его слов, изображая его поносителем папы и бунтарем против церковных властей, рисуя его самозванцем и еретиком.

Савонарола ответил на это рядом проповедей. В проповеди на сырной неделе 1496 г. он начал с того, что извинился перед слушателями за свое долгое молчание; оно не было вызвано страхом быть убитым: потому что вот он пришел с проповедью в кафедральный собор, где всякий злоумышленник может легко его убить. Отлучен ли он от Церкви? — Нет. Но если бы и было так, то отлучение

от Церкви не имело бы никакого веса, потому что происходило бы в результате козней людей, исполненных неправды. Так например, пусть некий командир послан был бы воевать под начальством генерала в борьбе против врагов царя, и, воюя, одерживал бы победы. Если бы по какой-то причине генерал велел бы этому командиру прекратить борьбу, когда такой приказ мог бы возыметь губительные последствия для целей царя, то ужели бы генерал мог сердиться, если бы этот командир отказался послушаться его и продолжил бы борьбу до победного конца? — "Поэтому всегда, когда бывает очевидно, что распоряжение вышестоящего лица противно заповедям Божиим, и особенно, когда нарушена заповедь любви, тогда послушание не должно оказываться... Когда я ясно увидел, что мой уход из города означает духовную и вещественную гибель для него, я не мог оказать послушания никакому смертному человеку, который бы мне приказал покинуть город. В законах Церкви мы должны наблюдать дух их, имеющий в виду пользу Церкви, а не слова, внешнюю форму этих законов, которыми часто злоупотребляют; законы Церкви — добрые законы, а их извращают в свирепые". Затем Савонарола торжественно заявил, что никогда не утверждал и не утверждает, что папе не должно оказывать повиновения. — "Если бы Хозяин Виноградника лично был здесь и видел собранную жатву, он не принял бы во внимание все то, что ему пишут про меня... Когда я вижу такую непримиримую вражду ко мне, и со стольких сторон, против меня, маленького человека, который не стоит и трех копеек, то я задаю себе вопрос: не сошел ли я, действительно, с правого пути? Поэтому перед вашим лицом я исследую мою совесть". После тщательного и беспощадного самоанализа, Савонарола заявил, что верует в святую римскую Церковь, которой всегда повиновался и всегда будет покоряться. Свою проповедь он закончил трогательной молитвой к Спасителю, в которой говорил, что всегда имел желание уклониться от мира и от какого-либо руководства другими людьми. Но воля Божия его вывела из пристани в бурное открытое море, и возврата уже нет. Вся жизнь его стала сплошным страданием. — "Конечно, я нахожусь посреди глубокого моря и ветры обуревают нас со всех сторон, — говорит он, — ежедневно я становлюсь посмешищем; каждый насмехается надо мной, потому что столь долгое время я вопиял против зла и возвещал волнения и бедствия... Но, Господи, поелику Ты желаешь, чтобы я совершал плавание по такому глубокому морю, то да будет воля Твоя".

В последующих проповедях Савонарола, угрожая бедствиями, которые и сбылись впоследствии, призывал всю Италию к покаянию: "Италия, я говорил тебе: покайся! Венеция — также! Милан, я говорил тебе то же самое! Я предупреждал всех мудрых людей во всем мире. Другого лекарства нет, как только покаяние! Я здесь — не для того, чтобы проповедовать только Флоренции, но — и всей Италии". И затем он предсказал флорентийцам свою смерть: "Делай, что тебе угодно, Флоренция; играй с тенями, носись со своими иллюзиями; но я должен сегодня утром сказать тебе: эту реформу ты никогда не сможешь закопать в землю; она продолжится и после моей смерти: потому что это — дело Христово". Затем, обернувшись лицом к Распятию, которое было над его кафедрой, он воскликнул: "Господи, я обращаюсь к Тебе. Ты ведаешь первую Истину и пожелал умереть за эту Истину, и, в Своей смерти, Ты одержал победу. Так я готов и желаю умереть за Твою Истину. Вот я, Господи! Ты возжелал умереть за меня, и я радуюсь умереть за Тебя!" Последние слова он произнес с такой силой и с такой горячностью, что они, по описанию свидетелей, прогремели, как гром. И затем он повергся ниц перед Распятием. В народе произошло сильное волнение: слушатели были потрясены. Савонарола не имел силы продолжать проповедь; молча благословив народ, он сошел с кафедры, одновременно полный решимости и воодушевления и вместе с тем разбитый душевно и телесно.

В дальнейших проповедях Савонарола указывал на то, что его писания известны Риму и что никогда он не учил ничему, противному учению святой Церкви; если в его писаниях находят что-нибудь еретическое, то пусть это будет указано ему, и он публично отречется от того, что не согласно с учением Церкви. Нет, указал далее Савонарола, он не лжепророк, как его хотят представить; если бы это было так, разве он учил бы людей жить по правде христианской жизни? Ужели бы Бог допустил, чтобы столько благонравных и добродетельных людей следовали его указаниям, если бы он действительно был обольстителем? Ужели бы Бог допустил, чтобы эти люди из-за него уклонились с правого пути? Опять и опять Савонарола подчеркивал, что никогда не говорил ничего против папы; потому что было бы противно воле Божией поносить Главу Церкви.

Между тем, папа молчал. Но это молчание было зловещим знаком, а не снисхождением или благоволением папы к Савонароле.

Флорентийский посланник при Ватикане, Беки, извещал Синьорию, что папа весьма недоволен положением во Флоренции и считает, что Флоренция ставит себя в глупое положение перед всем миром тем, что повинуется "какому-то монаху" и доверяет общественный порядок "бандам детей". Папа возмущается, писал далее Беки, что флорентийское правительство попускает Савонароле поносить папу и кардиналов, и желает, чтобы Синьория запретила ему в проповедях касаться вещей, не касающихся его, а также вмешиваться в дела светские и подведомственные государственной власти. Папа, кроме того, отдал распоряжение комиссии, составленной из доминиканских богословов, исследовать дело "этого странного монаха", и на основании их доклада вывел заключение, что тот — "еретик, схизматик (раскольник) и бунтовщик в отношении Святого Престола". Все три заключения были неправильны и даже абсурдны, тем не менее — фатальны для Савонаролы. Это было началом его конца.

Между тем, пророчества Савонаролы сбывались одно за другим. Флоренция терпела большие бедствия. Пиеро Каррони, выдающийся народный вождь и горячий сторонник Савонаролы, погиб в битве. В правительство стали входить и занимать видные места люди, враждебные Савонароле. Он, в одной из своих проповедей, относящихся к этому времени, снова предсказал свою мученическую смерть. По поводу слухов (кстати, совершенно необоснованных) о том, что папа желает вызвать его в Рим и оставить при себе с возвышением его в сан кардинала, Савонарола объявил народу: "Я не хочу никакой кардинальской шапки, никакой митры, велика ли она или мала. Ничего иного я не хочу, Господи, как только того, что Ты даровал Твоим святым, именно: красную шапку. О, да, красную, но красную — от крови. Этого я хочу".

Черные тучи стали собираться над Савонаролой. В ноябре 1496 года папа издал указ — под угрозой отлучения от Церкви дерзающим послушаться его — о реорганизации монашеских общин; среди общин поминался и монастырь св. Марка во Флоренции. Согласно этой реорганизации монашеских общин, многие из них подлежали перегруппировке: Савонарола автоматически лишился своего звания благочинного монастырей Флорентийской области, а монахи Сан Марко рассылались по другим монастырям. Савонарола ясно видел гибельные последствия для монастыря, если он подчинится указу папы о реорганизации монашеских общин. Ему удалось,

вложив много душевных сил, создать монастырь подвижников, насчитывающий 300 монахов, горящих духом и единокорных со своим игуменом и между собой. Теперь возникала угроза, что в монастырь вольются монахи, не привыкшие к строгой подвижнической жизни, от чего произойдет дисгармония и упадок духовной жизни в монастыре; с другой стороны, монахи из монастыря Савонаролы могли быть разбросаны по другим монастырям, где устав не был таким строгим и где их подвижнический дух бессильно погас бы. Нет сомнения, что так и произошло бы, потому что, по определению высших церковных властей, монастырь Сан Марко был "логовищем раздора", который следовало ликвидировать, что впоследствии действительно и было проведено. И вот, Савонарола отказался исполнить распоряжение папы. "Мы знаем, что происходит в других монастырях; мы знаем, чего мы достигли у себя. Рассуждая по-человечески, такое слияние монастырей невозможно, неразумно и вредно, и братия монастыря св. Марка не должна быть принуждаема принять это: потому что церковные власти не могут требовать исполнения того, что противоречит уставу монашеского ордена, что противоречит духу любви (как всякое насилие) и духовному благу монашествующих". Таково было общее заявление братии монастыря Сан Марко в ответ на указ папы. С одной стороны, представляется, что этот ответ был дерзким и представлял собою недопустимое непослушание Главе Церкви. Но, с другой стороны, Савонарола имел все основания для такого поступка, потому что и формально (не только духовно) монашеские ордена имели свою жизнь, свой устав и свои законы. Ни епархиальный архиерей, ни даже папа не имели права нарушать законы монашеских орденов; монахи — удалились от мира в поисках спасения души, не желая принимать участия в жизни мирской Церкви, хотя часто брали на себя послушание служить людям, тем, что проповедовали там, где была нужда, служили больным или наставляли детей и молодежь в своих монастырских учебных заведениях. Но местные епископы не имели права распоряжаться ими или считать их подвластными себе. Аббат монастыря имел один единственный закон: наблюдать духовное благо своей братии, и был ответственен за это только перед Богом, перед генералом ордена и, конечно, перед своей братией. Виллари указывает, что Савонарола действовал совершенно согласно учению св. Фомы Аквината. Следует заметить, что указу папы, на том же основании, что и Савонарола, т.е. в целях сохранения

духовного единства своих монашеских общин и духовного блага монахов, отказал в послушании и ряд других настоятелей монастырей. Но на них никакой кары не обрушилось. Позднее, в истории иезуитского ордена произошел подобный факт, когда он отказался исполнить указ папы Климента XVI, когда тот распустил орден ввиду его политической деятельности. Другой монашеский орден, в руках которого была инквизиция, категорически отказывался исполнить распоряжение пап о ликвидации этого зловещего учреждения.

Савонарола прекрасно видел, что все это дело было результатом деятельности его врагов, и особенно фра Мариано, который не простил Савонароле тот факт, что тот своими проповедями привлек к себе флорентийскую паству, умами которой он прежде владел. Ревность, а особенно ревность среди духовенства, бывает особенно непримирима и мстительна, и многие полезные для Церкви люди были уничтожены ею. Савонарола прекрасно понимал, что и весь этот указ о реорганизации монастырей, имеющий характер общий и беспристрастный, в действительности был мерою, направленной только против него одного. Как мы выше сказали, и некоторые другие аббаты отказались исполнить распоряжение папы, однако не подверглись никаким санкциям. На Савонаролу же имела обрушиться тяжесть кары во всей своей полноте.

Пока Савонаролу не трогали. С особой торжественностью в наступившем 1497 году было отпраздновано "сожжение предметов суеты" накануне наступления Великого Поста. На Piazza della Signoria была установлена большая ель и приготовлен материал для грандиозного костра. Материал этот состоял из фигур безобразных чудовищ, изображавших собою воплощение страстей, — а также сваленных в кучу т.н. "предметов суеты", которые граждане Флоренции, сопровождаемые процессиями детей, принесли из своих домов и духовно и фактически выбрасывали из своей жизни. Таковыми "предметами суеты" считалось все то, что могло бы помешать прогрессу чисто духовной, христианской жизни: женские украшения, помады для лица, пудра, парики, карты, игральные кости, сочинения Боккаччо и Петрарки, а также другие сочинения нескромного содержания, картины и гобелены фривольного содержания и одежды распущенного и языческого характера, употреблявшиеся во времена прежних карнавалов, которые скорее превращались в общественное бедствие, чем в общественный

праздник. Монахи Сан Марко и дети, прекрасно организованные этими монахами, в белых стихарях, готовили все для этого костра. С наступлением ночи, при звуке фанфар и пении грандиозного детского хора, управляемого фра Доменико, костер этот был зажжен, и огонь поглотил и пресонификации страстей и пороков, а также и "предметы суеты" (*vanitas*). Думал ли Савонарола, было ли ему открыто, что через год на этом же самом месте — он будет казнен и тело его будет сожжено на костре? Вероятно, Благое Провидение скрыло от него эту его судьбу. Ему было открыто, что его ждет мученичество, но когда, где и при каких обстоятельствах, это для спокойствия его души не было пока открыто ему. Бог всех ведет Своими судьбами, не только божественно мудрыми, но и божественно благими.

XII

Папа вызвал к себе флорентийского посланника более высокого ранга, чем был предъидущий, и между ним и Флоренцией состоялась сделка, которую один из биографов Савонаролы называет "диавольской"; именно, папа предложил вернуть Флоренции Пизу под условием, что Савонарола будет ликвидирован. Но Синьория Флоренции пока еще в своем большинстве состояла из людей народного правительства, которое поддерживало Савонаролу, зная, как он много сделал для Флоренции. Ярость папы против Савонаролы им была непонятна: Савонарола папу не трогал в своих проповедях, а вел свое большое и полезное для государства дело. Они с трудом могли заключить, что испанская кровь папы вскипела, — по выражению Редера, — и требовала мщения за несуществующую обиду, которая была и выдумана и раздута врагами Савонаролы, находящимися в Ватикане. Но и в самой Флоренции создалась партия ненавистников Савонаролы, состоящая главным образом из хулиганской молодежи. Эта партия, называемая "Кампаньячи", не останавливалась ни перед чем. На праздник Вознесения Господня была назначена его проповедь в флорентийском кафедральном соборе. Накануне праздника кампаньячи ворвались в храм и испачкали пометом кафедру. Люди, преданные Савонароле, очистили кафедру к его приходу. Синьория, предвидя беспорядки, запретила Савонароле проповедовать в пределах города; проповедь на Вознесение должна была быть его последней проповедью в пределах

города. Он явился и взошел на кафедру: слушатели были в большой тревоге. "Вы думали, что я не вступлю сегодня на кафедру, — начал свою речь Савонарола, — но вот, я здесь. Был ли я окружен крепкими телохранителями, защищавшими мою особу? Нет. Я пришел и всегда приду, когда Господь призовет меня. Ни один человек в мире, кто бы ни был он, не сможет остановить меня... Но вы скажете: Монах, ты являешься причиной наших раздоров. — На это я отвечаю: Не я являюсь причиной этих раздоров, а ваш дурной образ жизни. Христос пришел не для того, чтобы заключить мир между добрыми и злыми. Он пришел для того, чтобы даровать мир Своим благим людям". Во время его проповеди в храм ворвались хулиганы и стали шуметь и бить в барабан, чтобы заглушить слова Савонаролы. В церкви наступила паника, и люди бросились к выходу из храма; в дверях началась давка. Савонарола поднял руку. В нем было столько патетизма, столько душевной силы и страдания, что хулиганы вдруг сразу стихли. "Подождите, — закричал он, — повремените немного! Ах, если бы вы знали то, что я знаю, вы бы сами пожалели меня!" И, обернувшись к народу, он сказал: "Не бойтесь! Бог — на нашей стороне!" Люди, преданные Савонароле, окружили тесным кольцом его кафедру. Он стоял, высоко держа в руках крест. "Верьте в это, — воскликнул он, — и ничего не бойтесь!" Сказав это, он упал на колени. Люди, любящие его, проводили его до дверей монастыря.

XIII

Через неделю после сего события папа подписал анафему Савонароле. Пастор, в очерке об отношениях между папой Александром VI и Савонаролой (в 6-ом томе "Истории пап"), указывает на то, что папа долго медлил и не решался на такой шаг, но был склонен к этому окружением. Как бы там ни было, но страшное дело было сделано. Г. Лоттини, в особом труде, поставил вопрос: был ли Савонарола действительно отлучен от Церкви или нет, и желает доказать, что настоящего отлучения не последовало. Постановление папы было "un breve dichiarativo" (т.е. возвещающее об угрозе, что определенное лицо будет отлучено от Церкви), а не — "inflittivo" (т.е. самый факт отлучения от Церкви). Даже если это и так, этот документ был понят как отлучение от Церкви. Этот

документ был объявлен по всей Флоренции, и письменное постановление папы было вывешено на воротах всех главных церквей города. Савонарола был заклеен не только как послушник папы, но и как человек, подозреваемый в ереси. Всякий общающийся с ним и содействующий ему подлежит тому же отлучению от Церкви. Последнее заключало в себе угрозу наложения папского интердикта на все общество, на всю Синьорию, на весь город Флоренцию. Отлучение от Церкви в те времена было страшно не только для отдельного лица, но и для всего города и государства, которое бы поддерживало отлученного, и могло привести государство к военному или финансовому краху, потому что давало возможность другим христианским государствам, верноподданым римскому папе, вторгаться на территорию провинившегося государства или прервать с ним союзнические и торговые отношения.

Савонарола, еще не зная о случившемся, направил папе письмо, в котором он заверял его, что в своих проповедях никогда не поносил папу: все это вымысел его врага, фра Мариано... Но папа не принял во внимание этого письма.

Савонарола, считая, что папа не был прав, отлучая его от Церкви, которой он отдал всю свою жизнь, все силы и все творчество своего духа, — не принял во внимание это постановление и продолжал служить и причащать, правда, ограничив свою деятельность своим монастырем и причащая из мирян лишь находящихся при смерти, которых было много, вследствие эпидемии чумы, захватившей в те времена пределы Флоренции, а местного духовенства не хватало.

Представляется, что Савонарола не был прав, игнорируя постановление папы; несомненно, что есть правда и в словах папы Александра VI, который, оскорбленный поведением Савонаролы и поддерживающей его в то время Синьории, заявил флорентийскому посланнику при Ватикане: "Как бы я ни был грешен и недостоин, но я законно занимаю этот Престол". Но если Савонарола и неправ, то наказание, которое он претерпел, наказание во много раз превосходящее его вину перед Церковью, покрыло эту вину; подобно тому, как бл. Августин отзывается о священномученике Киприане, который умер, находясь в расколе с папой: "Если он и имел известную вину перед Церковью, его мученическая кончина покрыла все". Кроме того, следует принять во внимание, что Савонарола, поступая так, единственно имел в виду то

Божье дело, которое он с большим трудом создал во Флоренции, и верил, что только благодаря проискам врагов папа римский, не зная истинного положения вещей, был подвигнут против него. Савонарола не видел, или не хотел видеть, что то величественное здание, которое он построил — образ Царства Божия на земле — уже дало много зловещих трещин. Но у тех, которые правили в это время Церковью, у тех, которые зловредно для Савонаролы влияли на папу, вина перед Церковью гораздо, гораздо большая. Ведь они разрушили поистине Божье святое дело и отдали на смерть человека в высшей степени полезного для Церкви и, можно сказать, для всего человечества, человека, который оставил миру прекрасные богословские сочинения, а во время своей жизни учил людей добру и воздержанию от страстей и в полуязыческий век Ренессанса мощно напомнил людям о христианской нравственности и построении общественной и государственной жизни на принципах христианской морали, и первый в истории христианской Церкви объединил молодежь вокруг Церкви и сделал ее блюстителем христианской морали в семье. И вот, такого драгоценного и святого человека папа Александр VI и флорентийские власти того времени уничтожили, как уголовного преступника. Представляется, что за этот поступок высших властей римской Церкви, правивших в то время, понесла бедствия вся римская Церковь. Биограф Савонаролы, Роберто Ридольфи, справедливо замечает: "Если бы в то время прислушались к голосу Савонаролы, то, может быть, за Альпами не появился бы Лютер или его влияние оказалось бы меньшим, и реформа в Церкви, нужду в которой ощущало каждое христианское сердце, родилась бы в самих недрах римской Церкви". Немецкий ученый И. Лортц так пишет о Савонароле: "В нем можно видеть выражение или воплощение наилучших искателей реформы в XV веке".

Если бы в те времена власти Церкви вняли голосу Савонаролы, и, по его выражению, "Церковь обновилась" бы, то протестантизм, как не имеющий ни почвы, ни основания, возможно, не появился бы, и Западная Церковь представляла бы свое прежнее духовное единство; не произошло бы и множества войн, вызванных разделением западного мира на католические и протестантские страны, не было бы и внутренних кровопролитий и "Варфоломеевских ночей" от древних времен и даже до настоящего времени...

Однако, вернемся к изложению исторических событий. В этом же 1497 году папа Александр VI потерял сына. Его любимейший и достойный сын, герцог Гандии Жуан, был убит ночью на улице Рима какими-то разбойниками или же наемными убийцами, нанятыми, очевидно, врагами герцога. Тело убитого было выброшено в Тибр, куда римляне выбрасывали сор. Из мутных вод Тибра оно и было извлечено. Горе папы было очень, очень велико. Церемониймейстер Ватикана того времени, Бухар, записал по этому поводу: "Когда папа узнал, что его сын убит и тело его найдено плывущим по реке, наподобие сора, он был потрясен до глубины души скорбью и сердечным огорчением. Он закрылся в свой кабинет и горько там плакал. В течение многих часов он не допускал к себе кардиналов и слуг, несмотря на их непрерывные мольбы и просьбы. Наконец, он открыл двери и впустил их. Но от среды до субботы он не хотел ни есть, ни пить, и до воскресения он не заснул". Савонарола, услышав про трагедию, приключившуюся папе, послал ему письмо, полное участия; быть может, в этот момент он был из числа очень немногих, которые истинно пожалели его; потому что у папы было мало людей, которые его любили, зато было очень много лстивых врагов, которые окружали его. "Вера, Святой Отец, — писал он папе, — является единственным и истинным источником душевного мира и утешения для сердца человека. Пусть Ваше Святейшество ответит на этот призыв веры, и Вы увидите, как быстро Ваша скорбь обратится в тихую, благодатную радость. Всякое иное утешение — непрочно и обманчиво. Только вера приносит утешение человеку из оной далекой, загробной страны. Посему пусть Ваше Святейшество поможет делу Веры, за которую я страдаю даже до уз, и не слушает дурных людей. Это я написал Вам, движимый любовью и со всем смирением, желая, чтобы Ваше Святейшество обрели в Боге оное истинное утешение, которое не постыжает. Пусть оно утешит Вас в Вашем горе". Возможно, что слова Савонаролы и оказали свое влияние на папу, — потому что его проповеди и пророчества были известны в Ватикане, — папа созвал кардиналов и поручил комиссии, состоящей из шести кардиналов, произвести подготовительную работу для проведения реформ в Церкви. Собранию кардиналов и иностранных дипломатов, находившихся при Святейшем Престоле, папа поведал о приключившемся ему горе — о гибели его сына, которого он любил больше всех людей на свете. "Мы бы с радостью

дали 7 тиар, лишь бы только вернуть его к жизни". Он желал отречься от папского престола, говоря: "Бог, видно, покарал меня за некие грехи". Кардиналы уговорили папу не оставлять своего служения. Что же касается вышеупомянутой комиссии, то она была распущена прежде, чем даже приступила к серьезной работе. Несмотря на все старания Синьории, пославшей своих дипломатов к папе, отношения между ним и Савонаролой не улучшились. Папа своего отлучения не снимал, а Савонарола игнорировал такое. В одной из своих проповедей Савонарола объявил (хотя об этом говорил и раньше, когда угроза отлучения его еще только висела над ним), что незаконное отлучение от Церкви, каковое было вынесено в отношении его, является вместе с тем и недействительным. Начал он свою проповедь молитвой, моля Бога, чтобы из его уст никогда не вышло что-нибудь, не согласное с учением Церкви и св. Писанием. Затем он перешел к вопросу отлучения его от Церкви, и, методами в духе Аквината, доказывал, что если священными канонами (т.е. законами Церкви) пользуются ради мести, ради удовлетворения якобы уязвленной чести, а лучше сказать — гордости вышестоящих по отношению к нижестоящим, а не по духу любви и отеческому чувству, в целях исправления заблудшего или споткнувшегося, — то всякое такое запрещение и отлучение — недействительно перед Богом. Нет, не для того епископы получили власть в Церкви, чтобы злоупотреблять священными канонами для насилия над нижестоящими и часто беззащитными людьми. Святая Церковь предвидела, что в этом отношении будут злоупотребления, и поэтому постановила на VI Вселенском Соборе, что митрополит или патриарх обязан собирать своих епископов на соборы два раза в году, и каждое запрещение священника в священнослужении, каждое отлучение от Церкви должно быть рассмотрено, и если бы обнаружилось, что таковое было сделано по пристрастию (т.е. из мести, из гордости, из желания "испортить репутацию", унижить, уничтожить человека нравственно, убить в нем дух веры в справедливость Церкви, привести его к полной гибели, лишить его паствы и этим куска хлеба, сделать его духовной развалиной), то таковой епископ, какого бы высокого ранга он ни был, сам подвергался тому же прещению, которым злоупотребил, как согрешивший против Духа Святого, действующего в Церкви. Кроме того, напомнил Савонарола, вина человека должна быть действительно очень, очень велика, чтобы такие

уничтожающие, грозные меры были бы действительны перед Богом. Если это — открытое кощунство, очевидная, явная ересь, то это — другое дело: тогда Церковь вправе отсекал гнилой член, т.е. человека, отвергающего учение Церкви. Но если священник или мирянин правильно верит согласно учению Церкви, участвует в Святах Таинствах Церкви, и только скорбит о неправде, нанесенной или лично ему, или чистоте Церкви, и заявляет свою боль и несогласие с "политикой" церковных властей, то если те, для того, чтобы "свести с ним счеты", для того, чтобы заглушить крик его души, чтобы нравственно уничтожить его, — запрещают или отлучают его от Церкви или лишают его участия в Святах Таинствах и молитвах Церкви, — то это является противным заповеди любви, которая является исполнением всех канонов, а также — противно всему духу Христовой Церкви, и поэтому — незаконно и недействительно. "Теперь они (т.е. высшие церковные власти), — продолжал Савонарола, — только то и делают, что выносят каноны, законы и карательные меры. Апостолы никогда не нуждались в этих канолах. Почему? Да потому, что они горели любовью и милосердием к людям. Все богословие, все каноны и законы, все богослужение имеют только одну цель: ЛЮБОВЬ. Бог весь мир создал по любви. Всякий, поступающий противно любви, которая есть исполнение закона, да будет анафема! Если есть какие-либо законы, или какие-либо каноны, или соборы, которые говорили бы противное, да будут анафема! Некоторые говорят, что если бы даже отлучение от Церкви было и недействительно на небе, все же оно — действительно в Церкви земной. На это я скажу: мне довлеет, что я не отлучен от Христа".

Но что бы Савонарола ни говорил, был или не был прав — отлучение от Церкви было страшным, можно сказать, сокрушительным ударом для его дела. Если бы народ видел поддержку его со стороны папы, со стороны других монашеских орденов и даже монахов монастырей того же самого ордена, то его дело укрепилось бы. Даже если бы просто они были в стороне и не вмешивались в его дело! А так — отлученный от Церкви, отверженный другими монашескими общинами, терпящий насмешки, колкости и открытое поношение — он чувствовал, что теряет почву под ногами. "Ужели это грех — проповедовать? — взывал Савонарола в одной своей проповеди этого периода. — Разве это — преступление? Тот, кто отлучил меня от Церкви, если он так говорит, пусть

это скажет в лицо Евангелию! Скажите мне, чего они сейчас ищут, эти люди, которые, действуя ложными доносами, добились этого моего отлучения от Церкви? Они желают разрушить богоугодный образ жизни, который до сего времени процветал во Флоренции, и ликвидировать хороший образ правления, имеющий место в нашем городе. Они хотят широко открыть двери всякому виду порока. Не успело еще дойти до меня отлучение, как кабаки снова наполнились; греховные удовольствия вернулись в город; и всякий порок процветает. Богоугодная жизнь исчезла с лица земли”.

XIV

Чувство отчаяния объяло Савонаролу. Он написал папе письмо, в котором говорил: “Сын, скорбящий о том, что вызвал неудовольствие своего отца, горячо я прибегаю к Вашим стопам, умоляя Ваше Святейшество наконец внять моим воплям и слезам... К кому же мне и прибегнуть, как не к Пастырю?” Однако, чувство, я бы сказал, не гордости — потому что Савонарола был смиренным человеком, — а чувство незаслуженной обиды, вызывающей горькое чувство к обидчику, который при том, что глубоко обидел его, еще требовал от него покаяния, не позволяло ему обратиться с формальным покаянным прошением к папе. Лицемерно же каяться в вине, которую он не сознавал за собою, он не мог. Ах, если бы в это время папа великодушно протянул ему руку примирения!

На праздник Всех Святых Савонарола произнес проповедь, которая была издана сразу же после его смерти в сопровождении гравюр, отвечающих смыслу этой проповеди. Это известная его проповедь “Об искусстве хорошо умирать”. Смерть — мера жизни и руководительница ее. Смерть — это торжественный итог нашей жизни. Это, именно, — то время, когда диавол ведет свою высшую битву с нашей душой. Он как бы играет в шахматы с человеком во время всей его земной жизни, и ожидает прихода смерти, чтобы дать человеку мат. Выиграть этот ход — означает выиграть битву за жизнь. Потерять же этот ход — означает потерять все. О, братья моя, мы живем в мире только для того, чтобы научиться, как умирать! — На всю жизнь, на все вещи, на все свои обязательства надо смотреть через “очки смерти”, т.е. всегда иметь в виду смерть, и тогда все представляется в истинном свете. Где знатный, где

простолюдин, где богатый, где молодой, где сильный, где красивый? — Нет их уже и следа: и все только прах и пепел. Только одно имеет значение в жизни — приобрести к себе милость Божию и получить от Него прощение грехов. Жизнь наша — это нереальность. Единственная реальность — это Рай. Искусство хорошо умирать и вводит нас в Рай...

На Рождество 1497 года Савонарола публично служил, причащался и причащал, и возглавил торжественный крестный ход. Конечно, он глубоко переживал праздник и хотел участвовать в нем всей душой, но это было понятно, как открытый вызов папе, и это не послужило на пользу Савонароле, поскольку ряд его сторонников, не желая открыто быть во вражде с папой, теперь отошли от него. Но Синьория все еще робко поддерживала его, и на праздник Богоявления члены правительства явились в Сан Марко, по установившейся традиции, чтобы принести игумену сего знаменитого монастыря свои поздравления с праздником и поцеловать его руку. Через своего посла в Ватикане, они просили папу снять с Савонаролы анафему. Но папа — бывший испанский дворянин — не был таким человеком, который мог легко простить своего личного обидчика, каковым в его глазах представлялся Савонарола. Во время аудиенции, данной флорентийскому посланнику, когда тот обратился к папе с просьбой о снятии анафемы с Савонаролы, папа, покраснев от гнева, прервал речь посланника и, встав и уходя в свои покои, заявил: “Пусть фра Джироламо (Савонарола) вам и дальше проповедует! Я никогда не мог бы поверить, что вы так поступите в отношении меня!” Флорентийцы сделали еще раз попытку смягчить папу по отношению к Савонароле. Но он дал им понять, что не только об этом не может быть и речи, но — и что следующим его шагом будет наложение интердикта (отлучение от Церкви) на всю Флоренцию. “Ни турки, ни неверные не потерпели бы такой обиды, какой подвергаюсь я”, — с гневом и скорбью заметил он флорентийскому посланнику. На следующий день папа направил Синьории свой ультиматум. Как опытный политик, он знал, что проиграть не может. Французский король Карл VIII, поддерживающий Савонаролу, уже совершенно отказался от мысли идти военным походом на Италию. Синьория, хотя еще и находилась под некоторым обаянием Савонаролы, ясно видела, что недовольство папы действительно угрожает благополучию Флоренции, а может быть и большему, чем только благоденствие. И в самом

правительстве, и в среде горожан число сторонников Савонаролы упало, а число врагов возросло. Все это папа знал, как знал — и в какое время направить Флоренции свой ультиматум. Папа, называя Савонаролу “этот сын беззакония”, повелевает флорентийским властям арестовать его и выслать к нему, или, по крайней мере, заключить его в такое место, где бы он был совершенно изолирован от общения с кем-либо. “Но если эти распоряжения не будут исполнены, — пишет папа, — и вы будете продолжать поддерживать этого человека, сына погибели и публично отлученного от Церкви и подозреваемого в ереси, то мы наложим на ваш город интердикт или даже предпримем в отношении вас более строгие меры”. Письмо это было написано на масленицу 1498 года.

В воскресенье масленичной недели, последней масленицы в его жизни, Савонарола в своей проповеди опять говорил о постигшем его отлучении от Церкви. “Законы Церкви, — говорил он, — созданы были для блага; поэтому они должны быть в согласии с разумностью и любовью”. — “Но, отче, если все отвернулись от тебя, что ты будешь делать? — Я буду твердо стоять на моей позиции: потому что мое учение — это есть учение о доброй христианской нравственности, и поэтому оно — от Бога”. — “Но, отче (продолжает Савонарола как бы беседу с самим собой или своим оппонентом), каноны утверждают, что, если отлучение и вынесено несправедливо, все же его следует уважать ради авторитета Церкви, во избежание соблазна для верующих. — Совершенно верно, но это — когда вас отлучают за какой-нибудь тяжкий, греховный поступок, который все уверены, что вы действительно совершили, хотя на самом деле вы не виновны в нем; вот тогда вы обязаны покориться для того, чтобы не давать соблазна людям, будто вы считаете, что человек может совершать какие угодно грехи и при этом совершенно не считаться с законами Церкви. Но когда ваша невиновность очевидна для всего мира — как дело обстоит в моем случае, — почему следует бояться, что я приношу кому-нибудь соблазн? Но вот для примера: если бы вы были под запрещением, а какой-нибудь человек был при смерти, и никакого иного священника не было бы при этом, и он умолял бы вас причастить его, неужели вы бы отказались дать ему св. Причастие? Я считаю, что вы были бы обязаны причастить его. Потому что каноны (законы Церкви) не могут идти против заповеди Любви”. Савонарола, однако, чувствовал, что все эти рассуждения, хотя и скрепленные железной

логикой в духе рассуждений Аристотеля и Аквината, — рассуждения, может быть, не столько для других, сколько для успокоения своей совести, — не успокаивали боль его истерзанной души, несущей на себе, пусть и обидно незаслуженно, такое тяжкое и, можно сказать, невыносимое наказание Церкви. Поэтому, в продолжение этой же своей проповеди, он взмолился к Божьему Суду: “Я предлагаю, чтобы на масленице мы все предались усердной молитве. Я буду служить литургию и возьму в руки св. Причастие; и пусть каждый вознесет молитву о том, что если все это — мое измышление и я нахожусь в прелести, то пусть тогда Христос ниспошлет огонь с неба, чтобы тот поглотил меня в ад... Напишите об этом во все концы и пошлите конных курьеров в Рим, моля, чтобы если все это (мое дело) — не с неба, то тогда пусть гибель обрушится на мою голову”. Спустя два дня, во время службы, Савонарола поднял св. Дары и воззвал: “Господи, если это Твое дело я не выполняю со всей искренностью моего сердца, если то, что я говорю, не внушено мне Тобою, пусть в это мгновение я буду поражен смертью!”

Торжественно, как никогда еще до сих пор, была отпразднована масленица и произведено “сожжение предметов суеты”, вместе с которыми были преданы сожжению и изображения Люцифера и семи смертных грехов. Пятитысячная процессия мальчиков, в белых стихарях, сопровождаемая монахами в облачениях и провожаемая гражданами и властями города, проходила по улицам, воспевая священные гимны и часто восклицая: “Слава Христу, Царю нашему!” В ответ на их приветствия они отовсюду получали тот же радостный привет. Горожане, собираясь на главной площади города (Пиацца делла Синьория), пели священные песни и вели хороводы. Праздник, по своему происхождению языческий, сопровождавшийся раньше хулиганством, пьянством и непотребствами, Савонарола, как мы и раньше это говорили, сделал радостным христианским праздником, радостью встречи спасительного для души времени Великого Поста. Едва ли тогда кто из участников празднования масленицы 1498 года предполагал, что такой масленицы уже никогда не будет в дальнейшей истории Флоренции, а также, что вскоре Флоренция и весь мир потеряют Савонаролу навсегда.

В начале Великого Поста 1498 г. у Савонаролы уже не осталось никаких иллюзий в том, что дело, которому он отдал свою жизнь, быстро идет к концу. Реформы, проведенные им во Флоренции с таким трудом и с таким вдохновением, не привели к действительному улучшению нравов, а породили лицемерие, дочь добродетели по принуждению. Картина рая на земле начала быстро бледнеть. Он видел, что работа одного человека на ниве обновления христианского общества обречена на гибель. А тем более, если этот человек не только не пользуется поддержкой Церкви, но еще и гоним ею. Единственное, что может спасти Церковь и христианское общество от потрясений и бед, это всехристианское, внутреннее обновление духа. Такую гигантскую работу может провести только Вселенский Собор. Таковой собор имел бы, по мнению Савонаролы, оправдать и деятельность его самого и снять с него отлучение от Церкви, наложенное папой Александром VI.

Поскольку Синьория, во избежание конфликта с папой, запретила Савонароле проповедовать в кафедральном соборе и иных храмах Флоренции, то он проповедовал в своем монастыре и объяснял значение Вселенского Собора. Народ стекался в монастырь, чтобы послушать Савонаролу. "Скажи мне, Флоренция, что такое Вселенский Собор? — Люди даже забыли значение сего. Как же это могло случиться, что люди даже ничего и не слышали о Вселенских Соборах? Почему в наши дни соборы вообще не собираются? — Я скажу вам, что "Вселенский Собор" обозначает — собрание в одно всей Церкви. Но будьте уверены, что без присутствия в ней Св. Духа Церковь вообще как таковая не существует. В наши дни, где нам теперь искать Святого Духа? Может быть, Он присутствует в некоем смиренном, малом человеке. Поскольку дело обстоит таким образом, вы не можете сказать, что собор не мог бы состояться".

Синьория вынесла решение о запрещении Савонароле всякой проповеднической деятельности, в том числе в своем монастыре. В своей последней проповеди на земле, произнесенной в монастыре Сан Марко, он говорил: "Я знал, что я вступаю в открытое море, и верил, что возмogu его пересечь. Если бы тогда, в начале моего пути, я мог предвидеть, что меня ожидает, то, возможно, я уклонился бы от этого плаванья. Сколько я перенес! Всякий издевался

надо мной. Я стал посмешищем для всего мира. Меня называют "идиотом", "сумасшедшим", потому что я только то и делаю, что призываю каждого к покаянию и предвещаю бедствия, если люди не покаются и не исправят путей своей жизни. Весь мир смеется надо мной, и я нахожусь в бесчестии у всех. Иногда мне приходила мысль, когда я сходил с кафедры: не лучше ли было бы мне больше не говорить и не проповедовать, а оставить все и предоставить это Богу? Но когда бы я ни восходил на кафедру, я не мог сдержаться себя. Я не мог поступить иначе. Говорить Господни слова было пылающим огнем в моих костях и в моем сердце. Это было невыносимо. Я не мог иначе поступить. Я должен был проповедовать. Я горел. Я пылал Духом Господним... Вчера вечером, в три часа по заходе солнца, ко мне пришел представитель правящей партии и сообщил мне, что по ряду причин желательно было бы, чтобы я совсем прекратил свои проповеди. Я спросил его: является ли это требованием его владык? И когда он ответил: "Да", — я ему сказал: "И я должен посоветоваться с моим Владыкой, Господом Христом. Завтра я дам вам мой ответ". — "Теперь и здесь я даю мой ответ. Мой Владыка даровал по вашему требованию и в то же время не даровал вам сего. Даровано по вашим требованиям то, что касается прекращения моих проповедей; но не даровано — насколько касается вашего спасения. Мои уста сомкнулись для проповеди, призывающей вас к спасению, но моя душа и сердце не прекратят безмолвно молиться о спасении ваших душ, чада. Наши молитвы возместят то, что будет потеряно вследствие прекращения нашей проповеди. Мы умоляем всех добрых людей объединиться с нами в сих молитвах. О, Господи, я умоляю Тебя и молюсь за них: не отлагай более исполнения Твоих обещаний!"

После того, как Савонароле было запрещено проповедовать, он с горечью стал подписывать свои письма: "Ненужный раб Иисуса Христа".

С великой горечью он тут же написал свое последнее письмо папе: "Я всегда предполагал, что долг каждого христианина защищать веру и трудиться для процветания нравственности. Но в исполнении этого труда я встретил только огорчения и неприятности. Я не нашел никого, кто бы меня поддержал и помог. Я возлагал надежду на Ваше Святейшество. Но, вместо поддержки, Вы обернулись против меня и дали власть свирепым волкам наброситься на меня со всей жестокостью... Я больше не могу надеяться на

Ваше Святейшество, но должен прибегнуть к Единому Тому, Кто избирает немощное сего мира для противодействия сильным. Что касается лично меня, то я не ишу славы сего мира. Я ожидаю только смерти и хочу умереть. Ваше Святейшество, Вы хорошо сделаете, если не будете отлагать заботы о спасении Вашей души". Какое правдивое и доброе письмо! Справедливо замечает один из жизнеописателей Савонаролы, что Савонарола опять сделал ошибку тем, что был прав, а этого власти часто не прощают.

Затем Савонарола направил письма западным государям, призывая их собрать Вселенский Собор, как это бывало прежде в истории, когда византийский царь собирал Вселенские Соборы. Возможно, что этот поступок Савонаролы, принесший ему затем столько страданий, был вызван отчаянием. Если бы Савонарола хладнокровно взвесил положение, он увидел бы, что не только подвергает себя в прямом смысле смертельной опасности, но и замышляет дело совершенно неосуществимое. В то время собрать Вселенский Собор было и некому, и негде. Власти западных государств равнодушно смотрели на беззакония, происходящие в Церкви, потому что и сами жили не по-христиански, поэтому и в отношении других преобладало "laissez faire". Позднее, на суде над ним, Савонарола признал, что и сам имел сомнения в возможности созыва Вселенского Собора.

Одно из писем Савонаролы, посланных западным государям, было украдено шпионом и доставлено миланскому герцогу Людовико Сфорца, который немедленно доставил его папе Александру VI через своего брата, кардинала Аскония. Теперь ничто не могло спасти Савонаролу. Даже до сих пор оказывавшие ему покровительство церковные сановники отступились от него. В их очах он представился преступником, который готов произвести раскол в Церкви. Это обвинение, как самое тяжкое из всех иных, было выдвинуто против Савонаролы его судьями, прибывшими из Рима. Это же обвинение мы найдем и во всех сочинениях, так или иначе критически настроенных в отношении Савонаролы; и это относится и к древним, и к современным богословам (включая Пастора, Лукаса, Э. Феррару и Горжа, в его статье о Савонароле в 14-м томе, ч.1 в *Dictionnaire de Théologie Catholique*). Но что мне кажется недостаточно отмечено даже и апологетами Савонаролы, это то, что он указал единственный правильный путь для Церкви; путь, который всегда был известен восточной православной Церкви

и забыт в римской Церкви, где соборное, апостольское начало было вытеснено папизмом, сначала в силу политического захвата власти во всей западной Церкви со стороны пап, а затем созданием особой догматической подкладки для сего, которая в лице папы сосредоточила понятие Церкви, а посему сделала фактически бессмысленными созывы Вселенских Соборов. Вот Савонарола, как весьма крупный богослов, и указывал на возвращение к традиции православной Церкви. Реформы были необходимы, и время не позволяло ждать. Отдельные митрополиты, сознавая необходимость реформ, созывали поместные соборы и выносили мудрые решения; но общей жизни Церкви это не коснулось. Единственное, что еще могло спасти западную Церковь от грядущих в самом ближайшем времени потрясений и отторжения от нее огромной части, это — немедленный созыв Вселенского Собора, который бы обновил дух Церкви и воскресил прежнее благочестие и среди духовенства, и в обществе. На это и указывал Савонарола, но к его голосу не прислушались и даже уничтожили его. Но таковая же судьба была почти и всех пророков: на их призывы, на внушенные Богом слова не откликались, а самих их в большинстве случаев уничтожали.

Итак, те единичные сановники Церкви, которые покровительствовали до сего времени Савонароле, теперь отреклись от него, не желая оказаться в прямом конфликте с папой Александром VI. Отреклась от него и Синьория по политическим и финансовым мотивам. Сохранились протоколы заседания Синьории, когда члены правительства собрались для обсуждения дальнейших действий в связи с получением письма от папы, в котором тот угрожал наложить интердикт на всю Флоренцию, если правительство не предпримет мер против Савонаролы. Прежде всего устрашились угрозы папы торговцы. Один из членов правительства заявил: "Я торгую по всей Италии. Если на нас будет наложен интердикт, я разорюсь". Выразалось сомнение и в общей правоте Савонаролы: "Даже порядочный человек может заблуждаться, — заметил некто, — и принимать свои фантазии за пророческий дух". — "Он может создать некую новую секту "фратричеллей", горький опыт чего мы недавно испытали", — выразило сомнение одно лицо, находящееся в составе Синьории. — "Это правда, что Савонарола — прекрасный проповедник. Но никто не лишится рая за услышанную проповедь", — заметило еще одно лицо. И, наконец,

члены правительства приняли в соображение и тот факт, что если папа не окажет поддержки Флоренции, ей будет невозможно вернуть Пизу под свою власть, что было бы существенным уроном для страны. Поэтому Синьория решила, не принимая крутых мер против Савонаролы, в то же время удовлетворить требование папы, и вынесла решение о запрещении Савонароле отселе выступать с проповедью, о чем мы выше говорили.

XVI

Такое неопределенное положение, может быть, тянулось бы еще долго. Савонарола мирно пребывал в монастыре, где заканчивал свое прекрасное произведение "О торжестве Креста Господня"; он не имел намерения нарушать запрещения ему проповедовать. Но события ускорились вследствие провокации со стороны францисканцев. Савонарола понял провокацию, но не мог уберечься от нее вследствие горячности своих сотрудников. Дело в том, что францисканцы с большой ревностью относились к тому факту, что монах другого ордена — в данном случае, доминиканского, — до такой степени возобладали над умами граждан, что сами они потеряли популярность, а с этим вместе и материальные блага, которые имели прежде. И вот, видя уже сильно уязвленное положение Савонаролы, один из них — фра Франческо из Пулии — предложил, чтобы было произведено "испытание огнем", некий "Божий Суд", имевший место в далекие средние века, который бы показал правоту, или же, наоборот, неправоту Савонаролы. Именно: пусть Савонарола или же его заместитель, фра Доменико, войдет в пылающий костер в доказательство правоты того учения, которого они держатся; вместе с ними войдет в костер и францисканский монах, оспаривающий их правоту; тот, кто выйдет из огня невредимым, тот и прав; в известной мере их судьбу разделят и их монашеские общины, имеющие свое пребывание во Флоренции. Победивший орден останется во Флоренции, побежденный — будет изгнан за пределы ее. Савонарола не желал иметь ничего общего с таким странным делом. Но было поздно: фра Доменико, его ближайший сотрудник, уже принял вызов от имени Сан Марко, а общественность стала требовать устроения сего

столь необычайного зрелища. Синьория даже уже назначила комиссию, которой вменялось следить за тем, чтобы обе партии "играли честно". Как впоследствии обнаружилось, все дело заключалось в том, что кампаньячи устроили ловушку Савонароле, с одобрения некоторых членов Синьории; францисканский монах фра Франческо был заверен, что ему не придется рисковать своей жизнью и стать пищей для огня, потому что фактически все дело "испытания огнем" будет лишь фарсом. Разочарование же толпы, которая будет ожидать от Савонаролы чуда и не получит его, выльется, при умелом разжигании толпы со стороны кампаньячи, в гнев против Савонаролы и его последователей, и этот слепой народный гнев приведет его к гибели. Доминиканцы же, не взвесив положения, приняли все дело за чистую монету и вспыхнули ревнием, и Савонарола, который как-то уже ослабел духом от переживаемых им скорбей, не мог удержать их от неблагоприятного шага, на который толкали доминиканцев провокаторы. Братия Сан Марко написала папе коллективное письмо, говоря, что все они, каждый из них, готовы пойти на огненное испытание в подтверждение правоты своего игумена; и при этом сообщали папе, что их готовность разделяют и многие миряне, готовые сами и вместе со своими женами и детьми подъять огненное испытание. Никакого ответа от папы не пришло.

Синьория же составила правила для проведения "испытания огнем" и как дату для сего определила Вербную Субботу, 7 апреля. Но, по-видимому, как сам Савонарола, как Ватикан, так и Синьория полагали, что все это чудовищное дело в конце концов не состоится.

Неожиданно для Савонаролы все дело приняло для него самый губительный поворот, какой только может быть у любого дела: именно — оно стало предметом насмешки и забавы для властей и для толпы. Пафос жертвенности, готовности идти — в буквальном смысле слова — в огонь за святое дело, ожидание явного Божьего чуда, — все это вдруг свелось к какой-то народной забаве и балагану. Этого-то и хотели достичь враги Савонаролы. И в своей честности, которой иногда сопутствует житейская неопытность и несколько наивная вера в честность других людей, он просмотрел ловушку, и попался в нее. Известны взгляды даже членов Синьории на все это дело. "К чему, — говорил один из них, — это "испытание огнем"? Пусть обе спорящие стороны просто-

напросто переплывут Арно с одного берега на другой (Арно, как известно, совсем узкая и спокойная река, протекающая во Флоренции); и тот, кто в буквальном смысле слова выйдет из воды сухим, тот и победитель". Другое лицо заметило, что "наши предки покраснели бы от стыда, что такое глупое дело даже является предметом рассмотрения магистрата: ведь теперь не дикие, темные средние века, а — просвещенный XV век! Флоренция делает себя посмешищем для всего мира!" Третье лицо заметило: "Странное дело, что человек, готовый пойти на то, чтобы рискнуть погибнуть в огне, проявляет слабонервность в том, что боится отправиться в Рим". Конечно, имелась в виду боязнь (как это понималось ими) Савонаролы отправиться к папе Александру.

Итак, "огненное испытание" было назначено на 7 апреля и должно было состояться на Площади Синьории. В этот день, уже с раннего утра, на площади собралась несметная толпа посмотреть на зрелище. Синьория разместила вооруженную стражу во избежание столкновений между сторонниками Савонаролы и его противниками. Доминиканцы, приготовившие себя для сего дела длительным постом и говением, с торжественностью, в преднесении креста, явились на площадь. Фра Доменико, приготовившийся идти в огонь в подтверждение правоты своего учителя, был в золотом облачении. Савонарола нес в руках св. Причастие. Последний факт был ему поставлен в вину на суде над ним, как "профанация св. Причастия". Доминиканцы совершили на площади длительное моление. Францисканцы явились с опозданием и пришли в самых простых одеждах, без предношения креста и святынь и без всякой помпы, чем вызвали гласное неодобрение толпы. Дело в том, что францисканцы прекрасно знали, что все это — игра, которая ни к чему не приведет; никакого "Божьего Суда" не состоится, и зная это, не хотели кощунствовать над святынями. Проходили часы. Раздражение и нетерпение толпы стало возрастать. Францисканцы и доминиканцы то появлялись, то снова исчезали в Palazzo Vecchio. Между ними велся спор о том, как войти в огонь. Францисканцы требовали, чтобы фра Доменико вошел в огонь, сняв с себя священное облачение, потому что, может быть, это облачение заговорено от огня. Доминиканцы согласились на это требование; затем францисканцы потребовали, чтобы он при этом не нес в руках крест. И на это доминиканцы согласились. В спорах протекали часы. Фра Доменико желал войти

в огонь, имея в руках частицу св. Причастия. Францисканцы опротестовали это. Доминиканцы не уступали, указывая на то, что человек, идущий за свои убеждения в огонь, не должен быть лишен права иметь в руках Тело Христово или крест; потому что именно с верой в Господа Христа он подвергает себя смертельной опасности. Францисканцы, однако, требовали, чтобы фра Доменико не имел в руках Причастия, когда пойдет в огонь. Доминиканцы отказывались исполнить это требование. В толпу, уже раздосадованную вследствие долгого бесплодного ожидания, был умело пущен слух, что, вследствие упрямства доминиканцев, дело "испытания огнем" зашло в тупик; доминиканцы выдумывают предлоги, чтобы избежать "Божьего Суда", поскольку могла бы обнаружиться их неправота. Безусловно, в этом не было правды, но кому это важно? Клевета всегда бывает успешна. Синьория, как свидетельствует очевидец событий, "по многим и очевидным причинам" была на стороне францисканцев, хотя по своему положению еще соблюдала внешний нейтралитет. Время тянулось в спорах, и уже наступал вечер. Неожиданно пошел сильный дождь: толпа вымокла, и было очевидно, что намокшие дрова и солома, приготовленные для "испытания огнем", легко не загорятся. "Божий Суд" не состоялся. Толпа была разочарована и разгневана на доминиканцев: ведь все дело заключалось в испытании их правоты, в некоем явном экзамене, и они не подтвердили свою правоту путем явного указания Божия через "испытание огнем". Брат Доменико не желал пойти на то, чтобы войти в огонь, не имея в руках св. Причастия, как этого требовали францисканцы; следовательно, "огненное испытание" сорвали Савонарола и его монахи. Никто и не знал тогда, что францисканцы не были готовы на какое-либо огненное испытание, а, что называется, "разыгрывали комедию", и все время бы только то делали, что ставили требования и свои условия доминиканцам и в конце концов умело бы свели все дело на нет. Немецкий ученый Шнитцер, в своем труде по вопросу "огненного испытания", назначенного на 7 апреля 1498г., доказал, что все дело было спровоцировано францисканцами и правительственными агентами, для того, чтобы совершенно подорвать авторитет Савонаролы, что им и удалось вполне. С бесчестьем, провожаемые поношениями и оскорблениями со стороны толпы и при защите их воинской стражей, приставленной Синьорией, Савонарола со своей братией вернулись

в Сан Марко и заперлись внутри могучих стен своего монастыря. Казалось, все благополучно кончилось. На самом же деле ничего не должно было благополучно кончаться по планам врагов Савонаролы. Оно и не кончилось благополучно, и трагедия разыгралась на следующий же день.

XVII

На следующий день, в Вербное Воскресение 1498 г., Савонарола, в кратком слове своим монахам, возвестил, что наступает буря, но он готов пожертвовать своей жизнью для блага своей паствы.

Доминиканцам следовало бы на время совершенно уклониться от общественной жизни и уйти в свой монастырь, пока буря уляжется. Но либо Савонарола совершенно растерялся, либо уже выпустил бразды правления в монастыре — и более неопытные и горячие головы среди его многочисленной братии взяли верх. И уже в этот же день один из числа братьев Сан Марко выступил с проповедью в кафедральном соборе Флоренции. Была ли это неудачная попытка реабилитировать себя после публичного позора, который умело навлекли на их головы их враги в связи с провалом "испытания огнем", или же это было просто желание представить, что "ничего не случилось" и жизнь нормально течет дальше и в ней по-прежнему братья Сан Марко намерены играть видную роль. На самом же деле положение далеко не было благополучным для них. Фра Иероним Савонарола, их игумен, был не только отлучен от Церкви Святейшим Престолом и об этом кричали всюду и везде его недоброжелатели, но и, по постановлению Синьории, был под запретом выступать где-либо с проповедью. После провала "испытания огнем" и вся его братия подверглась бесчестиям и оскорблениям толпы. Поэтому на следующий же день после сего выступать с проповедью в общественном месте, и то — в кафедральном соборе города, было верхом неосторожности. И действительно, проповедь была сорвана страшным скандалом, устроенным кампаньячи. В церкви произошла драка между сторонниками Савонаролы и его противниками; в храме началась паника; все бросились к выходу, и, по выражению

очевидца событий, "блажен был тот, кто нашел двери". Беспорядки продолжались и на улице. Монахов забрасывали камнями — "излюбленный спорт" флорентийской молодежи. Два безобидных почитателя Савонаролы были тут же убиты толпой. Толпа, предводительствуемая и разжигаемая кампаньячи, с криками "На Сан Марко!" — устремилась, чтобы взять штурмом и разорить монастырь Савонаролы. Стены монастыря были настолько толсты, что пробиться в монастырь через стены было невозможно; другое дело — ворота, ведущие в монастырь — они были сделаны из массивного старого дерева, и осаждающие развели костры у самых ворот, чтобы огонь лизал их и постепенно разрушал дерево; однако такой процесс занимал несколько часов. Если бы в Сан Марко следовали указаниям Савонаролы, то, возможно, все дело на этом и закончилось бы и страсти улеглись: итальянцы — люди горячие и вспыльчивые, но и отходчивые и способные к пленяющему радушию и доброте. Итак, если бы в Сан Марко братия в этот момент оказала полное послушание своему игумену, возможно, дальнейшей трагедии не последовало бы. Но дело от него уже не зависело. В монастыре оказались припрятанные мушкеты, латы, шлемы, алебарды, порох и даже два небольших орудия. Конечно, Савонарола об этом не знал и никогда бы не одобрил нахождения в монастыре оружия: судебное следствие над Савонаролой впоследствии подтвердило его невиновность в этом. Оружием Савонаролы было лишь Слово Божие и Правда... Его уже не слушались: монахи, одетые в латы поверх ряса и с шлемами на головах, размахивая алебардами, с криком "Viva Cristo!" сделали вылазку из монастыря и сцепились в рукопашном бою с врагами на монастырской площади. Ни Савонарола, ни фра Доменико не принимали участия в этом безумии. В это время к дверям монастыря прибыл представитель Синьории с требованием, чтобы все сложили оружие и Савонарола предал себя в руки властей. Услышав это, Савонарола, держа в руках крест, желал немедленно выйти из монастыря и отдать себя представителю власти, говоря: "Из-за меня произошло это волнение. Дайте мне выйти и встретить мою судьбу". Но братия воспрепятствовала сему, боясь, что как только он выйдет, его тут же разорвут на куски. Тогда, вместе с остальной братией, в процессии, он удалился в храм обители для усердной молитвы. Между тем, в городе уже лилась кровь: был убит вместе со своей семьей горячий

сторонник Савонаролы Валори; были разграблены дома и иных его почитателей. Власть взялись за оружие, но не для того, чтобы восстановить порядок и мир, а для того, чтобы покарать Савонаролу и его сотрудников. Монастырь был осажден теперь чернью и солдатней. У дверей монастыря снова был разожжен костер. (Эти опаленные огнем ворота монастыря и теперь можно видеть при входе в Сан Марко). Было ясно, что через несколько часов толпа ворвется в монастырь. Монастырский колокол тяжело и тревожно бил набат, как бы взывая о неправде и моля о помощи, которой в действительности неоткуда было ждать. Черная ночь была освещена факелами осаждавших обитель и заревом костров, медленно разрушающих ворота. Это была страшная ночь: насыщенная жаждой крови, ночь, полная греха и затмения Божьего образа в людях.

Неся св. Причастие, Савонарола вместе с братией вошел в храм обители, где они заперлись. Здесь в течение нескольких часов братия усердно молилась вместе со своим игуменом. Один из молодых монахов заявил об общей готовности умереть вместе со своим настоятелем. "Сегодня, — заявил он, — мы все будем на Вечери Господней". Он ошибся: все они очень скоро отреклись от него, за исключением лишь верного ему от начала до конца фра Доменико.

"В этот ответственный момент в жизни этого человека, он дал почувствовать последующим поколениям, что, несмотря на свои ошибки и крайности, он стоял за ценности — абсолютные и неразрушимые, как свидетель и мученик за Истину и Добро", — говорит Ле Бедуар о Савонароле в эти часы его жизни.

Но вот, толпа ворвалась в храм обители. Один из числа братьев, немец, вместе с другими монахами, возможно также немецкого происхождения, схватили мушкеты и стали стрелять в нападавших, которые также открыли огонь. Савонарола с глубокой скорбью видел, что он не в силах удержать этих воинов-монахов, и строго заповедал остальным, еще послушным ему, не следовать их примеру, и увел их в монастырскую библиотеку, здание, пока не пострадавшее от осаждавших обитель. К этому времени прибыл письменный приказ от Синьории об аресте Савонаролы и его двух ближайших сотрудников: фра Доменико и фра Сильвестро, с повелением немедленно доставить их в городское управление. В то время, как проверялась подлинность сего документа (т.е. не

было ли это только уловкой врагов, желавших, чтобы Савонарола вышел из монастыря, дабы тут же его убить), Савонарола в последний раз обратился ко всей братии: "Пред лицом Божиим и в присутствии Святых Таин, я подтверждаю, что то, что я говорю, я получил от Бога, и Бог на небесах мне Свидетель, что я говорю правду. Я не ожидал, что так скоро город восстанет на меня. Но да будет воля Божья! Мое последнее наставление вам следующее: вера, терпение и молитва — вот ваше оружие. В томлении сердца и в печали я оставляю вас, дабы предать себя в руки врагов наших. Не знаю: возьмут ли они от меня жизнь? Но я уверен, что, в случае моей смерти, я возмогу вам на небе больше помочь, чем я имел возможность это сделать во время моей жизни. Не уstraшайте: возьмите ваш крест, и вы найдете спасительную пристань". Затем Савонарола исповедался и принял святое Причастие из рук фра Доменико, потому что уже давно прошла полночь и наступил другой день.

Толпа уже буйствовала в монастыре, и только здесь, несмотря на всю горькую печаль, царила благодатная и скорбная тишина, так напоминающая Тайную Вечерю. Между тем, поскольку думалось, что подтверждение об аресте Савонаролы еще не пришло, его друзья начали убеждать его бежать, пока еще для этого была возможность. Савонарола колебался. В это время раздался голос молодого монаха, фра Малятесты Сакраморы, у которого неудача с делом "испытания огнем" произвела горечь в сердце на Савонаролу. Среди общего молчания он обратился к Савонароле с вопросом: "Ужели Пастырь не должен полагать душу свою за своих овец?" — Савонарола посмотрел на него долгим взглядом, и ничего не ответил. Затем он подошел к нему и поцеловал его. На это фра Малятеста протянул ему подтверждение приказа об аресте, который был вручен ему перед этим одним из представителей правительства. Монахи собрались вокруг Савонаролы: каждого из них он обнял и поцеловал на прощание, и, выходя к стражникам, ожидавшим его у дверей, повторил, что дело Божье продолжится, и его смерть только ускорит это дело.

Когда Савонаролу и фра Доменико (фра Сильвестро скрылся, и его нашли позднее при обыске монастыря), с крепко связанными позади руками, как каких-то злодеев, вывели из монастыря, братия, бывшая в монастыре, услышала такой шум и крик, что была уверена, что они тут же были убиты толпой. Их швыряли

из стороны в сторону, били, плевали на них, совали в лица горящие факелы. Солдаты своими щитами и мечами как-то защищали их. Из толпы, издевавшейся, бившей и плевавшей на Савонаролу, слышались выкрики: "Теперь время — повернуть ключ (Церкви)", и: "Прорцы, кто это ударил тебя". (Эта фраза, взятая непосредственно из евангельского повествования о Страстях Господних, едва ли могла принадлежать христианину). Савонарола, который всю свою жизнь желал управить по стопам Христа, получил и великую честь страдать и умирать по Его же стопам.

Когда Савонарола уже был доведен до Палаццо Веккио, некий человек с силой ударил его ногой пониже спины, с издевательством крича: "Вот откуда происходят его пророчества!" Думал ли этот маленький человек, что этим своим поступком он войдет в историю страдания сего великого человека?

Савонарола и фра Доменико были брошены в разные камеры тюрьмы. Это было перед рассветом в Великий Понедельник 1498г.: начало Страстной Седмицы было началом страданий Савонаролы.

(окончание следует)

С.Л. ФРАНК (1877-1951)

ПРЕДСМЕРТНОЕ * Воспоминания и мысли

Приближаясь к концу шестого десятилетия моей жизни и остро чувствуя близость смерти, я испытываю потребность обозреть свою духовную жизнь, подвести некоторый итог своему "духовному хозяйству" и вместе с тем оставить своим близким некоторую более живую память о себе. Что касается этого последнего желания, то ему, правда, противостоит иное, тоже очень живое чувство: чувство вседостигающего и всепоглощающего характера в времени — того непостижимого потока, который уносит все земное в бездну забвения. Перед лицом вечности — один год, 10 лет, 1000 лет и миллион лет есть одно и то же; здесь исчезает всякое различие между близким и отдаленным, даже "бесконечно" отдаленным будущим. Столетия и тысячелетия мелькают так же быстро, как дни и годы. Самое отдаленное будущее непременно и неукоснительно когда-нибудь наступит — станет настоящим; — и поэтому духу, способному оторваться от чувственной навязчивости того настоящего, которое есть именно теперь, в данный момент — или, вернее, которое именно теперь пронесется мимо нас — самое отдаленное будущее так же осязательно очевидно в неизбежности его наступления, его превращения в настоящее и прошлое, как завтрашний день. Если бы мы знали, что какая-нибудь историческая или космическая катастрофа завтра сметет с лица земли не только нас, но и всякую память о нас, — стали ли бы мы заботиться о том, чтобы оставить по себе воспоминания после смерти? Но ведь через 100, 300 или 500 лет все равно всякая живая память о нас изгладится. Поэтому для зрячего сознания, не скованного чувственной реальностью настоящего, желание оставить память о себе есть бессмысленное чувство. Но с этим конкурирует и обратное сознание. Наш дух, как

* Печатается по машинописной копии с автографа, сделанной Виктором Семеновичем Франком (1909-1972). Ему же принадлежат примечания к библиографии. Машинопись хранится у Василия Семеновича Франка (Мюнхен), любезно предоставившего "Вестнику РХД." право на ее опубликование.

конкретное существо, осуществляет свою сверхвременную сущность только во времени, связан с историей, определен моментом своего бытия в историческом целом. Понять самого себя — значит понять свое прошлое, свое возникновение и развитие, свою связь с прошлым, с предшественниками и предками. Но эта конкретная жизнь каждого из нас есть жизнь предшественника и предка для следующих за нами поколений. Духовный лик каждого человека — даже самого ничтожного или малозначительного — будучи образом Божиим, отражением Вечного в слабом и шатком временном подобию, имеет свою ценность, и очень значительную, для других людей. Если смерть, как возвращение к Богу, с одной стороны, есть отрыв от всего земного, "бегство одинокого к одинокому" (*φυγή τοῦ μόνου πρὸς τοῦ μόνου*) — то, с другой стороны, чувство смерти и приближает нас к другим, к близким и ближним, и чувствуешь потребность, в меру возможности, одолеть смерть любовью, ощутить себя нераздельной частью великой цепи живых существ, соприкасающихся с тобой во времени — прошлым и будущим. И для самого себя, и для других хочется себя как-то все же "завечевить" — свою индивидуальную жизнь не отрывать от общей жизни, а, напротив, воспринимать и иметь в ней. Это значит: вне всякой "философии", чувство близости к "своим" вызывает потребность как-то оставить свой духовный образ тем, кто тебя переживает и захочет тебя вспомнить — своей вдове, своим детям, будущим внукам, и всем другим, кто как-либо тебе или был близок, или даже уже только после твоей смерти может почувствовать свою близость к тебе.

Вот чувства, с которыми я приступаю к записи этих "воспоминаний и мыслей". Они предназначаются ближайшим образом не для "опубликования", а для личного чтения — для моей вдовы, моих детей и будущих внуков. Впрочем, если они найдут нужным и желательным опубликовать эти записки, — я ничего не имею против этого, под условием, что все интимно-автобиографическое будет исключено — и что опубликование последует лишь много лет после моей смерти.

Характер этих записей дает мне возможность выразить мои мысли, мое духовное существо в конкретной, личной форме. Такого рода творчество, вообще говоря, мне совершенно чуждо. По натуре я не склонен к рефлексии, к самопознанию, а всегда

стремился, отрешаясь от всего субъективно личного, познавать реальность в ее объективности — думать и говорить не о "себе", а о том, что узнал. Но именно теперь я испытываю потребность, оставшуюся как-то неудовлетворенной в течение всей жизни, осознать объективное, ставшее моим достоянием, именно как *свое* — в связи с неповторимой индивидуальностью своей личности. Я сделаю это, вероятно, плохо, потому что не привык и не умею это делать. Но так как эти строки пишутся для себя самого и для тех, кто меня любит, и кому я близок таков, каков я есть, — то мне все равно, как это будет сделано. Сама неумелость выражения того, что я хочу сказать, адекватна моему существу и, следовательно, будет о нем свидетельствовать.

Мысли, как выражения личности и личной жизни, неизбежно переплетаются с воспоминаниями. Воспоминания, которые я здесь буду записывать, вряд ли будут особенно интересны сами по себе, своим содержанием. Я жил в эпоху, полную бурных и многозначительных событий; и судьба сталкивала меня с людьми, о которых будущий историк скажет, что это были самые значительные люди этой эпохи — личности, игравшие в эту эпоху примерно ту же роль, какую в 30-40 гг. XIX века играли тогдашние идеалисты, члены кружков Станкевича и Герцена. Но мои воспоминания о них будут недостаточно отчетливы и подробны. Озираясь назад на свою жизнь, я сознаю, что я всю свою жизнь блаженно промечтал. Впечатления конкретной действительности и живых людей входили в мою душу без того, чтобы я отчетливо направлял свое внимание на эту конкретную реальность и познавал ее мыслью — моя мысль всегда была направлена на общее. Мои воспоминания не могут претендовать на значение исторически ценных мемуаров. И в них я буду говорить, в сущности, о себе, и упоминать других лишь поскольку я был с ними внутренне связан. Благодаря недостатку внимания к конкретному, память моя о нем неполна, многое забыто. В одном только я уверен — то, что я помню, я помню точно, и воспоминаний я не спутаю с фантазиями.

Буду писать непринужденно, в том порядке, или беспорядке, в каком мысли и воспоминания будут возникать во мне, не придерживаясь ни хронологической, ни систематической связи.

Берлин, 26 дек. 1935

Расскажу прежде всего известные мне данные о моем происхождении и сохранившиеся в памяти впечатления первых лет жизни. Я родился 16 января 1877 по стар. стилю (тогда — 28.1, а по нынешнему счету — 29.1 по европейскому стилю) в Москве, в Замоскворечьи, на Пятницкой улице. Воспоминаний о жизни в Замоскворечьи у меня нет: мои родители переселились, очевидно, скоро после этого в другую часть Москвы, и все мое детство я провел около Маросейки и Покровки (а также Мясницкой), в переулках, между которыми мы жили. (Первое место моих детских прогулок с няней или немецкой бонной — "Чистые Пруды"). Отец мой, врач Людвиг Семенович Франк, род. в августе 1844, умер, долго боля лейкемией (злокачественным малокровием) 1 марта 1882 г., когда мне было 5 лет. Отец мой был уроженцем Западного края, где его отец, мой дед (умерший до моего рождения), был — кажется в Виленской губернии — управляющим имением. У него (деда) было много детей, но несколько человек из них умерли в юности от скоротечной чахотки. Из дядей и теток моих (братьев и сестер отца) я знал: старшего в семье — Иосифа — человека, кажется, беспутного, авантюристического склада, проживавшего долго в Болгарии, в Софии (бывшего одно время там поставщиком мебели и внутреннего убранства дворца Фердинанда Кобургского, а м.б. еще раньше — Александра Баттенбергского) и кончившего жизнь бедняком-холостяком в Варшаве. Несколько моложе моего отца был другой дядя — Сигизмунд, провизор, прослуживший всю жизнь в аптеке Феррейна у Красных Ворот, — благодушный, добрый и недалекий человек. Под конец жизни он женился на простой русской женщине, с которой долго был в связи. Он имел от нее сына — Дмитрия (теперь, кажется, в чине поручика где-то в Сербии). И были еще две тетки, Теофилия и Ева, обе уже в зрелых годах вышедшие замуж и обе довольно скоро овдовевшие. Тетя Ева, по мужу Кан, играла довольно большую роль в моем детстве: она часто и долго жила в нашем доме и иногда заменяла нам мать (когда моя мать уезжала — обычно лечиться в Карлсбад) — тоже очень неумная, но очень добрая женщина, которая нас, своих племянников, страстно любила. (Она вышла замуж и вскоре переселилась в Варшаву уже на моей памяти — мне было тогда лет 11 или 12). Но очень интересным человеком была,

кажется, моя бабушка со стороны отца, Фелиция Франк (урожд. Френкель). Она дожила до глубокой старости и умерла в Варшаве, кажется, в 1903 году или около этого. В Москве она жила с двумя упомянутыми тетками, своими дочерьми — а потом, когда тетя Теофилия вышла замуж, с тетей Евой, в Введенском переулке (между Покровкой и Воронцовым полем). Она владела языками, французским и немецким, еще в глубокой старости читала газеты, интересуясь почему-то семейной хроникой европейских царствующих родов, играла на рояли и была гораздо образованнее и умнее своих детей (по крайней мере тех, кого я знал). Сохранилось у меня воспоминание об ее комнате, обставленной мебелью и безделушками в стиле рококо — первое художественное впечатление моего детства, вообще бедного художественными впечатлениями.

Мой отец, как мне рассказывали, по окончании гимназии, где-то в Западном крае (вероятно в Вильне) поступил в тогда существовавший виленский университет; но как раз около этого времени вспыхнуло польское восстание 1863 года (о подробностях его мне рассказывала моя мать, которая девочкой была его свидетельницей и присутствовала даже однажды при публичном расстреле повстанцев). Так как повстанцы уводили в лес ("до лесу!" — был их лозунг) всю молодежь, очевидно, оказывая сильнейшее моральное давление, а м.б. и прямое принуждение, то мой дед заставил моего отца перевестись в московский университет — который он и кончил по медицинскому факультету, вероятно в конце 60-х годов. Он остался в Москве, и, после смерти деда, к нему переселилась его мать с дочерьми — так произошло обоснование в Москве семьи моего отца. Отец мой был военным врачом на турецкой войне 1877-78 гг. — в иллюстрированной летописи этой войны я нашел упоминание его имени и подвига, ухода за ранеными под огнем неприятеля. Он получил за это орден Станислава, кажется, 3-ей степени — единственный орден, дававшийся евреям. Потом он был чиновником Медицинского Департамента — но подробностей его службы я не знаю. Я помню его как сквозь сон только уже прикованным к постели, тяжелобольным — нас, детей, водили в его комнату только на несколько минут, мы целовали его руку и он давал нам конфеты. Отчетливо помню лишь день его смерти и его уже в гробу. Нас, детей, повели через залу в его комнату, я по привычке старался идти тихо, на цыпочках — так нас приучили,

чтобы не нарушить тишины, и мне сказали, что теперь этого уже не нужно делать. Я хотел, как обычно делал, поднять его руку, чтобы поцеловать ее, но холодная и тяжелая рука не подымалась, и это меня поразило. Это было первым впечатлением смерти в моей жизни. Помню плач моей матери и ее слова к нам, детям: "хоть слезинку пролейте над ним" — мы еще не понимали, что значит смерть. Мне было тогда пять лет, моей сестре — 6 1/2, а брату Мише — 3 года. На похороны нас не взяли, а отвезли к бабушке Франк. Похоронен мой отец в Москве на Дорогомиловском еврейском кладбище (там же лежит прах моего деда со стороны матери, М.М. Россиянского, о котором расскажу сейчас дальше, и в двух могилах под общим памятником — моей матери Розалии Моисеевны, по второму мужу Зак, и ее матери, моей бабушки Сары Россиянской. Мне хотелось бы, чтобы мои дети, если им суждено вернуться в Россию, навести эти могилы.

Перехожу теперь к семье моей матери. Мой дед, Моисей Минович Россиянский, происходил из Ковно. Он женился на бабушке, которая была родом из Тильзита (пограничного немецкого городка). Ее девичья фамилия была Добринер — ее родственники (за исключением одного брата, жившего в Москве) остались в Германии, я еще встречался в 1899-1900 гг. с двумя ее братьями и их детьми в Берлине. Моя мать — единственное дитя моего дедушки — родилась 17 января 1856г. в Ковно (когда я родился — накануне дня ее рождения — ей был 21 год). Так как я знаю, что моя мать 9-ти или 10-тилетней девочкой переселилась в Москву, то очевидно мой дед переехал в Москву в 1865-66г. Моя мать кончила 1-ую московскую женскую гимназию, и вскоре, 18-летней девушкой, вышла замуж за моего отца. Она уже свободно говорила по-русски и имела общее литературное образование обычного русского буржуазного уровня. Она была очень энергичной и практически умной женщиной. Но самым замечательным человеком в семье, который заложил во мне основы моего духовного и умственного развития, был мой дед, М.М. Россиянский. После смерти моего отца в 1882г. и вплоть до смерти деда в декабре 1891г. мы жили вместе с ним — сперва в разных местах, как я уже сказал, в районе Покровки и Мясницкой (помню жизнь в доме в Лялином переулке, где зимой случился пожар и нас, детей, поздно вечером вывели из дома среди душающего дыма), а потом, кажется с 1888-89 года, в особняке,

который купил мой дедушка в Кривом (позднее Мельниковом) переулке. Одним концом он выходил в Харитоновский переулок, другим — в Машков переулок — в районе Чистых Прудов.

Мой дед, плохо говоривший и совсем не писавший по-русски, был по-своему очень образованным человеком. Не только владел он, как большинство евреев, воспитанных в Западном крае, еврейским богословием (знанием Библии, Талмуда и еще знаменитого средневекового комментария к Библии, так наз. "Kaschi"), но и самоучкой был осведомлен в светских знаниях — главным образом в политической истории XIX века. По профессии чайный маклер — посредник между китайскими фирмами и московскими частотворцами, — не получив никакого общего образования, он был живым, умным и интеллигентным человеком, сочетавшим преданность традициям еврейской веры (без фанатизма) с широким общим умственным горизонтом. Он был одним из основателей еврейской общины в Москве в 60-70 годах. Соображая о наследственности моего собственного склада, я думаю, что вкус к мысли и остроту мысли я унаследовал от него, тогда как созерцательность моей природы идет очевидно из семьи отца. Мой дедушка был первым моим воспитателем. Он заставил меня научиться древнееврейскому языку (который я теперь забыл) и читать на нем Библию. Он водил меня в синагогу (по большим еврейским праздникам — субботние дни, как и все сложные мелочи обрядового устава, он не соблюдал), где я получил первые, запавшие на всю жизнь религиозные впечатления (рядом с этим шли, через няnek и окружающую русскую среду, и религиозные впечатления русского православия). Благоговейное чувство, с которым я целовал покрывало Библии, когда в синагоге обносили "свитки завета", в порядке генетически-психологическом стало фундаментом религиозного чувства, определившего всю мою жизнь (за исключением эпохи неверующей юности, примерно от 16 до 30 лет). Рассказы дедушки по истории еврейского народа и по истории Европы стали первой основой моего умственного кругозора. Умирая, он просил меня — тогда 14-летнего мальчика — не перестать заниматься еврейским языком и богословием. Этой просьбы я в буквальном смысле не выполнил; думаю, однако, что в общем смысле я — и обратившись к христианству, и потеряв связь с иудаизмом — все же как-то остался верен завету дедушки, потому что остался верен религиоз-

ным основам, которые он во мне заложил; или, вернее, я вернулся к ним в зрелые годы. Мое христианство я всегда сознавал, как наслоение на ветхозаветной основе, как естественное развитие религиозной жизни своего детства.

*

Вторым человеком, имевшим на меня влияние в возрасте переходном от отрочества к первой юности, был мой отчим Василий Иванович Зак. Он появился в нашем доме в 1890 году и женился на моей матери весной 1891 г., когда мне было 14 лет. Он провел молодость в русской революционно-народнической среде, был участником революционного движения конца 70-х годов и был сослан в восточную Сибирь. Он ввел меня в идейный мир русского народнического социализма и политического радикализма. Первая "серьезная" книга, которую я прочитал по его указанию — были некоторые сочинения Михайловского ("Что такое прогресс?" и др.); потом я прочел Добролюбова, Писарева, Лаврова и пр. Влияние этих идей было на меня неглубоко; как теперь сознаю, они не соответствовали объективно-познавательному складу моей природы; скорее подействовала на меня лишь общая атмосфера идейного искания, от них веявшая, и укрепила во мне сознание необходимости иметь "миросозерцание".

Третье влияние, мною испытанное, шло от гимназического кружка в 7-м и 8-м классе нижегородской гимназии, куда я перешел именно в 7-ой класс, осенью 1892 г. Из этого кружка — всего 5-6 человек — позднее в общественной жизни обнаружил себя только один человек — Алексей Максимович Никитин, социал-демократ меньшевик, бывший министром внутренних дел в кабинете Керенского — пожалуй, один из самых бездарных членов этого кабинета интеллигентов-дилетантов. Кружок этот представлял зарождавшийся тогда "марксизм", об истории которого постараюсь рассказать позднее. Под влиянием этого кружка я прочел еще гимназистом "Капитал" Маркса (1-ый том, в котором выражено миросозерцание "марксизма", и скучный 2-ой том; третий том, который должен был разрешить противоречия первого, был опубликован, как известно, лишь в 1894 г.). Марксизм увлек меня своей научно-образной формой, именно в качестве "научного" социализма.

Меня привлекала мысль, что жизнь человеческого общества можно познавать в его закономерности, изучая его, как естествознание изучает природу. Когда я впоследствии прочитал в "Этике" Спинозы фразу: "я буду говорить о человеческих страстях и пороках, как если бы дело шло о линиях, плоскостях и телах", я увидел в них выражение того заветного тогда настроения, которое я ощущал при изучении теории Маркса. Естественным, что собственно революционную и этическую тенденцию марксизма я хотя и принимал, как что-то верное и необходимое, но душа моя к ней не лежала. Под влиянием этого гимназического кружка я находился и первые два года студенческой жизни в московском университете. Лекций (на юридическом факультете, куда я поступил для изучения политической экономии) я не слушал, а занимался кружковыми дебатами по вопросам социализма и политической экономии и — "революционной деятельностью" в конспиративных кругах нарождавшейся тогда социал-демократической партии, ходил даже (переодетый в штатское платье, чтобы форменная одежда студента не обратила на себя внимания) в Сокольники "пропагандировать" среди рабочих. "Рабочие" и вообще конкретная социальная реальность, среди которой должен действовать революционер, отчетливо мною не воспринимались, я действовал скорее, как загипнотизированный, как бы во сне. От ареста спасло меня случайное обстоятельство: в мае 1896 г. в Москве должна была состояться коронация Николая II, по этому случаю, чтобы очистить Москву от студентов, лекции и экзамены кончились уже к началу мая, и я уехал к родным в Нижний Новгород; через несколько дней или недель после моего отъезда группа моих сподвижников по революционной деятельности была прослежена, арестована и потом сослана в восточные губернии или в Сибирь; я легко мог бы 19-летним мальчиком попасть туда же. Но уже в течение второго университетского года 1895-96 во мне начал созревать духовный перелом, приведший меня осенью 1896 г. к решению окончательно порвать с революционной средой и деятельностью и заняться наукой. Я чувствовал раздражение от скороспелых и категорических юношеских суждений и от скрывавшегося за ними невежества; и я ловил себя на том, что, оставаясь наедине с собой, я думал о чем угодно, только не о революции и практической революционной деятельности. Собственная духовная натура требовала для себя удовлетворения. Это сознание и чувство неудовлетворенности было так велико, что

при всей присущей мне слабости моего характера (основном препятствии всей моей жизни) я сразу и круто порвал со своими товарищами, хотя и заслужил этим у них кличку "предателя" и "дезертира" (ибо полагалось, что всякий мужественный человек должен быть революционером, и выход из их состава объяснялся только трусостью, отказом от подвига). Я был тогда духовно еще настолько несамостоятелен, что ни другим, ни даже себе самому не мог объяснить истинных мотивов. Я объяснял себе и другим дело так, что разочаровался в революционном мирозерцании и что не могу практически работать, не проверив предпосылок этого мирозерцания. На самом же деле это был бунт моего существа против умонастроения и деятельности, ему не соответствовавших, и страстная жажда чистого, бескорыстного теоретического познания. С того момента, с 1896г., я иду вот уже 40 лет, хотя и с отклонениями и шатаниями, по пути, мне предуказанному самим Богом — по пути мысли. Вся остальная жизнь была медленным, часто прерывавшимся, движением по этому пути, на который я вступил, порвав с революционной средой и войдя тогда (осенью 1896г.) в кружок студентов, изучавших серьезно политическую экономию в семинаре незабвенного проф. Александра Ивановича Чупрова, о котором надеюсь еще рассказать подробнее.

*

Запишу теперь внешний ход моей жизни, чтобы потом уже к нему не возвращаться и сосредоточиться на духовном ее содержании. До 15-летнего возраста я жил в Москве. Без малого 10 лет, осенью 1886г. поступил в гимназию при Лазаревском Институте восточных языков (в Армянском переулке), во 2-ой класс. Когда моя мать весной 1891г. вышла замуж за В.И. Зака, я был оставлен у дедушки (мать с сестрой и братом переселилась в Нижний Новгород). Но дед мой умер уже в декабре 1891г., я жил еще год у родственников, но был выслан из Москвы за неимением "права жительства" (я мог жить только при родителях) и перевелся в нижегородскую гимназию осенью 1892г. (в 7-ой класс). Весной 1894г. кончил ее и поступил на юридический факультет московского университета. "Выпускное свидетельство" об окончании 8 семестров получил в 1898г., но не захотел тогда же держать государственные экзамены, а отложил их на год (руководился

я, помню, суеверным чувством, что с концом студенческой жизни собственно кончается молодость и начинается "жизнь", которой я боялся, и казалось, что таким внешним способом я как-то отодвигаю начало этой "жизни" на год). Но сдать государственных экзаменов в следующем, 1899 году, мне не удалось. Весной произошли известные студенческие беспорядки, захватившие большинство университетов; активного участия в них я не принимал, но по чьей-то просьбе сочинил какую-то "прокламацию"; это по-видимому дошло до сведения охранного отделения, я был арестован весной 1899г., просидел одну неделю в полицейском доме и был выслан на два года без права проживания в университетских городах. Я уехал к родным в Нижний Новгород, а осенью уехал за границу, где слушал лекции по политической экономии и философии в берлинском университете и написал первую свою научную работу "Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд". Издана в Москве 1900 М.И. Водовозовой. (До этого, впрочем, я напечатал в августе 1898г. в "Русской Мысли" статью "Психологическая теория ценности" — мою кандидатскую работу, поданную для получения выпускного свидетельства). Весной 1901г. я получил право сдать государственный экзамен — значит, до истечения двухгодичного срока высылки — в любом университете, кроме московского. Сдал государственный экзамен в казанском университете. Зиму 1901-02г. я провел с матерью и младшим единоутробным братом Львом Васильевичем Заком — тогда 9-летним мальчиком, теперь художником — в Крыму, в Ялте. Весной 1902г. написал первую свою философскую работу "Фридрих Ницше и этика любви к дальнему". Лето 1902г. провел с родителями в Бердянске, на берегу Азовского моря, где мой отчим купил аптеку (аптеку в Нижнем Новгороде, которой он раньше владел, он продал). Осенью собрался опять поехать за границу, где в Штутгарте П.Б. Струве основал нелегальный журнал "Освобождение" и куда он меня звал для сотрудничества (о знакомстве и дружбе со Струве расскажу позднее). Но в Москве я получил известие, что декан экономического факультета основанного тогда (осенью 1902г.) Политехнического Института А.С. Посников хочет со мной повидаться — моя книга по теории ценности привлекла его внимание, и он мне предлагал подготовку к профессуре и позднее профессору в Политехническом Институте. Дело расстроилось из-за моего вероисповедания, но я прожил зиму в Петербурге, а потом в Царском Селе, и лишь

весной 1903г. выехал за границу, где опять провел, живя в Мюнхене, зиму 1903-04г. Весной 1904г. участвовал в первом заграничном съезде "Союза Освобождения". Зимой 1904-05г. провел в Петербурге. Зарабатывал я на жизнь преимущественно переводами немецких философских книг на русский язык ("Прелюдии" Виндельбанда, "История новой философии" Куно Фишера, т. II — Спиноза, "Введение в философию" Кюльке и др. До этого, еще в студенческие годы, я переводил экономические книги для издательства М.И. Водовозовой. Летом 1905г. опять был за границей, в Гейдельберге, откуда проехал в Париж к переселившемуся туда П.Б. Струве, но осенью был вызван матерью в Москву (куда они тем временем переселились, купив аптеку у Мясницких ворот, около главного почтамта) по случаю тяжелой болезни отца. В Москве пережил революцию 1905 года и участвовал в первом съезде конституционно-демократической партии (октябрь 1905) во дворце князей Долгоруких Петра (живущего еще сейчас в Праге) и Павла (вернувшегося из эмиграции в советскую Россию и расстрелянного большевиками). С осени 1905г. переселился в Петербург, ездя однако летом за границу, именно в Германию (в 1904г. я совершил путешествие по северной Италии — был в Милане, Вероне, на Гардском озере и месяц прожил на Лидо в Венеции). С января 1906г. начал свою лекторскую или профессорскую деятельность курсом "социальной психологии" (науки, которую я сам придумал и которая была для меня переходной областью от политической экономии к философии) на вечерних высших курсах при гимназии Стоюниной в Петербурге. Потом читал лекции на фребелевских курсах и в других частных высших учебных заведениях (уже по философии). 13 октября 1907г. я познакомился с моей будущей женой Татьяной Сергеевной Барцевой; уже 5 декабря того же года мы объяснились, и 22 июня 1908г. я женился (в Саратове). С того времени кончаются мои Wanderjahre и начинается семейная жизнь в Петербурге. В 1911-12гг. сдал магистерский экзамен по кафедре философии при петербургском университете и с осени 1912 стал приват-доцентом. Весной 1913г. до осени 1914 (до начала войны) имел научную командировку в Германию (летом жил в Марбурге, зиму 1913-14 в Мюнхене, а лето 1914 — в Хершинге под Мюнхеном, и написал книгу "Предмет знания" (вышла весной 1915, защищена как магистерская диссертация в мае 1916). Годы 1914-17 прожил в Петербурге, читал лекции в университете, на высших женских курсах,

на "Раевских" женских курсах, в Политехническом Институте, в Психо-неврологическом Институте.

*

Упомяну здесь и о моей литературной деятельности за эту петербургскую эпоху моей жизни. С января 1906г. я вместе со Струве редактировал политический еженедельник "Полярная Звезда". Помнится, около мая 1906 этот еженедельник был запрещен, но продолжал выходить под другим заглавием, "Свобода и Культура", ответственным редактором которого был обозначен я. Но вскоре журнал этот прекратился. В "Полярной Звезде" и "Свободе и Культуре" помещен ряд моих статей, которыми я однако не дорожу — в политической мысли я никогда не был оригинальным и творческим. Единственная статья, которая заслужила бы внимания и теперь, это написанная мною вместе со Струве и помещенная в двух номерах "Полярной Звезды" статья "Очерки по философии культуры". Мы задумали совместно написать такую книгу еще в бытность Струве в Париже, летом 1905г., распределили ее по отделам между собой, вступление же писали так, что оба делали наброски, и, сравнивая их, составляли окончательный текст. Это вступление и было напечатано в "Полярной Звезде"; главная часть текста его принадлежит мне. Книга никогда не была написана.

В конце 1906г. во владение и редактирование Струве перешел журнал "Русская Мысль", которую прежний бездарный редактор Виктор Гольцев довел до банкротства; некоторое время соредактором и соиздателем при Струве был Александр Александрович Кизеветтер, но он скоро ушел, по несогласию с направлением Струве. "Русская Мысль" в издании и под редакцией Струве просуществовала до большевистской революции 1917, значит более 10 лет. Все это время я был членом редакции, вел философский отдел, по временам читал и всю беллетристическую часть (после того, как опыт редактирования ее сначала Вал. Брюсовым, а потом Мережковским и Зин. Гиппиус оказался несостоятельным, и Струве должен был расстаться с ними). В "Русскую Мысль" я поместил ряд статей, которые (вместе со статьями в газетах "Речь" и "Слово") я издал отдельным сборником в 1910г.: "Философия и жизнь", СПб изд. "Общественная польза". В 1904-05г. сотрудничал в журнале "Новый Путь" (последней редакции) и сменившем его журнале "Вопросы Жизни". Оба журнала редактировались группой молодых

идеалистов — Бердяевым и Булгаковым. Из статей, там мною помещенных, серьезное значение имеет статья "Проблема власти", помещенная весной 1905 (тоже вошла в сборник "Философия и жизнь"). В годы 1907-17 был также деятельным участником петербургского "Религиозно-философского общества". В 1916 г. написал и в 1917 издал (Москва, изд. Г.А. Лемана) книгу "Душа человека", которая должна была быть докторской диссертацией, но из-за революции и отмены ученых степеней не была защищена.

Возвращаясь к дальнейшему описанию внешнего хода моей жизни. Летом 1917 г. при временном правительстве было решено основать новые факультеты при саратовском университете (до того там существовал только медицинский факультет). Это было, когда министром народного просвещения был Сергей Федорович Ольденбург, товарищем министра по делам высшей школы — Влад. Ив. Вернадский, а председателем комиссии по устройству новых факультетов был назначен Ив. Мих. Гревс. Так как все трое меня хорошо знали, а И.М. Гревс любил и ценил меня, то мне было предложено стать первым деканом (и ординарным профессором) нового историко-филологического факультета. В Петербурге становилось голодно, Саратов был родной город моей жены, там жили ее родители — и хотя я совсем не склонен был при нормальных условиях покидать Петербург и уезжать в провинцию, но теперь я принял предложение. Первый состав факультета состоял из меня (философия), В.М. Жирмунского (германистика), В.А. Бутенко (всеобщая история), В.И. Веретенникова (из Харькова, русская история) и Н.К. Пиксанова (русская литература). Осенью 1917 среди всеобщей разрухи мы переселились в Саратов. Работа шла в общем дружно и хорошо, жилось неплохо. Но большевистское разрушение продолжалось. С осени 1919 г. я переселился в немецкую колонию Ровное (100 верст к югу от Саратова на левом берегу Волги), — под видом организации педагогического института для немцев, на самом деле — чтобы в деревне прокормить семью (из трех детей; четвертый, Василий, родился в июле 1920 г.). Но вскоре пришлось вернуться в Саратов — сначала мне, а потом семье. Осенью 1921, в расцвет НЭПа, вернулся в Москву, где устроился членом "Философского института" при московском университете (философия тогда была выделена из общей университетской программы в особый "институт", нечто вроде академии,

но при университете). Читал в университете лекции студентам последнего курса закрывавшегося философского отделения. Одновременно, вместе с Бердяевым, основал и вел, в качестве декана, вольный факультет гуманитарных наук под именем "Академии духовной культуры" — серию публичных курсов, имевших тогда большой успех. В 1921-22 г. издал в основанном с группой близких людей (Я.М. Букшпан и Л.Н. Юровский) издательстве "Берег" свое "Введение в философию" и книжку "Методология общественных наук" (первый набросок социальной философии, над которой я работал). Осенью 1922 г. я был арестован и вместе с большой группой ученых и писателей из Москвы, Петербурга и других университетских городов выслан за границу, и поселился в Берлине. Отселе начинается последний (насколько можно предвидеть) — именно эмигрантский период моей жизни. Участвовал в основанном группой высланных "Русском Научном Институте в Берлине" (где читал лекции и по-русски, и по-немецки), последний год его существования (1932) был его директором. В "Религиозно-философской Академии", основанной в Берлине группой русских философов во главе с Бердяевым (она перешла в 1924 г. в Париж, но от ее имени я еще несколько лет читал лекции в Берлине) и в Студенческом христианском русском движении за границей, финансировавшемся УМСА (американским союзом христианских молодых людей). С 1931 г. читал лекции по-немецки в берлинском университете при кафедре славянской филологии (М.Р. Фасмер) по истории русской мысли и русской литературе. (Устранен от преподавания новым немецким правительством в апреле 1933 г.). Много разъезжал для чтения публичных лекций и по-русски, и по-немецки (обычно от Kant-Gesellschaft). Побывал в качестве лектора таких публичных лекций неоднократно в Чехии, был в Италии, много раз в Голландии, в Швейцарии, в Сербии и Болгарии, в Литве, Латвии и Эстонии. Был участником съезда славянских философов в Варшаве (не помню точно, в каком году — кажется 1928) и на всемирном философском конгрессе в Праге (1934).

За время эмигрантской жизни написал книги:

а) по-русски: 1. "Крушение кумиров", Берлин, 1923; 2. сборник статей "Живое знание" (и переиздал "Введение в философию"), оба в изд-ве Петрополис, они же Обелиск, Берлин, 1923; 3. "О смысле жизни", Париж 1926; 4. "Основы марксизма", Евразийское

изд-во, кажется тоже 1926; 5. "Духовные основы общества", Париж, YMCA-PRESS 1930.

b) *по-немецки*: "Die russische Weltanschauung", Pan-Verlag, Charlottenburg 1926 (расширенный доклад в Kant-Studien) и большую книгу "Das Unergründliche", только что (в декабре 1935) законченную и еще не напечатанную.

Кроме того, множество статей по-русски, по-немецки, по-голландски — список всех моих работ находится у меня на особом листе и здесь его не повторяю.

Такова в краткой записи на 12 страницах тетрадки — вся моя жизнь в ее внешнем течении, теперь близящаяся к концу.

*

Эта запись — не исповедь. Интимно-личное, субъективное содержание моей жизни касается только меня одного и должно умереть вместе со мной. Я буду записывать только то, что в моей жизни либо относится к ее духовному содержанию, либо соприкасалось с общественной и духовной жизнью моего времени.

В Нижнем Новгороде, еще гимназистом (1892-94 гг.) и потом студентом, во время наездов на каникулы, я имел, кроме упомянутого гимназического марксистского кружка, еще общение с жившей там группой интеллигентов-писателей старшего, в отношении меня, поколения. Через моего отчима, В.И. Зака, я сблизился с семьей д-ра Серг.Ив. Елпатьевского, в свое время довольно известного писателя (мой отчим был связан с ним своим революционно-народническим прошлым). С.И. Елпатьевский и его жена Людмила Ивановна полюбили меня, я иногда даже жила у них, будучи гимназистом (мы жили на другой стороне Оки, в "Канавине", и во время осеннего и весеннего ледохода, когда сообщение с городом было затруднено, я, как и мой брат и сестра, переселялся к знакомым в город). Дом Елпатьевских был средоточием либеральной и радикальной интеллигенции Нижнего Новгорода. В то время там жил Вл. Гал. Короленко, а также Ник. Фед. Анненский, оба — члены редакции "Русского Богатства". С ними я познакомился у Елпатьевского. Видал я там и приехавшего однажды погостить, уже не вполне нормального Глеба Ив. Успенского. Еще гимназистом

я был если не участником, то свидетелем политических и общественных дебатов в доме д-ра Елпатьевского. Во время чествования Короленко по случаю его отъезда в Петербург (кажется, в конце 1896 г.) был на банкете и поднес ему составленный мной "адрес" от имени "учащейся молодежи". Особенное оживление царило в Нижнем Новгороде летом 1896 г., во время всероссийской выставки. (Мельком я видел там, единственный раз в жизни, царя Николая II и царицу). В Нижний наехало тогда множество "интеллигенции": помню благообразного, седого, патриархального вида старика — статистика Вас. Ив. Покровского (старого приятеля моего отчима), сибирского газетного деятеля Ив. Ив. Попова; обаятельную и умную московскую общественную деятельницу Анну Вас. Погожеву (жену фабричного инспектора и писателя по рабочему вопросу Ал. Вас. Погожева) — с последней я и позднее встречался в Петербурге. Несколько позднее, кажется с 1897 или 1898 г., поселился в Нижнем и Максим Горький (Ал. Макс. Пешков), тогда — молодой, только что входивший в славу писатель. Тогда он казался очень славным, скромным, симпатичным человеком — позднее он не выдержал искушения славы; с ним сближало и то, что он причислял себя к "марксистам". Весь этот круг людей духовно на меня не действовал особенно глубоко; у меня уже тогда была какая-то, правда лишь потенциальная, духовная жизнь, и я смутно ощущал внутреннее разногласие или, вернее, разночувствие с господствующим в этом кругу умонастроением русской радикальной интеллигенции. Но внешне я был до некоторой степени "ошлифован" и как бы посвящен в избранный круг "интеллигенции" и притом ее "сливок" именно в этом кругу, когда я был еще совсем мальчиком, в возрасте от 16 до 21 года. С Елпатьевским я снова встретился в Крыму, в Ялте, зимой 1901-02 года (они туда переселились). Отчасти среди них, отчасти через Мар. Ив. Водовозову, которая жила в имении своих родителей Токмаковых "Олеиз", у станции Кореиз, и с которой я был платонически близок в годы 1897-1903, я опять вошел в круг интеллигенции — общался с Горьким, который жил тогда в Олеизе, однажды встретился у него с А.П. Чеховым, познакомился с детьми Льва Толстого (жившего тогда по соседству с Олеизом в Гаспре) — со старшим сыном, музыкантом Серг. Львовичем и с Андреем Львовичем, — издали несколько раз видал Толстого — но не решился подойти к нему, хотя имел к тому возможность. О Толстом, его личности,

его жизни в Гаспре, много слышал тогда от Елпатьевского и д-ра И.Н. Альтшулера, которые оба тогда его лечили.

В Ялте, в эту зиму 1901-02 года, которую я, окончив университет, провел в уединении с моей матерью и младшим братомевой, без всякой деятельности, даже без научной работы, предаваясь только размышлению и созерцанию, — впервые проснулась и стала актуальной моя духовная жизнь. До этого времени я был существом чисто интеллектуальным (после того, как религиозное чувство годам к 14-15-ти замерло во мне). Мой главный интерес — политическая экономия — уже раньше понемногу стал ослабевать во мне. Политическую экономию я всегда изучал чисто теоретически, не имея ни интереса, ни способности к восприятию конкретной экономической жизни. Меня привлекало в политической экономии всегда лишь то, что в ней было предметом, так сказать, интеллектуального созерцания — возможность усмотреть в скрещении конкретных индивидуальных действий и отношений, в океане человеческой жизни, действия неких незыблемых общих законов. Постепенно я от этой теоретической экономики пытался восходить к еще более высоким обобщениям; так складывался замысел "социальной психологии", под которой я мыслил некую общую (понимавшуюся мною тогда в психологических категориях) науку об отношениях между людьми. Одновременно — и еще раньше, в сущности еще с гимназических лет — я интересовался чистой философией. Помню надолго определившее мои философские идеи знакомство с системой Спинозы (сперва по истории философии Куно-Фишера, прочтенной еще в гимназии, а потом по "Этике" Спинозы). В "интеллектуальной любви к Богу", в созерцательном пантеизме, в мистическом чувстве божественности всеединства — всего бытия, ощущаемого как единство, — я уже рано почувствовал что-то, что отвечало глубочайшему существу моей личности. Даже еще в детстве, глядя на небо, я испытывал это пантеистическое чувство, и оно тогда как-то без коллизии укладывалось в религиозное сознание обычного типа, совмещаясь с молитвой к личному Богу. Этот синтез, ставший много позднее основой моего бытия, тогда без размышления сложился во мне. Но это детское сознание и духовная жизнь, в нем проявлявшаяся, ушли вместе с детством. В юношеские годы философия меня интересовала тоже лишь отвлеченно. В те времена (гл. обр. под влиянием Струве) "марксизм"

стал сочетаться с "ново-кантианством". Уже студентом в Москве я изучил Канта, а потом в Берлине слушал лекции обаятельного и умнейшего скептика-кантианца Зиммеля, читал Виндельбанда ("Прелюдии" которого позднее, в 1903г., перевел по-русски); Рилья и других новокантианцев. Но душа моя не лежала к кантианству; оно было для меня лишь умственной конструкцией, внутренне никогда меня не удовлетворявшей. Пробуждением духовной жизни и настоящим интересом к философии во всей полноте и глубине ее, как знания сверхнаучного, я ближайшим образом обязан внешнему событию моей жизни — одному неудачному роману, который я начал переживать с лета 1900г. и который затянулся надолго и заставил меня много перестрадать. Тут на мне обнаружилось углубляющее значение страдания — именно пробуждение через него духовной жизни. Это оформилось во мне именно зимой 1901-02г., когда мне случайно попала в руки книга Ницше "Так говорил Заратустра". Я был потрясен — не учением Ницше (хотя как раз тогда я написал духовно очень незрелую, имевшую большой успех статью "Этика любви к дальнему", в которой пытался сочетать этику Ницше с политическим и этическим радикализмом), — а атмосферой глубины духовной жизни, духовного борения, которой веяло из этой книги. С этого момента я почувствовал реальность духа, реальность глубины в моей собственной душе — и без каких-либо особых решений моя внутренняя судьба была решена. Я стал "идеалистом", не в кантианском смысле, а идеалистом-метафизиком, носителем некоего духовного опыта, открывавшего доступ к незримой внутренней реальности бытия. Я стал "философом", хотя постоянно в течение всей своей жизни уклонялся из этого слоя бытия в участие в политике, общественности, в внешнем бытии. Философское оформление этот переворот получил лишь много позднее, в течение многих годов, когда я обдумывал и потом писал главную работу моей жизни "Предмет знания", а последнее, конкретное религиозное или религиозно-философское оформление — еще позже. Но фундамент моего духовного бытия был заложен или, вернее, открылся мне сознательно именно тогда, зимой 1901-02г. Это совпало замечательным образом с общим сдвигом идей "от марксизма к идеализму", наметившимся в эти годы. Струве, который уже в первой своей книге "Очерки по экономическому развитию России" (1894) заменил материализм несколько неопределенным кантианством, выступил в предисловии

к изданной им первой книге Бердяева "Субъективизм и индивидуализм в социальной философии Михайловского" (1900) с призывом к метафизике. В лице Бердяева и этой его первой книги тоже был документирован переход от марксизма к "идеализму". Молодой тогда экономист-марксист Булгаков пережил аналогичный внутренний перелом — помню его первую философскую статью "Русский Фауст — Иван Карамазов" в "Вопросах философии и психологии" в 1901 или 1902 г. И одновременно молодой тогда философ права Пав. Ив. Новгородцев в своей диссертации "Историческая школа права" пытался реабилитировать на идеалистической основе понятие "естественного права" (он перешел не от марксизма, в котором не участвовал, но от позитивизма тоже к "идеализму"). Зимой 1901-02 г. было задумано, по инициативе Струве (переехавшего тогда уже в Штутгарт для издания "Освобождения") и П.И. Новгородцева, издание сборника "Проблемы идеализма", вышедшего в 1902 г. По указанию Струве, Новгородцев, редактировавший сборник, обратился и ко мне, и я дал туда свою статью об "Этике Ницше". Так, без определенного и определимого влияния отдельных людей (влияние Струве, впрочем, в общем играло здесь некоторую роль), как-то спонтанно родилось течение "идеализма", которое, скрестясь с течением, шедшим и от Вл. Соловьева и московских метафизиков (бр. Трубецких и Лопатина), и от поэтов-символистов (Мережковского, Бальмонта — упоминаю только родоначальников — А. Белый и А. Блок ощущались уже как более молодое поколение, хотя Блок моложе меня только на три года) — сложилось религиозно-философское движение русской мысли первых десятилетий XX века — движение, преодолевшее традиционный духовный тип интеллигентного мирозерцания XIX века и давшее очень значительные духовные плоды. Мы ощущали его тогда в известном смысле, как возврат от отцов-шестидесятников и семидесятников к дедам — к идеалистам 30-40-х годов.

Примечание 1946 г. Лондон.

На этих отрывочных записях 1935 г. и обрываются мои воспоминания. Не имею ни сил, ни охоты их продолжать. Да и нужно ли? В них рассказано мое развитие в течение первых 25 лет жизни — времени, когда складывается духовный и умственный характер

человека и определяется направление всей его жизни. Все остальное есть лишь использование — более или менее удачное или неудачное — плодов, которые если не созрели, то уже наметились в эту определяющую эпоху жизни.

Приложение

Моя литературная деятельность началась в 1896 г. (когда мне было 19 лет) с статьи "Внешняя торговля России" в "Нижегородском Листке" — отчета о соответствующей статистической диаграмме на всероссийской нижегородской выставке летом 1896 — статьи совершенно ничтожной, заслуживающей забвения. Первая самостоятельная и серьезная научная работа была статья "Психологическая теория ценности",¹ "Русское Богатство", август 1898 г., написанная еще в духе теории Маркса. Но уже тогда у меня начались сомнения в правильности марксовской экономической и социологической теории. Арестованный весной 1899 г. (по-видимому, в связи с студенческими беспорядками в московском университете этого года) и высланный на 2 года из университетских городов, я уехал в Берлин, поступил в берлинский университет и в зимнем семестре 1899-1900 г. написал книгу "Теория ценности Маркса. Критический этюд" — критику экономического учения Маркса (напечатанную в 1900 г. в издательстве М.И. Водовозовой). За годы 1898-1900 я писал много (незрелых) рецензий на экономические книги для журналов "Мир Божий" и "Начала" и перевел много экономических книг — был участником переводных сборников статей из "Handwörterbuch der Staatswissenschaften", издававшихся тоже М.И. Водовозовой. После 1900 г. я отошел от изучения политической экономии (хотя еще писал рецензии) и перешел к философии (Канта я изучил еще раньше). Зимой 1901-02 г., живя в Ялте, я случайно попал на Ницше и был потрясен его "Also sprach Zarathustra". Это было первым пробуждением моей духовной жизни. Плодом его была статья "Ницше и этика любви к дальнему" в сборнике "Проблемы идеализма", 1902 (под ред. Новгородцева) — восхваление этики героизма, перепечатана в сборнике "Философия и жизнь".

С этого началась моя философская литературная деятельность. Помнится, в 1904 (?) году, в "Мире Божием" была напечатана

статья "О критическом идеализме", кантианского направления. За годы 1904-12 перевел много философских книг: "Прелюдии" Виндельбанда, "Введение в философию" Кюльке, 2-ой том истории новой философии Куно-Фишера (о Спинозе), редакция (плохого) перевода Гуссерля "Логические исследования"; был одним из редакторов перевода полного собрания сочинений Ницше ("Московское книгоиздательство") и перевел сам два тома "Menschliches-Allzumenschliches" (кажется, в 1909-10 гг.). В 1904 г. напечатал в "Новом Пути" статью "Государство и личность", и в 1905 г. одну из самых значительных работ юности — статью "Проблема власти" (в "Вопросах жизни", журнал под ред. Бердяева и Булгакова) — перепечатана в моем сборнике "Философия и жизнь". В течение 1903-05 гг. сотрудничал в политическом журнале Струве "Освобождение" (Штутгарт и Париж); много статей анонимных, другие подписаны буквами Н.К. Одна статья — "Друг Италии";² в одной из книг "Освобождения" статья "Отцы и дети". Весной 1906 г.³ был сотрудником и членом редакции политического еженедельного журнала "Полярная Звезда" под ред. Струве, а после закрытия его — редактором заменившего его журнала "Свобода и культура"; во многих №№ обоих журналов мои статьи — большей частью незрелые. В 1909 — статья "Этика нигилизма" в сборнике "Вехи". В 1910 г. издал сборник наиболее существенных статей (отчасти даже газетных — из газеты "Слово", так, о Толстом) под заглавием "Философия и жизнь", СПб. Изд. "Общественная Польза", 1910. Это — первая философская книга. С 1907 по 1917 (год закрытия) был сотрудником и членом редакции журнала "Русская Мысль" (ред. Струве), напечатал много статей, заметок и рецензий. В 1912 (?) г. участвовал в сборнике в честь Л.М. Лопатина статьей "О конкретном познании"⁴ (первый, еще незрелый набросок идей, позднее разработанных в книге "Предмет знания"). В 1903 (?) г. — в "Вопросах Философии и Психологии" статья о Лассале (по поводу его писем, тогда опубликованных). В 1912 (или 1913)⁵ там же статья "Учение Спинозы об атрибутах" (существенная! Позднее я изложил мое понимание Спинозы в статье "Spinoza als Mystiker" для немецкого журнала "Логос", осталась ненапечатанной и находится в архиве издательства "Mohr-Siebeck", Tübingen. В 1908-10 гг. печатал много статей (фельетонов) в газете "Слово" (изд. Н.Н. Федоровым). В 1908-09 гг. одно время печатал ежемесячно этюды о новых книгах в приложении к журналу "Критическое Обозрение", изд. в Москве.⁶

В 1909 г. статья "Этика нигилизма" в сборнике "Вехи". В 1917 г. (март-август, эпоха временного правительства) напечатал много статей в еженедельном журнале "Русская свобода", изд. Струве. В 1918 вышел — в немногих экземплярах, величайшая библиографическая редкость — один экземпляр есть у Бердяева, другой — у проф. Бруно Бор. Беккера в Амстердаме — антибольшевистский сборник "Из глубины"; в нем — моя статья того же заглавия. В 1922 г. напечатал в Москве, в изд. "Берег", "Введение в философию" (2-е изд. в Берлине 1923, Петрополис) и "Методологию общественных наук". Кроме того, в философском журнале в Петербурге — "Мысль", статью по социальной философии.⁷

Список моих работ, статей и книг, за время эмиграции, начиная с 1922-23 гг. — на особом листе.

Список всех работ, вышедших как отдельные книги:

1. *Теория ценности Маркса и ее значение. Критический этюд.* Москва, 1900.
2. *Философия и жизнь.* Сборник статей. СПб, "Общественная Польза", 1910.
3. *Введение в философию.* Москва 1922, изд. "Берег" и Берлин 1923, "Петрополис" (переведено на латышский, Рига).
4. *Методология общественных наук.* Москва, "Берег" 1922.
5. *Живое знание.* Сборник статей 1910-17 гг. Берлин, "Петрополис" 1923.
6. *Крушение кумиров.* Изд. "УМСА", Берлин 1923.⁸
7. *О смысле жизни.* УМСА, Париж 1925 (1926?).⁹
8. *Религия и наука.* "Евразийское издательство", 1924 (25?),¹⁰ переведена на болгарский язык.
9. *Основы марксизма,* там же 1926.
10. *"Russische Weltanschauung".* Vorträge der Kantgesellschaft. Charlottenburg 1926.¹¹
11. *Духовные основы общества.* УМСА, Париж 1928.¹²
12. *Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии.* Париж, "Дом книги" 1938. (По-немецки *Das Unergründliche*, в рукописи у д-ра Бинсвангера в Kreuzlingen).
13. *Свет во тьме.* Рукопись. Написано 1939-40.¹³
14. *С нами Бог. Три размышления.* Рукопись. 1941.¹⁴

- 1 "Психологическое направление в теории ценности".
- 2 "Русское самодержавие и итальянское общественное мнение", "Освобождение", №24, 2.6.1903.
- 3 Журнал "Полярная звезда" выходил с 15 декабря 1905 до 12 марта 1906.
- 4 "К теории конкретного познания".
- 5 1912, кн. 14.
- 6 И в тексте, и в списке работ пропущено указание на книги *Предмет знания и Душа человека* (1917).
- 7 "О задачах обобщающей социальной науки", "Мысль", №3.
- 8 1924.
- 9 "Смысл жизни", 1926.
- 10 1925.
- 11 Переведено на голландский (1932).
- 12 1930.
- 13 Издано в 1949 г. в Париже, УМСА.
- 14 Издано по-английски, Лондон, 1946.

Литература и жизнь

Валентин НИКИТИН

СТИХИ ДЛЯ МЕДИТАЦИЙ *

1

Жизнь — Божий дар, им надо дорожить,
Но смерть — узорешительница; значит,
Не привязать нам солнечный наш зайчик
На некую пленительную нить
И не поймать трепещущей рукой
Мгновение, которое прекрасно...
Но каждый час — улыбка и укор,
Но каждый день — судьбы непостоянство!

2

"Время — ребенок, играющий в шахматы":
Детские игры — мысли людские...
Кажется, бодрствуют; кажется, спящие;
Мертвые — с ними.

Двери как реки проточны в беспамятство:
Входим — одними, другими — выходим...
Души скитаются, души без паспорта,
Царствует холод.

*) Из самиздатской рукописи. Печатается без ведома автора.

Холод начальствует, властвуют числа,
Зыблются меры...
Но в изначальности Высшего Смысла
Души бессмертны!

Но в изначальности Высшего Смысла —
Тайна свободы!
Если магически властвуют числа, —
Только в природе.

Небо страшится, когда оно ясно,
Взрыва и гнева.
— Но над землею, но над пространством,
Выше, чем небо —

Запечатлеет нетленное воск:
Вечность сегодня!
Если зажечь лес понятий и слов,
Явится в пламени Имя Господне..!

3

Жизнь — между пеленками и саваном...
Мама, неужели ты проходишь?
Каждый шаг — как узелок на память;
Шаг еще — повестка-похоронка?

Узы, узелок, петля надежды —
Как ее на память ни вяжи...

В склеп ведут сутулые ступени,
Солнце превращается в желток;
С острого конца тоска тупее,
Нет воды — ни мертвой, ни живой.

И душа как будто испарилась,
Как зевок в загадочную жизнь...
О, могил магическая клинопись! —
Тайнопись... но ею не божись!

Только крест — как неподвижный маятник.
Мама, ты проходишь на Голгофу...
Но постой, набрось мгновенье памяти —
Вероники плат нерукотворный!

Пусть все моментальное трагично,
Вечность сжалась больно, до секунды, —
Мама, о тебе всю жизнь молиться:
"Талифа, — куми!.." R

4

"И зачем Ты вывел меня из чрева?.."
Иов, 10, 18.

Когда в галлюцинирующем сне
Душа вошла — купальщицей в бассейн —

Младенческую плоть не расплескав,
В рассветный час росы на лепестках, —

Она вошла, как в ножны входит меч,
Чтоб пустоту значением облечь!

Она вошла, как ей велел Господь,
Чтоб жизнь вдохнуть в бесформенную плоть!

Возникло "я" — сыновья ипостась,
Из точки огнедышащей восстав!

Возникло "я", тревожно и гадательно...
И точка разлетелась, как галактика!

И вот теперь разбита колыбель,
И тесен мир, и дух мой восскорбел.

И дни мои, все в язвах, сочтены
У заповедной огненной черты...

В плену греха вся дольняя юдоль,
Стенает тварь. Стенание доколь?

Доколе мне скорбеть и воззывать
И руки в стружьях к небу воздевать?

Я возроптал, я убежал в пустынь,
Я руки, обессилив, опустил.

Но скорбь моя — отверженная скорбь,
А тело прокаженное, как гроб!

О Боже мой, о Господи! зачем
Мне адом стал оставленный эдем?

И келья тела в гранях естества,
Как щель змеи, безумна и тесна !..

Кто притаился за косяком?..
Ворон в чехле, и сверкает копытом...
Чей это знак? — так окстись, незнаком,
Чтобы молиться!..

Как кистени, стучат по окну
Красные кисти рябины...
Зарево жизни, в глазах зарябило,
Лезвия ливня секут темноту.

Свет, облеченный в белую кость,
Бьется, как саван, гаснет во гробе.
Входит с косой наш негаданный гость,
Горестно горбясь...

В пустынь, в пустыню ли, — притворена
Дверь... так мираж возникает, оазис...
И на пороге горит купина
Огненной вязью!..

Возраст крещенский... крещенский мороз...
Ангел с крыльями заиндевелыми...
Голубь сходящий — пунктир и отвес —
И настороженно бдящие демоны...

На морозе голуби нахохлились...
Боже мой!
Божий дом
На таком неумолимом холоде.

Хоть воркуют маковки растерянно:
Воскреси!
Но кресты
Горизонту выплетены в тернии.

Сквозь оконце слюдяного дня
Идет ночь.
И невмочь
Ждать погоды, годы погоды.

Вот и небо съезжилось уже.
Как звезда.
Как слеза.
На моем растерянном лице.

Изваяны, стоят во сне деревья —
 Без памяти от жизни, от тоски;
 И кажется, ложится снег, как пепел —
 Так кружится, что глаз не отвести!

Удел живых — печаль на пепелище,
 Маячит ночь — воспоминаний страж.
 И боль все несказаннее, все тише,
 Как звезд ночных мерцающий мираж.

А снег идет, ложится белый пепел
 На черный крест, на бледный пьедестал;
 И ветер вьет! и голос безответен,
 И неизбывна верности печаль.

Снег падает безумно, неустанно,
 Ступи лишь шаг — ты на краю земли!
 Как урны в колумбарии пространства
 Деревья, грезя, замерли вдали.

Из черных ниш на перекресток взгляда
 Уже не хлопья — бабочки летят:
 То мысли мертвых, тонкие, как ладан,
 Летят сюда, в заиндевевший сад.

Судьба, страна, родное пепелище!...
 Витают тени, призраки встают.
 И снегом занесенное кладбище
 Над памятью вершит свой дивный суд.

Пульс — наручники кастаньет.
 И не лучше ли умереть?..

Чтоб на веки легко легли
 Полнолунные медяки...

Полновесные, как земля.
 Полновластные, как зола.

Бельма, брезжущие в аид
 (Непрозревшего ослепит!)...

Запредельные якоря
 Запредельного корабля.

*

Но под натиском солнечных стрел
 Оседают сугробы стен.

Жизнь — подснежник! — и рвется в синь,
 Выбиваясь из снега, из сил.

Сердце, сжавшееся в кулак,
 Сердце, сжавшееся не так,

Раскрывает ладонь, а в ней,
 Будто в ладанке, сорок дней...

И душа, не успев отлететь,
 Прогоняет усталую смерть!

Живу, — Бог милует пока.
 Родные живы, — слава Богу!
 Гляжу вперед как будто в воду
 И вижу: зреет глубина...
 Воск на поверхности — бутонем.

Как люстры, сферы надо мной.
 Горят три яруса — и выше!
 И снег как будто голубой
 Летит, как голубь почтовой,
 Но голубь белый, голубь свыше.

Окно в окне: душа и прах!
А рама мира — сумрак зыбкий...
Но глас Господень на водах
Я слышу в тихий час молитвы.
И брезжит свет в иных мирах...

10

Ты знаешь: есть тартар, и в нем
Ужасное черное солнце,
Палящее мертвым огнем...
Так что же ты
не ужаснешься?

Ты знаешь: есть радость и рай,
Мир Божий, который взыскуешь...
Ты волен в себе — выбирай!
Так что же ты
не возликуешь?!

11

Не перст, а маятник один;
Он к ступе время притирает,
Он — пест, он — пестик; гражданин,
Который час, судьба какая?

Какие вещие слова
Подскажет счастье в полнолуние,
Или кукушка, как сова
Вдруг ухнет ночью полоумно?

Ты отшатнись, но продолжай,
Не останавливайся, пестик!
Кто отшатнется, скажет: пьян, —
Но ты себя переусердствуй!

Я не хочу житья-бытья,
На житие подвигнут втайне.
Двумя движениями меня
Благослови, как бы перстами.

Благословенные персты!
Умру, как время, старовером...
Качайся, маятник, крести, —
Пока еще осталось время.

12

Рев реактивных самолетов!
Глохнут крыши — уши неба...
И дома — семейство Лота —
Замерли остолбенело.

Взвился Зверь!... Застыло солнце —
Столп недвижно соляной...
Кто же, Господи, спасется
За Твоею солей?

У кого нет начертанья
Цифры зверя на челе?
Для кого мерцает тайна —
Дверь в спасительный ковчег?

Рев реактивных самолетов
Перечеркивает тишину!
И в пруду замирает лотос,
Заглядевшийся на звезду...

И цветы, как семейство Лота,
Замирают остолбенело...
Рев реактивных самолетов!
О как раскалывается небо!

Но его не измерить лотом...

Вылетают окна!
Комнаты — гроба...
Замирает взгляд.
Летающие диски —
Летающие колокола! —
По ком они звонят?

Горизонт тернист,
Мы из рая изгнаны;
Наша кожа —
Фиговый лист:
Облеклись — как обожглись —
В кожаные ризы...

Свечи — на канон!
Все мы накануне!
Воздух накален,
Взвился Белый Конь,
Над бездной обезумев...

Вылетают окна!
Комнаты — гроба...
Свят! свят!! свят!!!
Летающие диски —
Летающие колокола —
О вечности звонят.

Сколь велика Твоя милость ко мне,
Если живу, не достоин рожденья:
Тело греховно, душа суеверна...
Сколь велика Твоя милость ко мне!

Перед Тобой простираюсь во прах,
Сохнет язык, — не достоин молиться;
Знаю: погиб... Но надеюсь на милость,
Перед Тобой простираясь во прах...

Помилуй нас, грешных, Господь!
Помилуй нас, грешных!
Уже наступает черед
Пожаров крошечных...

И в сумерках смертного дня
Дыхание дыма...
Я вижу: горят города
Неслышно, незримо.

На гребне встающей волны
Витает злой гений...
И пульс — часовой тишины —
Наш голос последний!

На папертях древних столиц
Теснимся, спасаясь...
И черное пламя стоит, —
Но лиц не касаясь!..

Предгрозовая благодать...
Предгрозовое замиранье...
Нам не дано предугадать,
Что предначертано заране.

Нам не дано предугадать,
Свобода или неизбежность:
Предгрозовая благодать,
Предгрозовая безнадежность?

Как будто в воздухе мираж
И Марса прогивостоянье...
Кто победит и смерть, и ад?
Кто осужден на отрицанье?

Кто победит и смерть, и ад —
Любовью, верой и надеждой, —
Чьи очи гением горят
И светятся преображеньем?..

17

о время! —
меч, острый с обеих сторон, —
жезл рока?
куда указывает железный Харон,
не дрогнув?

вот взмахами молний,
как веслами, — гром!
се, скоро!
армады незримые реют кругом
и близятся сроки.

но Сын Человеческий
в славе грядя
застанет ли веру?
в сердцах ослепленных
погасла звезда,
звезда Вифлеема!

небесная помощь —
в Трех Лицах Любви,
в трех времени ликах...
но связи разорваны,
предки мертвы,
а в капище — идол!

и кажется время —
языческий зверь,
младенцев ядящий...
число сего зверя
молитвой измерь —
о дне настоящим!

да явится Солнце —
божественный нимб
над бездной!
и ад обратится в светяющийся лимб
во имя надежды...!

18

Прощай, знакомая чужбина,
Где даже близкие — чужие,
Где даже для своих — не свой...
Уже поет моя сирена,
И воск задумчиво, смиренно
Ложится в уши — головой...

Зачем мне этот [неразб.]
Что сыском соевым пропах-с —
Как микрофон в булавке той?..
И без того мне на глаза
Повязка черная легла
Чешуйнокрылою совой...

И кто посмотрит в кондуит:
Куда меня препроводить?
Как Книга Судеб — тишина.
По первопутку галый след,
В глаза летит и тает снег...
Но не смущается душа!

Не слыша шума, видя смерть,
Она готова умереть —
Как то горчишное зерно;
Чтобы в нетлении восстать:
Куда ведет дорога в сад,
Где все светает, все светло...

19

Предвечный зов. И вот, пора:
Явилась странная гора,
Мое немое многоточье, —
Где маки красные горят,
Как циклопические очи...

У той горы — пути планет,
И вижу я, что смерти нет,
Но души, души над цветами!
Как звезды, сеющие свет,
Как одуванчики, — витают.

И этот свет, и этот сонм,
И ночи белые, и сон —
Сон просветленнее печали —
Хранят молчанье об ином,
Об изначальном и Начале.

... В раю сияет мысль Творца,
Что без души — то без лица!
А души всходят, как посев...

И на божественных цветах
Переливается пыльца,
Земную тягу одолев...

20

Предошущение покоя.
Как смерть легка!.. — издалека
Смотреть на небо голубое,
и как плывут в нем облака.
И в предначатии блаженства
Томится память, сердце ждет.
Но, может быть, за небом бездна
Свои объятья распахнет...

21

летальный исход — смерть!
и аггелы караулят...
единственное распутье,
Единственного — распнуть!
Конь Блед,
чернобелая клавиатура;
в черный ящик, в дальний угол
уготован путь.

— раструб — кислородной — подушки —
у губ — как игольное — ушко:

душа сквозь него улетает
в неведомый долу зенит!..
а тело, как белая нить, —
на острие красном в тумане...

и тает, червленно-черна,
канва, распадаясь в наперстке,
и синие черепа
ложатся на желтые доски,

бьет гонг в частоколе оград,
кладбищенский ветер над нами!
и бич, и чума, и летят
летучие мыши, рыдая...

так души уходят в эфир,
и тени их падают навзничь,
и жизнь свои веки, как Вий,
не может поднять, испугавшись!

И корчится знамя костра,
и юрко блестят саламандры...

но чудно стоят соборяне,
змею попирает Архангел,
и радость победы близка...

22

лучи уходят в кривизну,
но не дробятся на осколки,
и наша жизнь — как месяц тонкий,
где верх колеблется внизу...

в неизмеримости небес
восходят чьи-то лики, лица...
в неисследимости — Бог весть! —
нам кажется, что это снится.

но вспыхнет полная луна!
и на незримой амальгаме
запечатленные тела
взойдут над новыми мирами!..

23

надгробное смолкло рыданье,
Я вновь в немерцающем свете.
Как долго я ждал отпеванья —
Всю жизнь, от рожденья до смерти!

И легкость моя и веселость
Под белую ризой страданья...
Но боль отошла в невесомость,
А к плачущим — воспоминанье.

24

Плывет ковчег библиотеки...
И саркофаги-картотеки
Как в пирамидах фараонов
Во время оно...

Мы — книги — мумии — смиренно
Лежим в музейной тишине.
А над землей гудит сирена —
Отважный страха корифей!

Гремят пожарники, режутся
И раздувают угольки...
Смерть отправляет в резервацию —
Не угодить.

Судьбы данайские дары
Грозят непостижимой смутой...

Но вечность грезится нам смутно,
Огнеупорен жизни киль!

Тогда развернется земля
И лопнут, как стручки, могилы
И упадут на небеса
Земного тяготенья гири.

Тогда свершится! а пока
Еще не Суд, еще не Вече:
Земля — неведомый корабль,
Его на якорь ставит вечность.

Еще пробьет вселенский час!
А в час урочный, в час кочевья
Лишь стены храма — пояс, нас
Соединяющий в ковчеге...

ТРИПТИХ ПАМЯТИ Н. Ф. ФЕДОРОВА († 1903)

1 ВОСКРЕШЕНИЕ (ALTER EGO)

Потомок мой, воссозданный из колбы,
Что плоть твоя? — фантом или муляж?
Такое воскрешение — мираж,
Господь сказал: оставьте мертвым мертвых.

Ты будешь воскрешен, но не воскреснешь;
Что плоть твоя? — двойник и лицедей! —
У куклы нет ни лиц, и ни идей,
Ее потуги — лживый трепет вещи...

Ты лег костями, но без души восстал,
Как фараон, сей кокон пирамиды;
Не для тебя сады Семирамиды,
Науки огнедышащей вассал!

Ход естества нарушен все сильней,
Бездушный слепок — склеп для духов злобы,
Их — легион! — они войдут в фантомы,
Как в стадо обезумевших свиней...

Плачь и молись, чтобы Господь помог
Твоей стране, державе Гадаринской,
Где зверь встает, где человекобог
Являет знаки силы сатанинской.

... А ось земли не сдвинулась пока
И тленное еще не отгорело...
Витает призрак, чудный призрак дела;
Но страшные провидятся дела...

2
ВОСКРЕСЕНИЕ

ветер веет прах,
ветер, вертопрах!
реет прах как порох
на похоронах...

и на лице мертвеца
огнецветная пыльца,
хоть незримы для землян
одуванчики семян.

так и в солнечном луче
ангел робкий и ничей
у заброшенных могил
даже в ладане незрим.

только птицы и цветы
видят мертвых в час росы,
видят ангелов, когда
над могилами кадят...

и в былинке скрыт росток —
скрыт таинственно, как взрыв
в каждом атоме, как смысл
в глубине библейских строк...

одуванчики семян —
первообразы семей —
стынут в мареве крестов...

ей, гряди!
грядет Христос!..

смерть — бессмертия горнило,
с Неба грянула труба,
разверзаются могилы,
раскрываются гроба...

3
ВОЗНЕСЕНИЕ

крыл серафимов
тающий трепет,
свечи...

в сфере эфирной,
в славе нетленной —
в вечность!

мороки мрака,
мертвую нежить —
в небыль!

рядные маки
луковиц млечных —
к небу!

о аллилуйя!
небо ликует,
кануло время...

рай одесную!
неописуем —
верю!

не узаконить
уз тяготенья, —
рухнут!

огненность духа
в Духе взыскаю, —
к Духу!..

***

Боже мой, неужели весна?
Но пока не отхлынули воды,
Я боюсь, что за ними беда, —
Как за крышами прячется город,
Как над гробом смеется звезда...

Хоть закладками кладбищ листы
Заворожены... это не диво!
Отче наш,
                  сущий на Небеси,
Отче наш, Ты живых воскреси! —
Воскрешат тогда мертвых живые...

ПРИМЕЧАНИЕ

Об авторе известно немного. В рукописи сказано, что он 1947 г. рождения, сотрудник *Студенческого меридиана*, журнала ЦК ВЛКСМ, автор статьи о Л. Толстом и Н. Федорове в *Прометее*, №12. В настоящее время под той же фамилией появляются статьи и заметки в *Журнале Московской Патриархии*.

А. СОЛЖЕНИЦЫН

КРАСНОЕ КОЛЕСО

Из Узла III

«МАРТ СЕМНАДЦАТОГО»

(27 февраля)

144

Не успел Саша осмотреться в диковинной обстановке входного зала дворца, где связки ручных гранат лежали подле боченков с се-ледками, ящиков с яйцами, но этой необычности больше всего и радуюсь, она-то и была верный признак революции! — как к нему направился маленький, сухой, безбровый, заостренный — Гиммер! — вот так удача! Пригодилось знакомство!

Узнал:

— А-а... Ясный! — оживленно принял его. И повел, и повел его по коридору, довольно многолюдному — куда? — в штаб обороны!

Штаб Обороны? Ну не мог Саша попасть центральной! Чего еще может желать в революции сердце! Он вошел в эту комнату с сияющими глазами, даже мурашки по спине — от сбывшейся невозможности!

Это была просторная комната под сверкающей люстрой, кабинет кого-то значительного, дубовый письменный стол, а на других столах и креслах бархат, — а в комнате всего несколько человек — один моряк, лейтенант, один пехотный прапорщик, четверо солдат с винтовками в шинелях и неснятых папахах, в таком тепле, — и один штатский в поношенном пиджаке, с кислым, тяжелым лицом. (Сашу толкнуло предчувствие, что это — революционер, только что вышедший из подполья). И именно он оказался здесь старший. Гиммер указал ему Сашу, а после двух-трех сашиних ответов и ушел.

Масловский требовательно смотрел и спрашивал: из какой части и есть ли у него в повиновении солдаты. Разочаровался, что из учреждения, но обрадовался, что солдаты — есть, человек 15, и все тут. (Саша отвечал уверенно, но вспоминая случайность своей гурьбы, не мог бы поручиться, что через полчаса они еще будут перед дворцом).

А еще из принадлежностей штаба был у них план Петербурга, неаккуратно вырванный из справочника и разложенный на столе в ярком месте. Сидели как попало вокруг, и Масловский спрашивал того прапорщика, а потом солдат, а потом и Сашу, что они знают о расположении воинских сил в городе.

И Саша, который бывал же в армейской обстановке, все-таки видел, как офицеры работают по картам, как наносится боевое расположение, — вдруг испытал к этому *штабу* — жалость и гордость. Жалость, что революция должна начинать с такой ничтожности: вырванный гражданский план, никаких цветных карандашей, планшетных досок, измерителей, штаб — на уровне солдат и прапорщиков, и ни один присутствующий не может толком сказать ни об одной неприятельской части, а о своих — всем известно, что рассыпались и их не существует, — а во главе их всех не полковник и даже не офицер, а — штатский. Но гордость: что они и с этим возьмутся начать — и еще смотри победы! Что Революция — нарушает все правила, она — хулиганка, ей дозволено недозволенное, даже невежественное, — и все равно она победит, такова инерция истории!

Тут вошли и выкликнули солдат на заседание Совета депутатов — они, оказывается, и пришли ни в какой не штаб обороны, их ткнули сюда временно для разговора, — а теперь пошли на Совет.

Только что удивлялся Саша, что набран штаб из солдат — а вот уже и солдат не стало.

И осталось их четверо, а из оружия — три револьвера да две шашки, на лейтенанте Филипповском не было и кортика, зато оказался он давний эсер и даже из боевой организации, Сашу очень к нему повлекло. А прапорщик был какой-то совсем глупенький и даже не петроградский, он только сегодня с поезда, ехал из Вологды и попал во всю эту кашу, никого ничего здесь не знал, но готов был участвовать.

Оттого что их так мало теперь осталось, Масловский и Филипповский не отъединились от них, а обсуждали вслух тут же, что ж была за обстановка. Обстановка получалась такая: движением совершенно не затронут Васильевский остров, занятый Финляндским батальоном, — и не принято никаких мер к разложению его. Петербургская сторона только начинает осваиваться. На Выборгской стороне сопротивляется самокатный батальон. По всему остальному городу положение вполне неясное. Все казаки, и 9-й конный полк, и гвардейский экипаж, и семеновцы, — у себя в казармах, пока нейтральны, но могут выступить в любую минуту на любой стороне, да если выступят — то против нас, потому что за нас только те части, которые отказались повиноваться, рассыпались, — и, значит, больше не существуют. Все *наши* войска — не существуют. Петропавловская крепость занята правительственными войсками, ее пушки наведены, но пока не стреляют. Ни об одном военном училище не известно ничего — и все они могут выступить против, вероятней ожидать так. Какие-то войска днем строились у Зимнего дворца — значит, они хабаловские, все кто в строю — уже не наши, у наших строя нет. Вообще силы Хабалова абсолютно неизвестны, они собраны где-то в центре города, намерения их неизвестны. Днем они пытались продвигаться по Литейному, но продвижение их задержали толпы, в толпы они стрелять не решались, и их заглохило. Но сейчас с темнотой толпы уже расходятся, улицы очищаются, — и у нас не остается никакой защиты, и противник очевидно перейдет в решающее наступление. С нашими солдатами мы не защитимся, мы их просто не сумеем построить, да их, очевидно, от Таврического и отвести нельзя, они не пойдут. Уж тем более у нас нет ни конницы, ни действующей артиллерии, есть пушки для украшения, четыре пулемета — не могут стрелять без глицерина — и нет никакой ни с кем связи кроме городского телефона. Телефонная станция на Морской хотя и в руках хабаловцев, и под самым их штабом, но, удивительно, отвечает на все вызовы Таврического! Вероятно потому они так делают, что подслушивают нас. Они могли бы выключить всю сеть — и мы вообще стали бы слепы и разъединены, — а у них-то для связи остаются военно-полицейские провода на отдельных столбах. Наконец, у кого все южные вокзалы, что на них делается — тоже неизвестно, в любую минуту там могут выгружаться царские войска, а мы не только бессильны препятствовать, но даже ничего не узнаем.

Положение было — вполне катастрофическое, по правилам обычных войн в пору было — просто разбегаться, пока не захватили и не повесили их самих. Но Революция — хулиганка! Саша испытал даже дикую радость, что все так плохо, это — как музыка была зовущая, есть какое-то особенное веселье — веселиться не от хорошего, а от плохого: перевеселиться катастрофу — и победить ее! Он-то — полдня сегодня воевал, и побеждал, и знал уже воздух улиц, — этот воздух и был за них, хотя и не размечается на военных картах.

— Вы разрешите — ходить? — спросил он у старших, и стал нервно ходить, хотя и не курил, он в движении этом, по ковру, уже зашлепанному солдатскими оттаявшими сапогами, предвидел что-то найти. Вот будет юмор, если он придумает сейчас спасение!

Тут вбежал другой подвижный штатский и привел им еще одного пехотного прапорщика, а заодно сообщил, что в сквер въехал броневик, находится в их распоряжении.

Вот! броневик! Дела поправлялись.

Но новый прапорщик — ничего им не помог, он не знал, где какие части. А вологодский и даже ни одной петроградской улицы не знал. Черта с такой помощи и с таких прапорщиков.

Филипповский курил над картой, а Масловский не курил, как и Ленартович, но тоже стал нервно ходить.

— Тебе, — сказал он Филипповскому, — поручим защиту Таврического. Надо как-то эти противоаэропланные пулеметы привести в порядок, да как-то расставить. А то — налетят!

Филипповский дымил, дымил над штатской картой.

— Надо будет собрать охотников из солдат перед дворцом — и пойти двумя командами на Николаевский и Царскосельский вокзал, если не занимать, то для разведки. Двое из вас пойдут, — говорил Масловский.

Что ж, это чудесная задача — занять целый большой столичный вокзал! Саша подтверждал, что готов идти, но... но... Он искал, вот уже близилась, крутилась в голове какая-то еще более великая задача.

А Масловский — за это время как-то подтянулся. Настроился. Остановился у мраморного камина. Будто прислушался. Одной рукой держался за полку, другою стал помогать своим рассуждениям:

— Вся сила — конечно, на стороне Хабалова. На нашей — одна революционная атмосфера. Но именно тут он и проигрывает! Потому что он — колода, и не знает опыта революций. Он концентрирует свои войска в самом центре города — это ошибка! Столица — всегда пылает революционной атмосферой, и здесь его войска рассыпятся! Опыт революций показывает, что правительственные войска побеждают тогда, когда вырываются из заразной зоны столицы — и потом обкладывают ее или во всяком случае наступают извне.

Так удачно он это высказал, такая создалась красивая, умная минута: и все теряется от промедления — и хочется поговорить! от этого напряжения постигла Сашу догадка, хотя кажется и связи тут не было. Он резко остановился посреди кабинета, повернулся к Масловскому и сказал звонко, гордо, сам отчетливо ощущая свой тон:

— Скажите, а где же находится так называемое правительство? Почему мы его нигде не чувствуем?

— В Мариинском дворце, — ответил Масловский.

Ответил, а ничего у него не родилось! И Филипповский поднял глаза в дым — еще не охватил.

— Так дайте мне броневик, и еще грузовик! — вскричал Саша радостным постижением, чтоб только никто раньше этого не высказал. — И я возьму свою команду и еще наберу охотников — и поеду арестую правительство! Или — разгоню его к чертям!

Все смотрели на него с изумлением. Но и с растущим уважением.

— Но вокруг Мариинского вероятно крепкая защита.

— Если крепкая защита — постреляю, попугаю и уеду. Но я сегодня целый день на улицах и уже несколько зданий взял! Я убедился, что это очень легко! Что защитники старого строя сдаются в одну минуту!

Да еще несомненное: нападение — лучший способ обороны! Раз у нас все так плохо, незащитимо — так наступаем!!!

Ну что ж? Ну что ж. — Переглянулись, подумали. — Ну что ж! Если вы предлагаете сами, если вы к этому готовы...

Саша — сейчас был готов ко всему! За сегодняшний день он понял сладость действия. И не боялся — нисколько. Да тот, кто смело действует, — совсем и не находится в самой большой опасности.

Правда, с броневиком он никогда в жизни дела не имел. Но он почти и ни с чем в армии дела не имел. Это все — освоится.

Главное — дерзость, мгновенность, сейчас — и ехать, сейчас и схватить, пока они этого не ожидают. Арестовать правительство — и кто у них останется? Один Хабалов?

Мысль все больше нравилась. Но, кажется, колебался Масловский, по силам ли прапорщику арестовать правительство?

Вдруг — раскрылась дверь, и никем не представляемый, сам вошел блистательный, с отличной выправкой, звеня шпорами, отстукивая сапогами, и доложил:

— Ротмистр Сосновский, гусарского полка! Отдаю себя в распоряжение революции!

И перед кем? перед младшими, перед штатскими — еще задержался в отлично откинутой чести, поражая их.

Все вскочили. Все сразу почувствовали природного военного! Начинало, начинало переходить царское офицерство!

Знакомились, все за руку. И какой симпатичный! — пушистые белые усы, живые остроумные глаза, роскошные руды голоса, веселая манера говорить, — просто очаровал и подбодрил их всех.

И Масловский, не теряя времени, предложил ему возглавить экспедицию на Мариинский дворец.

И Саша даже ничуть не обиделся: такое подчинение — по праву, и даже насколько легче ему будет с оружием и с распоряжениями. Да вот уж от чего он был ну совершенно свободен, это от какого-нибудь тщеславия, я или не я, кто старший. Он испытывал никогда не знаемую радость — служить, полностью отдавшись, ничего для себя.

Для себя — хоть смерть. Нет красивее смерти, чем в революцию.

Быстро распределили: Сосновский с Ленартовичем берут броневик, два грузовых автомобиля, набирают солдат — и едут штурмовать Мариинский дворец. А два прапорщика, если наберут себе охотников в команды, — едут на Николаевский и Царскосельский вокзалы, тоже в автомобилях, автомобили близ дворца стоят какие-то.

А еще из кого-нибудь собрать бы разведку в сторону телефонной станции и штаба Хабалова?

Сосновский и Ленартович дружно крупно зашагали по коридору. Саша наслаждался этой ровностью их движений, наслаждался,

что нравится всем, что он у дела, что — настоящий военный и именно потому причастен к событиям. А Сосновский — какую-то несдержанную шуточку отпустил по поводу курсистки, промелькнувшей мимо них, даже протянул руку к ней, задержать. (Вот уж, гусар, нашел время).

Снаружи, в сквере, еще сгустилось автомобилей и солдат, и разведено было несколько костров. Нашли они предназначенный броневик. Шофер броневика сразу согласился ехать, а шофер грузового требовал письменного распоряжения от депутата Керенского. Нашли другого, кто согласился без письменного.

Саша стал кричать "моя команда!", пошел к тому месту, где их оставил, там были другие, но не свои. Тогда он стал ходить от костра к костру и выкрикивать просто добровольцев на операцию, разумеется, не называя какую. Сразу не шли, спрашивали: пешком или на моторе? Узнав, что на моторе, — некоторые покидали костры и шли за ним. Один закричал: "только я на крыле!", и второй: "и я на крыле!", — значит, почетно лежать на неудобном крыле, высунув штык вперед.

Перед посадкой Сосновский еще раз и совсем уже не к месту сказал какую-то пошлость на женскую тему, так вольно, что Сашу покорило.

Но от этого недостойного повода вдруг толкнулась его мысль к Ликоне. И садясь рядом с шофером, уже под заведенный рычащий мотор, с дюжиной солдат за спиной в кузове и перед тем, как рвануть с места, он подумал о Ликоне с новым чувством: не в том унижительном уговаривании, как проходили их последние встречи, но с властным чувством права: он выбрал ее — и будет она его! по его воле, а не по своей!

Нет, что-то замечательное есть в войне! Революционной, конечно.

СПОР ВОКРУГ В. НАБОКОВА И "РОМАНА С КОКАИНОМ"

"Опубликованный манускрипт, как говорил Свифт, становится похож на публичную женщину. Однажды, еще в России, я дал Лиде прочесть одну вещьцу в рукописи, сказав, что сочинил знакомый, — Лиди нашла, что скучно".

"Ведь в самом деле: пускай читатель пред- ставит себе положение человека, живущего под таким-то именем не потому, что другого пас- порта..."

Отчаяние (1934-36)

Статья, в которой мы раскрыли тайну Агеевского псевдонима,¹ вызвала, как и следовало ожидать, немало разнородных откликов: одобрительных (Ю. Кублановский),² ни то ни сё (Д. Савицкий,³ Р. Сорин⁴) и отрицательных.

Первенство опровержения принадлежит кн. Зинаиде Шаховской (автору единственной русской книги о Набокове), заявившей по памяти, что *Роман с кокаином* — антинабоковский на том основа- нии, что Набоков был не москвичом, да не из мещанской, а из бога- той дворянской, барской семьи.

Позже, отвечая Ю. Кублановскому, выступила и вдова писателя, Вера Набокова, но не со слов мужа, от него она о романе ничего не слыхала, а по трем основным соображениям: Набоков "в Москве никогда не был", "в жизни своей никогда не касался кокаина (ни

¹ См. "Вестник" № 144.

² "Русская Мысль" от 15 ноября 1985.

³ Там же. Савицкий считает, что Агеев восходит одновременно к Дос- тоевскому и к Прусту, но как раз этих двух авторов неизменно упоминают, когда пишут об истоках набоковского творчества!

⁴ Парижская газета "Le Matin" от 16 августа 1985. Другая парижская газета, "Libération" от 26 дек. 1985, посвятила в свою очередь этому вопросу целых четыре страницы, но весьма путаных и сбивчивых. Ряд интересных сведений и наблюдений соседствуют с чистым журналистическим бредом: так, выдумка, якобы идущая из Москвы от ГБ, что автором романа мог быть парижский книготорговец М.С. Каплан (1893-1979), совершенно неспособ- ный ни на какое писательство (кстати, он описан Набоковым под фамилией Оксман и с изменением некоторых реалий в *Look at the Harlequins*, стр. 76-81).

каких-либо других наркотиков) и писал, в отличие от Агеева, на великолепном, чистом и правильном петербургском русском языке".⁵ (См. "Приложение").

Неужели писатель должен непременно жить в городах, где происходит действие его произведений? Неужели он должен само- лично пройти через все ситуации, которые изображает? Ведь не по собственным переживаниям Набоков описал медленное схождение с ума шахматиста Лужина, ряд двусмысленных любовных положе- ний или отвратительных убийств?

У Набокова, как у всякого писателя, велика доля автобиогра- фичности, но он не был бы настоящим писателем, если недостающее в личном опыте не восполнял бы документацией, интуицией, фанта- зией, "повышенным воображением".

Мы уже писали, что и в *Романе с кокаином*, и в *Паршивом на- роде* тем более, Москва не описана, а всего лишь намечена, служит местом действия, а не средой, обуславливающей персонажи. Пре- вратив проспекты в бульвары, Невский в Тверскую, упомянув о Яре и о Гоголевском памятнике (тот минимум, что каждый знает о Москве), Набоков всего лишь придал большому городу самые общие московские реалии.

Но если принять гипотезу литературного обмана, должен же был Набоков себя замаскировать, особенно, что в *Романе с кокаи- ном* немало автобиографичности.

З. Шаховская ошибается, когда приписывает герою *Романа с кокаином* мещанское происхождение. Вадим Масленников, сын овдовевшей и обедневшей дворянки (при которой продолжает жить нянька), учится в дорогой и по составу своему отнюдь не мещанской гимназии. Наша догадка, что эта гимназия списана с Тенишевского училища, в котором учился Набоков, получила полное себе подтверждение, когда мы ознакомились с устными воспоминаниями Набокова, выуженными у него его биографом Эндрю Филдом.⁶ Головкой класса, вспоминает Набоков, был

⁵ "Русская Мысль" от 13 декабря 1985.

Четвертое соображение: Набоков в "Числах", ему нагрубивших, не печатался, мы оставляем без внимания: печатаясь под псевдонимом, Набоков "Чисел" не украшал, а ловил их на непоследовательности. К тому же неиз- вестно, кому была прислана рукопись.

⁶ Мы пользовались французским переводом книги Andrew Field : *Vladimir Nabokov. Toute une vie ou presque*. Paris 1982, p. 130-133. По-англий- ски книга вышла в 1975.

богатый еврей Самуил Розов; ему противостоял не менее богатый сын владельца транспортной компании, некий П... Вспоминает Набоков также милого толстяка армянина, ленивого и обаятельного Савелия Киянджунцева... Не нужно быть слишком угадчивым, чтобы распознать в этих соклассниках тройку учеников, описанных в *Романе с кокаином*: здесь "головку класса" держит еврей Штейн, сын богатого меховщика, живший "во дворце с мраморными лестницами" (хорошо мешанство!), после революции, как и Розов, уехавший за границу; его по временам "допекает" русский ухарь, простоватый и развратный Егоров (Яг), сын казанского предпринимателя; их обоих оттеняет рослый, добрый армянин Такаджиев, бездельник и вечный троечник... Добавим, что среди одноклассников Набокова были и такие, которые стали после революции комиссарами (как Буркевиц романа); что директор Тенишевского училища был немец (Герман Линстер), которого Набоков мало уважал: в романе же высмеян директор-немец — Рихард Себастьянович Кейман.⁷

Мы охотно верим, что Набоков наркотиков никогда не касался, и уж, во всяком случае, ими не злоупотреблял: совершенно очевидно, что *Роман с кокаином* написан не разрушенным кокаином, сошедшим с ума (каким рисуют обыкновенно Марко Леви), а человеком, обладающим полным контролем над своим повышенным воображением.

Тем не менее тема кокаина занимала Набокова с самого начала его творческого пути. В раннем рассказе *Случайность* — случайно ли напрочь забытом Набоковым, пока его в 70 годах не разыскал тот же Эндрю Филд⁸ — изображается самоубийство кокаиниста:

⁷ Типично набоковская ономастическая издевка: директору приданы имя Вагнера и отчество по второму имени Баха.

⁸ Впервые рассказ *Случайность* был напечатан в рижской газете "Сегодня" от 22 июня 1924 г. Затем он был перепечатан в альманахе "Часть речи", №1, 1980, стр. 194-203, с кратким предисловием В. Набокова от 31 декабря 1974 г. "Рассказ этот, — пишет Набоков, — был отвергнут... в Берлине ежедневной эмигрантской газетой "Руль" ("Мы не печатаем анекдотов о кокаинистах" — заявил редактор) ... и был послан с моим близким другом и замечательным писателем Иваном Лукашем в рижскую газету "Сегодня", ... о чем я бы никогда не вспомнил, если бы этот рассказ не обнаружил Эндрю Филд несколько лет назад".

Алексей Львович Лужин, разлученный с женой, оставшейся в России, служит лакеем в столовой германского экспресса. Жизнь его опустошилась. Он не знает, что в том же поезде едет наконец его жена, и, после последней "понюшки", кончает с собой.⁹ В рассказе единственная предсмертная "понюшка" описана кратко (15 строк), но примерно в тех же выражениях, что и в *Романе с кокаином*. Лужин живет, как "на железных качелях", у Масленникова — и жизнь, и философия определяются качелями; "падения и взмахи" у Лужина, у Масленникова — резкие колебания блаженства и ясности в моменты опьянения, злобы и отчаяния в моменты отрезвления.

Но и сама техника "понюхона" описана одинаково. Правда, в разветвленном романе каждый нюхает порошок по-своему: кто через трубочку, кто с тупой стороны зубочистки, кто с "тыловой стороны ладони". В рассказе Лужин "в уборной поезда, осторожно рассчитывая толчки, высypал холмик порошка на ноготь большого пальца, быстро и жадно приложил его к одной ноздре, к другой, втянул, ударом языка слизнул с ногтя искристую пыль, пожмурился от ее упругой горечи и вышел из уборной пьяный, бодрый — голова наливалась блаженным ледяным воздухом". В романе Зандер "приблизил к горке кокаина нос и, не соприкасая его с порошком, перекосив рот, чтобы зашипнуть другую ноздрю, шумно потянул воздух. Горка с руки исчезла. То же самое он проделал и с другой ноздрей ... При этом с отвращением морщась, шибко высунув язык, несколько раз облизал то место руки, на которой ссыпал и, наконец, заметив, что из носа выпала на стол пушинка, он склонился и лизнул стол". Только ли совпадение? С 1924 г. Набоков уже все знал про то, как нюхают кокаин.

Кокаин, случайными замечаниями или сравнениями, присутствует по крайней мере в четырех романах Набокова: в *Король, дама, валет* (1928), (далее — *КДВ*), упоминается дважды: "конечно есть кабачки ..., вроде тех, которые торгуют кокаином" (стр. 161) и "... словно после благодушной понюшки почихивал". В *Камере обскура* (1932), (далее — *К. об.*), главный герой Кречмар с трудом

⁹ Характерно это кочевание фамилии героя от рассказа 1924 г. к роману 1929 г., где Лужин до последней строки лишен и имени и отчества. Не расстроился ли "забытый" рассказ: кокаин перешел к студенту Вадиму Масленникову, самоубийство к шахматисту Лужину, не встреча с приезжающей из СССР бывшей возлюбленной — к Ганину из *Машеньки*?

двигал "одеревеневшими, как от кокаина, губами" (стр. 199). В *Отчаянии* (1936), (далее — *Отч.*) двойник Германа "с душой, как скрипка, занимался воровством, подлогами, нюхал кокаин и наконец совершил убийство" (стр. 132). И последнее упоминание в итоговом *Look at the Harlequins* (1974): "The cloud of his breath gave off an odd chemical smell, I had once tried sniffing cocaine (which only made me throw up), but this was some other drug". Кто знает, не имеем ли мы здесь — "я однажды пробовал нюхать кокаин, но от него меня только вырвало" — некое автопризнание? Впрочем, художнику саморазрушения человека (через любовь, страсть, игру) кокаин представлял богатое поле наблюдения, без какого-либо к нему прикосновения. Напомним, что в годы, когда писался *Роман с кокаином* (1932-33?), кокаин свирепствовал в среде русской литературной богемы, а в 1935 г. привел к смерти, от случайной или сознательно принятой излишней дозы, одного из самых талантливых ее представителей, поэта Б. Поплавского.

Вера Набокова (а за ней и Д. Савицкий) считает, что слабость русского языка в *Романе с кокаином* (далее — *Р.К.*) выявляется в первую очередь "по слову *шибко*, слову, совершенно недопустимому в серьезном литературном произведении". Но если так, то к несерьезным произведениям придется отнести и *Машеньку*: "выкидывал ноги все шибче" (стр. 152), и *Отчаяние*: "пойдем чуточку шибче" (стр. 61), и *Приглашение на казнь*: "дети вертелись шибче" (стр. 37), и *Дар*: "Дождь полил шибче" (стр. 31), и рассказы *Лебеда*: "но ходил все же весьма шибко" (стр. 106), и *Облако, озеро, башня*, где "паровоз, шибко-шибко работая локтями, бежал...", и *Лик*: "ехать как можно шибче" — чуть ли не все творчество Набокова!

Справедливость требует признать, что в *Романе с кокаином* слово *шибко/шибче* употреблено с нарочитой учащенностью. Но 24-кратное употребление этого многогранного слова, означающего одновременно быстро, сильно, споро, говорит не о незнании языка, а о придуманном и продуманном приеме выжать из слова все возможные его оттенки.¹⁰ Повтор образов и слов — характерная черта набоковского письма.

¹⁰ 1. шибко пахло кухней (стр.7). 2. Я отклеил от ее талии шибко ноющую в плече руку (14). 3. Она шибко теребила сумочку (16). 4. когда

Упреки в стилистических и грамматических промахах в *Романе с кокаином* восходят к пространной рецензии, написанной В. Ходасевичем (1886-1939) в газете "Возрождение", где он был присяжным критиком с 1922 г.¹¹

Ходасевич снисходительно хвалит молодого автора за искренность исповеди, но отмечает два "тяжелых дефекта": погрешности против языка и плохое построение романа. Перечень промахов, приводимых Ходасевичем, нас несколько удивляет. Мы не видим никаких вопиющих неправильностей в таких оригинальных, даже ярких выражениях, как: "Мать одиноко стояла в сторонке в своей облысевшей шубенке" (перенос качества, свойственного человеку, на вещи — типичный набоковский прием; к тому же здесь ритмически трехдольник); "мне уже желалось только одного" (безличными предложениями Набоков пользуется широко: ср. в *Даре* "площадь высылакошило" (стр. 312); "вскочивший на носу чирь" (чем это плохо?); "свершить событие"; "у него была болезнь дрожать головой" (эллиптическое построение, а как сказать иначе?); "я натуживаю свою волю" (почему бы и нет? натуга, туго — одно из излюбленных слов Набокова). Ходасевич не одобряет употребления слова "шибко", не нравится ему и творческое словообразование "звенение рубля" (для начинающего автора, конечно, слишком смело, но как бы отнесся Ходасевич к "неистовому шерошению

Егоров стал шибко допекать (27). 5. шибко стучал ребром своего кулака (27). 6. горит спокойным и шибким огнем (32). 7. под шибко натянутое сукно (49). 8. шибко дернув (49). 9. шибко опускающийся и поднимающийся золотой молоток креста (52). 10. пролетка имела в мою сторону шибкий крен (62). 11. в моей голове шибко дрожала водка (65). 12. лицо сразу шибко смякло (67). 13. шибко пьяным (67). 14. в холодном состоянии шибче пьянит (68). 15. шибко трясающейся рукой (78). 16. шибко греющее тело (82). 17. шибко расплющенного пальца (107). 18. шибкий мороз (110). 19. шибко высунув язык (119). 20. такого шибкого яда (123). 21. настолько шибко весь я натянут (125). 22. шибко зазбило (126). 23. шибче каменею (129). 24. шибко смерз (159).

¹¹ Эта статья позволяет уточнить дату первого издания полного текста *Романа с кокаином*. Она напечатана в номере от 9 января 1937, значит роман появился ранее этой даты, вероятно осенью 1936 г. Предполагаемый автор, (а, по-нашему, в лучшем случае, передатчик романа) Марко Леви умер в Константинополе в феврале 1936 г. Странно, что издатели, пометившие "копирайт автора", об этой смерти не были уведомлены. А самое первое напечатание глав романа восходит не к последнему номеру "Чисел", а к еженедельнику "Иллюстрированная жизнь" (№№ 1-17, от 15-го марта до 5-го июля 1934 г.).

бумаги”, если бы оно ему попало не под подписью Сирина, (*Отч.*, стр. 126), а у молодого (всегда порок!) и безвестного (еще хуже!) Агеева. Ходасевич, а за ним Вера Набокова, считают промахом глагол “использовывать”, хотя и его следует отнести к словотворчеству: глагол несовершенного вида “использовать” не имеет совершенного напарника (у “пользовать” остался лишь смысл “врачевать”), почему не создать его по всем правилам суффиксального образования? Использовать, особенно в контексте: “мои слова заполняли время, но не использовали его” (стр. 89), нам кажется куда законнее и нужнее, чем “граживать” от уже несовершенного “грозить” (*Дар*, стр. 71) и при наличии другого несовершенного “угрожать”.

Более справедливо, на первый взгляд, порицает Ходасевич удвоение частицы *бы*: “Если бы Иванов был бы...”, но при ближайшем рассмотрении очевидно, что “быбыкание” не случайная оплошность, пропущенная корректором (ведь автор не держал корректуры), а сознательный прием, передающий спотыкания внутреннего монолога (в исповеди “кокаиниста” Масленникова удвоение частицы *бы* встречается раз десять, если не больше). Но ту же сознательную неправильность мы находим в исповеди Германа Карловича, героя *Отчаяния*: “убийцей в нем должен был бы оказаться... сам доктор Ватсон — чтобы Ватсон был бы, так сказать, виноватсон” (стр. 117).

На примере Ходасевича (к его статье мы еще вернемся) оправдалась неоднократно обличенная Набоковым предубежденность критики, когда она имеет дело с “безымянным”, а тем более еще и “молодым” писателем: она к нему куда придиричливее, чем к писателям с именем. Не отметил же Ходасевич как кричащую погрешность такой неправильно-вольный оборот в *Камера обскура*, как: “этого больше не повторилось”.

Итак, мнимые погрешности Агеева лишь сближают мнимого автора с его знаменитым двойником.

Вопрос погрешностей приводит нас к более общей характеристике набоковского языка. Утверждение Веры Набоковой, что ее муж писал чистым, правильным петербургским языком — плод недоразумения: такого языка попросту не существует. В русской прозе Набоков вне сомнения стилист высшей пробы, но он далеко не классик, а модернист-экспериментатор. Языковой генезис его еще мало изучен: как нам кажется, в Набокове скрестились два

влияния: традиционное — Бунина и новаторское — Белого. Длинные, умело сбалансированные периоды восходят к автору *Деревни* и *Господина из Сан-Франциско*, а динамика, смещенность перспективы, звуковая красочная обостренность непосредственно к *Петербургу* Белого: об этом романе Набоков высоко отзывался: “*excellent*”. Стихи Набокова приглажены и сдержаны, но проза его изобилует частыми неожиданными сравнениями (“словно”, “будто”, “как”) и смелыми метафорами, неологизмами, иностранными словами, каламбурами и даже нарочитыми неправильностями. Да и сам Набоков заявлял о праве на неправильность. Рассерженный придирами одной англичанки к его собственному переводу на английский романа *Отчаяние*, Набоков писал жене (привожу в обратном переводе с французского): “Весь этот хлам не имеет ни малейшего значения. Любой русский читатель отметит не меньшее количество мелких погрешностей в любой странице моих русских романов...”¹²

И действительно, если не любой читатель, то по крайней мере все, даже самые сочувствующие Сирину критики, бранили его “за отдельные спорные и неудачные выражения” (М. Осоргин о *Машеньке*), за “несколько фальшиво-звучащих, угловатых словечек” (Ал. Новик о *Защите Лужина*). Михаил Цетлин, в рецензии на *Подвиг*, не одобрял излишек метафоризации: “Когда Набоков пишет, что “в комнате Сони стояло облако пудры, как после выстрела”, это хорошо и убеждает читателя. Но когда он хочет использовать победу и прибавляет, что “лежал наповал убитый чулок”, это хотя и образно, но ненужно, а “вышавшие на ковер разноцветные внутренности шкафа” уже граничат с безвкусицей”.

Д. Савицкий считает, что разговор Вадима с Соней¹³ отдает безвкусицей, недостойной Набокова, но здесь он дважды попадает пальцем в небо.

Налет безвкусицы у Набокова-фокусника — неизбежен (когда прием становится самоцелью, он неизбежно вырождается), но в данном случае мы имеем дело не с прямой речью автора, и даже не с записками героя, а еще и с третьей “точкой зрения”: разговор этот юмористически-пародийный, условный, облеченный, в силу своей

¹² Andrew Field, *op. cit.*, p. 243.

¹³ Кстати, подражатель никогда бы не воспроизвел Набоковым же использованные имена.

условности, в характерную для Набокова форму театрализации: повествование на короткое время прерывается и уступает место диалогу без вводных слов, как в пьесах. Тот же прием Набоков употребил в *Отчаянии* (не выделив его графически), в *Даре* и наконец в *Look at the Harlequins*, последний фейерверк всех когда-либо ранее использованных приемов.

В первой нашей статье мы привели, как нам казалось, достаточно внушительный список ономастических, семантических и стилистических совпадений между псевдо-Агеевым и Набоковым. Кто объяснит нам, как получилось, что в *Паршивом народе* (того же "Агеева") приговаривающего к смерти зовут *Синат*, а в *Приглашении на казнь* приговоренного к смерти зовут *Цинциннатом* (типично набоковская каламбурная обратимость). Кто не смутится тем, что такие редкие фруктовые оттенки, как мандариновый и абрикосовый, встречаются у обоих авторов? Кто объяснит, что и у того, и у другого семантическое поле, перекрывающее все "острые выступы" тела, от носков до лопаток, или все движения и тики лица (моргать, мигать, морщиться, щуриться) представлены с такой густотой (*Р.К.*, стр. 48-49)?

Разумеется, только частотные словари, да еще сравнительные, могли бы убедить сомневающихся. Дополнительное изучение образного и словесного материала всех русских романов Набокова лишь усилило нашу уверенность в их тождестве с *Романом с кокаином*. К уже указанным "совпадениям" прибавим еще ряд общих тем и ключевых слов:¹⁴

1. *Зеркальность*. — Краеугольный камень всей поэтики Набокова. Мир существует не сам по себе, а всегда в отражениях, да и слово ценно своим отражением в других. Герой Набокова постоянно смотрит в зеркало, предметы видны чаще всего сквозь их искажающие отражения. Отсюда, помимо зеркал, изобилие гладких отсвечивающих поверхностей: мокрый асфальт, стекло, глянецвитость, лакированные или лоснящиеся предметы и т.д. ... Ганин в *Машеньке*, Герман в *Отчаянии* "смотрят в все зеркала".

¹⁴ Мы вынуждены приводить только по одному-два примера, но готовы предоставить читателю более подробные списки.

В *Романе с кокаином*, помимо блестящих и отражающих поверхностей, развивается целая философия отражения: "Человек живет, — пишет якобы-Агеев, — не событиями внешнего мира, а лишь отраженностью этих событий в его сознании" (стр. 138).

2. *Тоска*. — Иллюзорность мира, опустошенность всех набоковских героев приводит всегда к приступам острой тоски: "... так не хотелось, такую тоску обещала та комната ..." (*Дар*, стр. 63); "в этой неподвижной, точно комнатной тишине, я увидел свою тоску" (*Р.К.*, стр. 15).

3. *Улица, трамвай, поезд, пролетка, автомобиль, лифт*. — Тоскующий герой Набокова не имеет ни родины, ни дома. Он всегда на ходу, шляется по улицам, которые и заменяют ему очаг, и если не на ногах, то на колесах. Бродит Мартын, бродят Франц, Масленников, Годунов-Чердынцев ... У набоковского героя с улицей всегда интимный роман.

4. Мир Набоков видит в движении. Движение распространяется на предметы, на здания, на пейзаж. Изображается иллюзионистическая обратимость движения. Едущий как бы стоит, едет ему навстречу пейзаж. Или, наоборот, внешнее движение (снег, дождь, ветер) как бы недвижно, а движется наблюдатель этого движения: "Отражения окон бежали бледными квадратами по горному скату" (*Подвиг*, стр. 176). "А навстречу уже мчалась вся улица, мокрые снежные канаты больно стегали по снегам ..." (*Р.К.*, стр. 13).

5. Движение у Набокова ускоряется до фантастичности. Еще в 30-х годах, критика отмечала в романах Сирина что-то похожее на Шагала (Цетлин, П. Бицилли). Человек, предметы у Набокова "летают": "... остренький старушечий подбородок летал вверх и вниз, морщины на лбу стали влажны" (*Р.К.*, стр. 159). "Слуги ... резво разносили кушанья (иногда даже перепархивая с блюдом через стол)" (*П. на К.*, стр. 180). "Я воздушно пролетал по столовой" (*Р.К.*, стр. 163).

6. Нет романа у Набокова без сцены бритья, тут сходятся и зеркальность, и чувство кожей, и тривиальность, доходящая до уродства (как правило, бритье сопровождается порезом): "Бреясь

и порезавшись, продолжал скоблить по резаному месту, будто мне совсем не больно" (Р.К., стр. 71). "... я стал сбривать ему бачки ... я слегка его порезал, пена окрасилась кровью" (Отч., стр. 160). "Макс постоянно умудрялся порезаться — даже безопасной бритвой — и сейчас у него на подбородке расплылось сквозь пену ярко-красное пятно" (К. об., стр. 106).

7. Из стилистических особенностей выделяется двукратный повтор для усиления эмоционального эффекта: "он ... качал головой: трудно, трудно изловить счастье" (Машенька). "Она все возилась, возилась" (Отч.). "И кажется, так же как и все, в первый раз, в первый раз за всю мою жизнь" (Р.К.). "Ее лицо все менялось, менялось, куда-то плыло, плыло" (Р.К.).

8. Самое поверхностное чтение позволяет обнаружить ряд ключевых эпитетов и глаголов. К частям тела, к кожным подробностям, к движениям лица, к блестящим поверхностям, к геометрическим фигурам, к фруктовым оттенкам следует еще прибавить:

— *эпитеты* : рыжий, розовый, желтый, мутный, бархатный, шелковый, металлический, жаркий, вогнутый, изогнутый, тугой и т. д.

— *глаголы* : шелестеть, шаркать, крякать, дергать/дернуть, взмахивать и т. д.

9. Набоковский набор образов и выражений присутствует в *Романе с кокаином* еще полнее, чем мы думали: есть и велосипедное сравнение: "Был в этом коротконогом, толстом человечке, в его сочном баске, словно съел он что-то вкусное, в складках его жирной шеи, напоминавших велосипедные, друг на друга положенные шины ..." (стр. 11); есть и неременная бабочка (в виде сравнения), причем с редким фруктовым оттенком: "сверху, будто с крыши, порхая бабочкой бананового цвета, — осенний лист в затихшем воздухе все падал, падал" (стр. 94); и каламбуры: "тут мне приходит в голову, что обморок имеет что-то общее с обморочить" (стр. 97), "низменно изменился" (стр. 156) и т. д.

10. Вот еще наугад ряд разительных совпадений в тех или иных предложениях или отдельных сценах:

— *движение пальцев*: "Лужин посмотрел на свою руку, топыря и снова сдвигая пальцы" (З.Л., стр.127); "по-утиному растопырявая пальцы" (Р.К., стр.78); "топыря липкие пальцы" (КДВ., стр.111).

— "по-рыбы открытые рты" (Подвиг, стр.180); "по-рыбы опускал углы губ" (Р.К., стр.107); "к старческим рыбьим губам" (П.К., стр.186).

— "лицо у него было, от морского солнца, как ростбиф" (Подвиг, стр.113); "с... пухлыми, цвета ветчины, губами" (Паршивый народ).

— *физиологические желудочные проявления*: "переглотнул, зарябило под ложечкой" (Отч., стр.119); "сладко замирало в животе" [от душа] (Машенька, стр.101); "в желудке лежала знакомая льдина" (Р.К., стр. 51).

— *походка*: "чтобы ступать очень медленно и плавно, выкидывая ноги носками врозь" (КДВ., стр.117); "шагая, она не по-женски выворачивала носки" (Р.К., стр. 72); "выбрасывая ноги носками врозь" (Отч., стр.63).

— "рано научившись сдерживать слезы и не показывать чувств" (Подвиг, стр.20); "страдающая уже тогда стыдливостью относительно высказывания своих душевных сторон" (Р.К., стр.61); "мне, привыкшему свои чувства закрывать цинизмом" (Р.К., стр.105).

— *игра теней*: "Лужин шагнул в свою комнату, там уже лежал огромный прямоугольник лунного света, и в этом свете его собственная тень" (З.Л., стр.127); " ... растворив калитку и на черном снегу разливая зеленый четырехугольник с черным пятном моей тени посередине — я вошел во двор" (Р.К., стр.159).

— *динамизация источника света*: "солнце путалось в колесах автомобиля" (Машенька, стр.102); "солнца, хоть и зацепившего за крышу, однако видимого целиком" (Р.К., стр.90).

— "мокро расплозлся в металлических небесах" (Р.К., стр. 135); "упираясь в металлическое небо" (П.К., стр.184).

— "глядя на блестящие штанги" (КВД., стр.58); "прижимала спину к никелированной штанге" (Р.К., стр.5).

— "живя в канареечно-желтом доме" (Л.К., стр.100); "вытащила канареечного цвета ломбардную квитанцию" (Р.К., стр.78).¹⁵

— *геометрический образ восьмерки*: "поливавшего из лейки темными восьмерками песок" (К.об., стр. 81); "с двумя розовыми восьмерками по бокам носа" (*Весна в Фиалте*, стр. 81); "... керосиновой желтизной просвечивала восьмерка, составленная из двух кокетливо незамкнутых и несоприкасающихся кружков" (Р.К., стр. 65); "к паровозу и вагонам и рельсам (из которых можно составлять огромные восьмерки" (*Подвиг*, стр.205).

— "... в кромешной тьме водил ладонью по стене, в отчаянии отыскивая штепсель" (*КДВ*, стр.255); "Я начал было обглаживать ладонью обои, чтобы разыскать штепсель" (Р.К., стр.95).

— "Дальше, в небольшом сквере, трехлетний ребенок, весь в красном, шагко ступая шерстяными ножками ... загреб снег и поднес его ко рту, за что сразу был схвачен и огрет" (*З.Л.*, стр. 213); "... через улицу перебежала девочка. На другой стороне тротуара мать видимо закаменела в страхе, но когда ребенок невредимо добежал до нас, то она больно схватила его за руку и тут же побила" (Р.К., стр.133).

— и в *Романе с кокаином*, и в *Отчаянии* идет речь о закладывании брошки и т.д., и т.д.

— *усиленная ритмичность речи*: "красивым изгибом огладив косяк" — амфибрахий — (Р.К., стр.45); "в полукруг этих каменных глаз" — анапест — (Р.К., стр.42). В *Отчаянии* и в *Даре* переход на ритмическую, а иногда и чисто поэтическую речь постоянен.

— *скрытые цитаты из поэтов*: "мокрые черные доски" (Анненский), Р.К., стр.134; "политикан с лицом, как вымя" (Гумилев), *Лолита*, стр.239; "ветер грубо его обыскал" (Маяковский), *Дар*, стр.96.

¹⁵ Канареечный цвет отмечен как "набоковский" в книге З. Шаховской "В поисках Набокова", Париж 1979, стр. 65.

"Можно было бы привести еще много примеров — иные из них такие тонкие, такие — я бы сказал — отвлеченно личные, что читателю — о котором я как нельзя забочусь — они были бы непонятны". (*Отчаяние*).

Не целесообразнее ли поэтому привести страницу из псевдо-Агеева: ее динамика, сила, виртуозность быть может лучше "заставят убедиться" "в совершенном сходстве" литературных двойников.

"... Не зажигая огня, я добрался до выходной двери, осторожно отомкнул и еле удержал, — так ее рвануло. Ледяной ветер мчал сквозз переулоч. В пустынной дали близ желтых фонарей видно было, как с окон, с заборов и крыш вьюжило сухим снегом. Задыхаясь от ветра, напрягая спину от холода, я отчаянно зашагал и еще не дошел до конца переулоча, где начиналась площадь, как уже почувствовал, что шибко смерз. На площади горел костер. Ветер драл его пламя, как рыжие волосы, и дымно выщелкивал искры. Рядом на рельсах дрожало розовое серебро. Напротив, весь дом светился, а тень от низкого фонарного столба взлетала на высоченную крышу. Около костра, не двигаясь с места, бежал тулуп, то хватая, то выпуская себя из объятий. Я шел быстро, все ускоряя шаги. Под моими калошами, словно под мчащимся поездом, снег лился, как молоко из ведра. На длинной улице, по которой я теперь шел, ветер сник. От лунного света улица была резко разделена на две части, — на чернильно черную и нежно изумрудную, и идя по теневой стороне, мне забавно было смотреть, как тень от моей головы, вылезая из черной границы, катилась посреди мостовой. Самой луны мне не было видно. Но поднимая голову, я видел, как она бежала по окнам верхних этажей, поочередно загораясь в стеклах зелеными вспышками. Так, углубленный в себя, я не обращал внимания на улицы, по которым шел, сворачивал, руководимый инстинктом, с одной на другую, как вдруг заметил, что уже приближаюсь к воротам того дома, в котором жила моя мать. Взвзявшись за звонко вихляющее кольцо, растворив калитку, и на черном снегу разливая зеленый четырехугольник с черным пятном моей тени посередине, — я вошел во двор. Луна была теперь где-то высоко позади. И высокие сплошные ворота черным полем залегли далеко вдоль узкого двора. Только там, где кончалась ограда садика, все было залито стеклянным зеленым светом. В полосе этого света мне стало холодно. Взойдя по ступеням на крыльцо, я остановился. На тяжелой двери медная ручная ручка ослепительно сверкала. От шлифованной грани стекла узкая полоска света

лежала на ступеньках лестницы. Когда, постояв, я дернул за дверную ручку, полоска эта только чуть дрогнула: дверь была заперта. Будить Матвея я считал неудобным и поэтому, сбжав с крыльца, завернул в темный и сырой туннель под домом, выходящий на мусорную площадку, откуда шел в квартиры черный ход. На площадке этой и теперь были разбросаны щепы и березовая кора. Здесь всегда дворник колот дрова, вкусно щелкал топором, складывая их в охапку на помойном ящике, где, связав заранее подложенной веревкой, грузно закидывал за спину и, тяжело шаркая, всходил к кухням. При этом веревка врезалась в плечо, а обмотанные ею пальцы — с одной стороны кроваво впухали, с другой обескровливались до белых суставов. Я поднимался теперь по этой темной, пахнущей котами, лестнице, держался за узкие железные перила, и мне вспомнилось время, когда этих мусорных ящиков еще не было. Мне вспомнился день, это было летом, когда со двора вдруг раздался грохот, очень похожий на театральный гром, и как тут же из этих сброшенных с подводы жестяных листов вырезывались мусорные ящики. Потом, уже к вечеру, их пронзительно сколачивали, и мне все казалось, будто на соседнем дворе делают то же, так остро стучало эхо о ближайший дом. Когда это случилось? И сколько тогда мне было лет? В совершенной темноте поднимаясь теперь все выше по вонючей лестнице и не считая, сколько мною пройдено площадок, я миновав одну из них и завернув, и поднимаясь выше, вдруг почувствовал в икрах ту странную, словно непускающую дальше усталость, которая сразу сказала мне, что на только что пройденной площадке находилась дверь нашей квартиры. Спустившись и с некоторым трудом сообразив, с которой стороны находится нужная мне дверь, я подошел и только хотел постучать, и уже приготовил лицо, чтобы встретить няньку, когда заметил, что дверь-то не заперта, а только чуть прикрыта. — Может быть, она на цепочке, — подумал я, но только тронул рукой, — как дверь легко и без скрипа раскрылась. Передо мной была наша кухня.”¹⁶

МОСТЫ ИЛИ ДВЕРЬ

МОСТЫ ИЛИ ДВЕРЬ

¹⁶ Ср. в *Отчаянии*: “В течение нескольких лет меня преследовал курьезнейший и неприятнейший сон — будто нахожусь в длинном коридоре, в глубине — дверь, — и страстно хочу, не смею, но наконец решаюсь к ней подойти и ее отворить...” (стр. 46).

Вера Набокова заявляет, не аргументируя, о “примитивности замысла” и о “грубости его выполнения”.

Мы уже писали, что опустошение человека — наиболее постоянная нить набоковских романов.¹⁷ Саморазрушение молодого студента через наркотики — несколько не примитивно само по себе: по крайней мере в русской литературе такого описания еще не было. О грубости, вернее о недочетах выполнения, писал и Ходасевич. В нами уже упомянутой рецензии, он критиковал роман (“не роман, а повесть”, но это был вечный упрек Набокову) за плохое построение. С педантичностью маститого критика, Ходасевич высчитывал, что первая часть (гимназия), не имевшая, по его мнению, прямого влияния на дальнейший ход повести, “занимает 55 страниц”, что кратковременный эпизод с Соней растянут на другие 55 страниц, “в то время как трехлетние события третьей-четвертой части занимают всего 60 страниц”. Более чем странная бухгалтерия, измеряющая повествовательное время количеством страниц... Ведь всякому ясно, что с того момента, как Масленников отдался кокаину, события в его жизни заменились провалами времени.

Ходасевич так резюмирует вторую часть романа: “Покуда герой любит Соню, он не в силах стать ее любовником, а когда разлюбит, то становится любовником, но роман тогда принимает грязный оттенок, отвращающий Соню”. Удивительно, что Ходасевич не вспомнил при этом описание любовных отношений между Ганиным и Машенькой: Ганин, когда любит Машеньку, не в силах стать ее любовником, и лишь когда расстается с ней, то снова в нее влюбляется. Когда Машенька из России должна приехать в Берлин, Ганин уезжает, чтобы не разбилась о реальность его идеальная и к тому времени еще не остывшая любовь... Несоответствие между идеальной и чувственной любовью лежит в основе набоковской любовной темы. Она всплывает, в положительном варианте, в завязке *Лолиты*: “духовное и телесное сливалось в нашей любви

¹⁷ В рецензии на *Камеру obsкуру* Ходасевич заметил: “Отдаваясь очарованию Магды (а в ней, конечно, есть очарование, как приятный и засасывающий дурман есть в синематографе или в кокаине), Кречмар...” (“Возрождение”, № 3256, 3 мая 1934). “Засасывающий дурман” и есть тематическая связь между ранними романами Набокова и *Романом с кокаином*.

в такой совершенной мере, какая и не снилась ... теперешним подросткам". Но от этой любви "без совокушения" ... "пошла трещина через всю жизнь героя".

Не поняв центрального значения "кратковременного" эпизода с Соней, Ходасевич наставительно упрекнул начинающего автора в том, что он недостаточно развил истинные причины гибели Масленникова. Своим обращением к кокаину, по мнению Ходасевича, Масленников обязан не неудавшейся любви, а исключительно матери, оставившей сына, невзирая на бедность, в богатой среде... Будь критик на месте автора... Но на такие упреки Набоков ответил с присущей ему иронией в романе *Отчаяние*: "Знаю, знаю — оплошно с беллетристической точки зрения, что в течение всей моей повести (насколько я помню) почти не уделено внимания главному, как будто, двигателю моему, а именно корысти..."

Набоков же считал себя бескорыстным, и уж во всяком случае не социальным писателем.

Мы потому так долго остановились на рецензии Ходасевича, что она, возможно, сыграла роль в том, что Набоков не раскрыл своего авторства. Получалось несколько парадоксально: не любившие его редакторы "Чисел", Адамович и Оцуп, приняли его роман охотно (хотя, за прекращением журнала, успели напечатать только первую часть) и отзывались о вещи одобрительно. Самый же постоянный и горячий из всех поклонников Набокова — Ходасевич отнесся к роману более чем пренебрежительно, видя в нем только "материал для искусства, а не само искусство". Как же было объявить о себе? Посрамленным вышел бы Ходасевич, а не Адамович, да и сам Набоков. Он оказывался тем писателем с именем, которым ставят всегда пятерку, а при появлении без имени огревают тройкой... Не лучше ли было забыть о неудавшемся литературном двойничестве, вселившем, быть может, отчаяние... А потом — переезд в Америку, анкеты: признаться в авторстве кокаинного романа могло обернуться неприятностями. Еще худшими последствиями угрожало запоздалое признание, нарушение присяги говорить только правду. А дальше — американская всемирная слава. Не проще ли было предать забвению кокаинный роман, не оцененный в свое время лучшим критиком, несколько опасный для репутации, как забыт был в свое время и первый кокаинный рассказ?

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Многоуважаемый Никита Алексеевич,

12.8.85

Меня очень удивило Ваше предположение, что автор *Романа с кокаином* Сиринов под псевдонимом Агеев. Ввиду моего давнего интереса к Набокову, мне трудно не откликнуться на Вашу статью. От 1932 до 1939 года я была очень дружна с Набоковым, он мне настолько доверял, что я получила оба его стихотворения за подписью Василий Шишков. Они были переданы мне в рукописном тексте в 38-м году (хотя в сборнике стихотворений изд. Рифма, Париж, одно из них помечено 1939) до их напечатания как "ловушки" для Адамовича. Набоков наверное открыл бы мне и "тайну" Агеева.

В этих же годах я была членом Объединения молодых поэтов и писателей в Париже, издавших, кажется, в 1938 году, книгу Агеева. Об Агееве тогда очень много говорилось. У меня нет книги Агеева, так что пишу по памяти о впечатлении, которое она на меня произвела почти полвека тому назад. Я не отказывала Агееву в некотором таланте, но *ничто* не указывало мне хоть на малейшее сходство с Набоковым. Да и весь роман по существу антинабоковский.

Во-первых, Набоков был петербуржцем. Москва его не интересовала, о ней он никогда не писал, может быть, никогда в ней и не был. Во-вторых, Набоков принадлежал к очень определенному социальному классу. Он вырос в семье просвещенных, либерально настроенных и очень богатых родителей-англоманов, в том мире, который Агеев и вообразить себе не мог. В-третьих, несмотря на щедрость своего воображения, Набоков был всегда чрезвычайно точен в описании быта и персонажей. В России особый мир точно определял окружение писателя. Эмиграция вводила его в другой, пестрый мир — с натуры списаны: русская эмиграция в Берлине, отельчики, в которых живут изгнанники, литературные кружки, берлинские маршруты, немцы; позднее — Кэмбридж, профессорская среда в Англии и США, американские пейзажи...

Гимназию Агеева В. Н. описать не мог. Тенишевское училище (где в младших классах учился мой муж) на гимназию не походило. Набокову просто не приходилось встречать в России прототипов персонажей, ни знать такого мещанского быта. Кстати,

в России в то время все играли в футбол, и лицеисты, и гимназисты, и кадеты, и дворовые мальчишки. Теннис было дело другое.

Прямую апологию еврейства Набоков никогда не делал; он высмеивал антисемитов, показывая их пошлость (отчим Зины Мерц).

"Отповедь", которую Вы приводите, право, никак не могла быть написана Набоковым. Агеевская фраза: "глуп, потому что еще крепче сплочает то, что целью своей поставит разрушить", до крайности неуклюжа. Да и другие цитаты не имеют ни блеска, ни сияния, ни ритма, ни музыки Набокова. И о "человеческой душе", увы, как будто в романах Набокова ни слова. Впрочем, и о наркотиках он не писал.

Наконец, стихи Шишкова были напечатаны в журнале, где Набокова охотно печатали и уважали. Вряд ли он захотел бы украсить собой "Числа", в которых его непристойно поносили. Общего у Набокова и Агеева остается только то, что они современники, с опытом своего поколения, и расстрелы, побег и т.д.

P.S. В своей книге воспоминаний "Елисейские поля" (1983, Нью-Йорк), В. Яновский кратко пишет (26 и 236 стр.) об издании им книги Агеева, жившего в Турции по подложному — южноамериканскому — паспорту, подтверждая версию Л. Червинской.

Зинаида Шаховская

ПРИМЕЧАНИЕ Н.А. СТРУВЕ К ПОСТ-СКРИПТУМУ

В. Яновский явно сбивчив в своих воспоминаниях: на стр. 26 он пишет: "Вместо *Домой с небес* (Поплавского) мы в следующий год [какой?] выпустили Агеева *Роман с кокаином*. И это было для Поплавского тяжелым ударом". *Роман с кокаином* был выпущен осенью 1936, а Поплавский умер 8-го ноября 1935!

Еще более фантастично второе упоминание: "Был такой писатель Агеев, проживавший в Константинополе по южноамериканскому паспорту... Когда Агееву понадобилось возобновить просроченный паспорт, он прислал его в Париж. Почему он не сделал это в Турции, лично, могу только догадываться. И Оцуп передал Червинской документы Агеева... Но увы, паспорта она не продлила,

а когда месяцев через шесть Агеев попросил ему вернуть вид хотя бы просроченный, то обнаружилось, что Лидочка бумаги потеряла..." Сам Яновский называет этот эпизод "агеевщиной".

По другой версии, Агеев-Леви приехал в Константинополь из Берлина, куда в свое время бежал из Красной армии, предварительно убив офицера. Не привез ли Марко Леви с собой в Константинополь рукопись, данную ему Набоковым в Берлине, чтобы оттуда отослать ее в Париж?

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Редактору "Русской Мысли"

... Я была бы Вам чрезвычайно благодарна, если бы Вы напечатали мое категорическое утверждение, что мой муж, писатель Владимир Набоков, *Романа с кокаином* не писал, псевдонимом "М. Агеев" никогда не пользовался, в журнале "Числа", нагрубившем ему в одном из своих первых номеров, не печатался, в Москве никогда не был, в жизни своей не касался кокаина (ни каких-либо других наркотиков) и писал, в отличие от Агеева, на великолепном, чистом и правильном, петербургском русском языке.

О слабости русского языка Агеева можно судить не только по слову "шибко" — слову, совершенно недопустимому в серьезном литературном произведении, — но и по таким словам, как "зачихал" в смысле "чихнул", или "использовывать" и тому подобное.

Я нарочно не вхожу в рассмотрение примитивности замысла и грубости его выполнения далеко, впрочем, не бездарным господином Агеевым, но не могу не удивляться тому, что Н. Струве, сорбоннский специалист по русскому языку и литературе, мог спутать вульгарный и часто неправильный слог Агеева со слогом тончайшего стилиста В. Набокова.

Вера Набокова

О ГЛАВНОМ ГЕРОЕ РОМАНА М. БУЛГАКОВА "МАСТЕР И МАРГАРИТА"

В 1940 году в тяжких мучениях умер Михаил Афанасьевич Булгаков, сын ординарного профессора Киевской Духовной Академии, великий мастер Слова.

Буквально до смерти, уже потеряв зрение, он дорабатывает лучшую свою книгу "Мастер и Маргарита", прибегая к помощи супруги, горячо им любимой и ставшей одним из вдохновляющих прообразов подруги Мастера.

В этой книге Булгаков хочет нам что-то открыть и рассказать, поделиться чем-то совершенно новым и в то же время переосмыслить все бывшее до него, "старое", в свете этого нового. Он пишет *пророческую* книгу, "полагая душу свою" за Истину, заложенную в ней. Эта Истина — одна из последних известных нам великих попыток построения целостной творческой антропологии.

Исходные позиции Булгакова здесь еще вполне традиционны с точки зрения церковного учения о Промысле Божиим о человеке и мире. Он говорит устами философствующего созерцателя, князя тьмы Мессира Воланда: "Все будет правильно, на этом построен мир". И еще: "Кирпич ни с того ни с сего никому и никогда на голову не свалится". Однако внутренние и внешние особенности его жизненного опыта в кризисную историческую эпоху заставляют давать своеобразное раскрытие этих его истин. Монизм в истоках ведет к дуализму в их эволюции. И не случайно эпитафией к первой части книги служит близкое по духу дуалистическое место из "Фауста" Гете: "...так кто ж ты, наконец? — Я — часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо".

Булгаков всей душой ищет это благо и стремится к нему с великой простотой надежды, в то же время горько ощущая всем существом недостойность свое и мира. Это заставляет его углубленно размышлять и духовно познавать сверхэмпирическую реальность, вводя подчас удивительно тонкие различения и нюансы. Так, он далеко разносит по разным "ведомствам" (добра и зла, точнее, света и тени) посмертные награды покоем и свободой

света, относя первое к "ведомству" тени, а второе — "ведомству" света, при всей сопряженности которых ощутительно показывает и "великую пропасть" между ними. Это может напомнить концентрацию внимания на промежуточной и в этом смысле сугубо экзистенциально-трагической фигуре, привязанного ко столпу обнаженного человека на границе Рая и Ада, обычно появлявшейся на средневековых православных иконах "Страшного Суда". Этот человек мог иметь и веру, и добрые дела, но вперемешку с мирскими суевериями и делами суетными и злыми.

Исходя из этого Булгаков себя и современный ему мир приговаривает к участи не заслуживших света, причем оставляет надежду на всеобщее восстановление ("апокатастасис") и освобождение во свет. Это-то и дает ему духовное право диалектически сопрягать противоположность света и тени и смягчать отношения между их адептами и даже главами (Иешуа и Воландом).

Поэтому никого не может удивлять та растерянность при искании духовных прототипов книги Булгакова, когда приводятся параллели из учений гностических, оригенистических, романтических, экзистенциальных, а подчас и дуалистических, богомильских, масонских или антропософских, а также доказывається сродство этой книги с книгой Иова и лучшими творениями Данте, Шекспира, Сервантеса, Гете, Пушкина, Байрона, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, поэтов-акмеистов, Флоренского. Такие сближения всегда отчасти верны и не верны, ибо позиция и опыт Булгакова не сводимы до конца ни к одному учению, ни к одной книге. Они являются результатом внутреннего свободного творчества Булгакова в христианском смысле этого слова, что было задано самим духом времени, о котором сказано: "...ныне всякий культурный человек — христианин".

Не однажды уже было отмечено, что книга, или как ее еще иногда условно называют — "роман", Булгакова "Мастер и Маргарита" очень близка и актуальна для современного понятливого читателя, причем не только потому, что сбылись многие ее пророчества (хоть бы взять знаменитое "рукописи не горят": ведь действительно, сожженная Булгаковым в марте 1930 года книга сначала была возрождена и обновлена самим автором, а потом в своем конечном виде появилась в печати в 1973 году). Популярность ее столь велика, что в первые же годы после публикации

она была переведена и издана в десятках наиболее культурных стран мира, было создано много фильмов и спектаклей по мотивам "романа", произнесено и написано множество речей и исследований, причем мы все еще продолжаем испытывать их нехватку. Книгу читали и перечитывали миллионы людей, ее "крылатые слова" и выражения прочно вошли в наше сознание, ее цитируют без ссылок на автора, ибо предполагается, что он всем известен.

Книга Булгакова выходит за рамки любого жанра, в ней множество персонажей и духовно-идейных сгустков, она многопланова даже внешне, по композиции. Этот материал настолько богат и многообразен, что несмотря ни на что можно смело утверждать: ключи к главным, наиболее существенным и не лежащим на поверхности пластам произведения Булгакова еще не подобраны.

И особенно это следует сказать о так называемых "главах о Христе", или "Евангелии от Воланда", т.е. от Сатаны. Несколько раз стройный текст "романа" прерывается как бы *вставками*, звучащими то как рассказ явившегося со свитой в Москву конца двадцатых-тридцатых годов консультанта по черной магии профессора Воланда об Иисусе — Иешуа Га-Ноцри, то как части произведения самого героя книги — Мастера, созданного его духовным творчеством и принесшего Мастеру как радость и любовь, так и горчайшее испытание, отчаяние, страх и болезнь, то как авторский булгаковский текст. Таким образом, автор этих глав как бы троекратен, он — тройственен, что служит укреплению веры в полнейшую достоверность и истинность всего этого повествования, родившегося не от досужего ума, но от *тревоги*, выросшей из разрушенного, но вожделенного *покоя*, что дважды выражается дословно одинаково Мастером и Понтием Пилатом: "И ночью при луне мне нет покоя, зачем потревожили меня? О боги, боги..."

"Главы о Христе" содержат повествование только об одном дне, который в церковных календарях обозначается как Великая Пятница, о дне, в который произошли в Ершалаиме допрос у Пилата, осуждение, распятие и смерть Иешуа, а также убийство тайной службой Пилата Иуды из Кириафа.

Начинается это повествование, равно как и заканчивается оно, а потом весь "роман", словами о жестоком "пятом прокураторе Иудеи всаднике Понтии Пилате".

"В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат".

Это внимание к личности и трагедии Пилата заставляет самого Булгакова назвать в тексте "главы о Христе" "романом о Понтии Пилате". В связи с этим у нас сразу встает вопрос о том, кто же все-таки главный герой этих глав — романа в "романе"? Вопрос далеко не академический, ибо ответ на него помог бы нам распознать тайный код, являющийся единым ключом ко всем запорам, которые не допускают к глубинным пластам булгаковской книги.

Обычно интуитивные (как и осознанные) ответы на этот вопрос сводятся лишь к тому, что им является или Христос,* или Иешуа и Пилат, изредка же — просто Пилат. И так много правды в каждой такой позиции, что приходится констатировать, что все они правы, но одновременно подозревать, что ни одна из них всей правды еще не содержит. К тому же подталкивает нас тройственность авторских лиц, которым эти главы приписаны.

Тут мы должны вспомнить о дуализме воззрений Булгакова, о сопряженности "ведомств" света и тени, милосердия и возмездия в их взаимодополнительности. Дуалистическая система Булгакова — не самая сложная, она может быть даже в известной степени уже содержалась в интеллектуальной культуре нового времени, и потому является общей для многих мыслителей и писателей, касавшихся этой тематики. С одной стороны, совершенное Добро, чистый Дух, святое Слово, воплощенные в странствующем бродяге Иешуа Га-Ноцри, с другой же, тяжелая плоть мира сего, требующая в отношении к себе справедливости и возмездия за теневые дела и получающая их от лица Мессира Воланда.

Но "зовя отмщение, правая сила не способна упиваться жестокостью, бесконечно наслаждаться мстительным чувством торжества. Милосердие — другое лицо справедливости". (В. Лакшин, с. 308). Поэтому мы вправе сказать, что в "главах о Христе", когда речь идет о главном герое, надо говорить всегда сразу по меньшей мере о паре их — об Иешуа и Воланде, несмотря на то, что образ

* отождествляемый с Иешуа.

Иешуа открыто и явно присутствует в повествовании, а Воланд — лишь имплицитно и намеком. О присутствии Воланда при всех событиях Великой Пятницы говорит лишь он сам, да как бы случайно оброненное автором книги замечание о состоянии прокуратора, ожидающего в сумерках известия о погребении Га-Ноцри, который "как будто на глазах постарел, сторбился и, кроме того, стал тревожен. Один раз он оглянулся и почему-то вздрогнул, бросив взгляд на пустое кресло, на спинке которого лежал плащ. Приближалась праздничная ночь, вечерние тени играли свою игру и, вероятно, усталому прокуратору померещилось, что кто-то сидит в пустом кресле".

Однако не случайно эти главы называются еще "романом о Понтии Пилате", ибо явно недостаточно и двух "главных героев". Понтий Пилат, а вслед за ним по типологии и оставшиеся авторы "повествования о Христе", безусловно включенные в самую ткань его, также могут быть названы в полном смысле слова главными героями.

Итак, надо констатировать парадоксальный факт, что "повествование о Христе" "романа" Булгакова "Мастер и Маргарита", имеющее тройственного автора, заключает в себе пять "главных героев" и никак иначе. Это, видимо, легче было бы себе представить графически.

Что же объединяет на пьедестале "главного героя" Пилата с Мастером и автором книги? Прежде всего то, что все они не заслужили света, но находясь в "ведомстве" Воланда, устремлены к этому свету и к свободе. Один из них, а именно Пилат, уже на страницах книги достигает желаемого, будучи освобожден могучим словом Мастера. О Мастере же просит Воланда посланец Иешуа Левий Матвей, находя возможным наградить его покоем. О том же думает и мечтает, так же, как и Мастер, сломленный отчаянием

и страхом автор книги. Все трое, прозрев, учуяв Истину, в последней схватке со злом не выдержали и отступили, хоть и по-разному. Однако этого достаточно, чтобы вместо "закона свободы" подпасть под "закон справедливости", ибо никто и никогда "не имеет права уступать злу... конец борьбы — это конец самой жизни, ее человеческого (а можно еще добавить и божественного — К.) смысла и содержания. Это — "печать отчаяния, проклятие и гнев Творца". И даже если это еще не тьма, даже если человек только отступает, только замыкает в себе то, что должен нести другим, — все равно это уже никак не свет". (И. Виноградов, с. 69–70). Так утверждается безусловная первичность духовно-нравственной позиции человека в любых условиях его существования, без какой-либо поправки и компромисса, и не допускается никакая уловка "оправдания". (ср. Лакшин, с. 296, И. Виноградов, с. 54). И при этом в уста Иешуа вкладываются значительные слова: "Трусость, несомненно, один из самых страшных пороков!", а сам Булгаков даже предлагает еще более ригористическую формулировку: "Это самый страшный порок!".

В конечном счете можно прийти к выводу, что "главный герой" повествования о Христе целиком идентичен "главному герою" всей книги Булгакова. И в связи с этим надо сделать еще одно очень важное замечание, которое хоть и касается "глав о Христе", однако может быть выявлено лишь в общем контексте книги.

Кроме дуализма *воззрений* Булгакова, сознательно включенного в мыслительно-духовную ткань "романа", мы можем заметить еще, видимо, неосознанный дуализм авторской *позиции*. Противостояние и связь "ведомств" Иешуа и Воланда воспринимаются все-таки как некая гностическая конструкция, как временные мехи интеллектуальной культуры, но это лишь мехи, а в них — молодое вино чистого христианского духа, выражающегося в духовной культуре и олицетворенного уже не Воландом и Иешуа, а живым Господом Иисусом. Но это обстоятельство, проявляющееся в основном на материале менее обработанных последних глав (например, запрет Азazelло кухарке совершить крестное знамение под угрозой отсечь руку в эпизоде запаления подвального Мастера), снова возвращает нас к вопросу о "главном герое", ибо делает, по меньшей мере, недостаточным любой ответ на этот вопрос, в том числе и наш.

Мы теперь не можем сомневаться, что главным героем "повествования о Христе" является еще и Христос, и вывод этот, казалось бы, так и лежавший сначала на поверхности и потому до сих пор даже не упоминавшийся, дает нам право совсем снять заданный темой вопрос, ибо ни в одну схему Дух Христов не вместим.

В заключение напрашивается общий дерзновенный вывод о том, что при дуализме воззрений, а также позиции Булгакова невозможно хоть когда-либо сказать что-то однозначно-определенное о главном герое "повествования о Христе", ибо воистину это одновременно Мессир Воланд и Иешуа Га-Ноцри с "промежуточными фигурами Понтия Пилата, Мастера и автора книги, с одной стороны, и Иисус Назорей, с другой. Но таковой была и "живая жизнь" булгаковского времени, третьего было не дано. И Булгаков остался верен Жизни, выбрав и изобразив на века самый прямой и узкий путь среди соблазнов, пройдя свое поприще до конца по заповеди "кто хочет душу свою сберечь, потеряет ее, а кто *потеряет* ее ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее".

Оттого уже на закате своей земной жизни Булгаков говорит устами Мастера: "Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля! Как таинственны туманы над болотами. Кто блуждал в этих туманах, кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся непосильный груз, тот это знает. Это знает уставший. И он без сожаления покидает туманы земли, ее болотца и реки, он отдается с легким сердцем в руки смерти, зная, что только она одна успокоит его..."

Да не поднимется ни одна рука осудить его, независимо от его "естественных" слабостей и имевшихся в истории прецедентов (например, с Оригеном).

Вера и верность, высшее добро и справедливость, любовь и правда, творчество и свобода да живут в наших сердцах вечно, воспитанные Иисусом Христом и той христианской культурой, в мировой фонд которой безусловно вошла и книга Михаила Афанасьевича Булгакова "Мастер и Маргарита".

Литература

1. А.С. Бурмистров. К биографии М.А. Булгакова (1891–1916). "Контекст-78". Литературно-теоретические исследования. М., "Наука", 1978.
2. И.Ф. Бэлза. Генеалогия "Мастера и Маргариты". (Там же).
3. И. Виноградов. Завещание мастера. "Вопросы литературы", 1968, № 6.
4. В. Лакшин. Роман М. Булгакова "Мастер и Маргарита", "Новый мир", 1968, № 6.
5. Л. Скорино. Лица без карнавальных масок (полемические заметки). "Вопросы литературы", 1968, № 6.
6. Л. Скорино. Ответ оппоненту. (Там же).
7. М.О. Чудакова. Опыт реконструкции текста М.А. Булгакова. "Памятники культуры. Новые открытия". Ежегодник, 1977. М., "Наука", 1977.

"1984" — НЕ ПРОСТО УТОПИЯ

О романе Джорджа Орвелла "1984" написаны многочисленные исследования и рецензии. Вышедшая в 1949 году, книга произвела сенсацию и вызвала поток разнообразных суждений. За исключением сравнительно небольшого числа левонастроенных критиков, считающих, что Орвелл искадил самую суть социализма, роман произвел на читателей огромное впечатление. Одни оценили "1984" как увлекательную фантастическую повесть. Другие увидели в романе своеобразное предостережение. Третьи — пророчество, которое, впрочем, мало кто воспринял слишком серьезно. Не обошлось, конечно, и без критики "по существу": Орвелла обвиняли, в частности, в том, что он дал своим героям такую неправдоподобно короткую память, что те, в условиях тоталитарной диктатуры, как-то слишком быстро потеряли всякую связь с прошлым. Однако, разбирая в деталях достоинства и недостатки романа, лишь немногие сумели по-настоящему оценить глубокий, почти метафизический смысл и объемность этого произведения. Увлечлись утопичностью сюжета, мало кто увидел, что кроме захватывающего описания жизни общества в обстановке тоталитарного кошмара, Орвелл, как истинный художник, попытался проникнуть в загадку человеческой личности, "внутрь" души, и написал книгу о том, что делает человека — человеком, о кусочке Вечности в его душе, зовущей к победе над бренностью и к бессмертию.

Вопрос о смерти и бессмертии — центральная тема романа "1984", прежде всего потому, что "смерть мешает всем утопиям, кроме религиозных".* Партия же или коллективная олигархия, управляющая государством Океанией, построенная на сугубо атеистических принципах и на отрицании высшей духовности, поставила себя в положение божества и предмета поклонения. Лишь Старший Брат, олицетворявший партийную систему, должен

*) Слово о. Александра Шмемана на одной из его лекций.

был вызывать у людей благоговейный трепет и молитвенный восторг: "Маленькая рыжеволосая женщина... прошептав дрожащим голосом что-то похожее на "Спаситель!" ... простерла руки к экрану, а затем закрыла ими лицо. Было видно, что она молится" (стр. 17).* Все же, уничтожая и клеймя любое проявление духовных стремлений, Партия вынуждена была решать "вечные вопросы" и искать избавления от "старения", "распада" и "отмирания" вне религии. Это "бездуховное спасение" Партия нашла в подавлении и уничтожении личности, в ее полном слиянии с коллективом, составляющим само партийное тело. В своих поисках долговечия Партия отчасти использует религиозный принцип стремления души к Целому, к Началу Начал; хотя, в противоположность религии, где бессмертие побеждает лишь через личность и индивидуальную духовность, задача Партии — растворить каждое "я" в едином организме, на сохранение которого направлены все ее силы.

Таким образом, естественно отпадает вопрос о бессмертии каждого человека: в соответствии с партийной доктриной, он просто перестанет существовать как хоть сколько-то самостоятельная личность и превратится в клеточку несокрушимого тела Партии. Коллектив же нимало не пострадает от отмирания отдельных людей — легко восстанавливаемых клеток своего бессмертного организма. В романе доктрина уничтожения личности за счет партийного бессмертия воспроизводится О'Брайеном — видным членом Партии и искренним сторонником ее учений: "Рабство есть свобода. Предоставленный себе, свободный человек всегда беззащитен. Да иначе и не может быть, потому что человек смертен, а смерть — величайшее из поражений. Но если человек способен на полное, на безоговорочное подчинение, если он способен перестать быть собою и так раствориться в Партии, чтобы *стать* Партией, — он бессмертен и непобедим" (стр. 264), поскольку, продолжает О'Брайен, "смерть индивидуума — не смерть, Партия бессмертна" (стр. 269).

Итак, при условии полного уничтожения независимых от Партии эмоций, помыслов и желаний и при абсолютном слиянии отдельных личностей в единое целое, Партия может торжествовать победу над временем и смертью. Однако же, существует опасность,

*) Все цитаты приводятся по изданию: Д. Орвелл. "1984", Рим, б/г.

что хотя бы одна из миллиона здоровых (с точки зрения Партии) клеток может "сойти с ума", "испортиться", заболеть "раком индивидуальности", грозя пустить метастазы и поразить весь организм. Чтобы установить свое абсолютное и безвременное правление, Партия должна была найти средство борьбы с разлагающей ее болезнью, способ лечения больной клетки и уничтожения заболевания в самом зародыше с тем, чтобы оно никогда не возобновилось. О'Брайен говорит арестованному Уинстону, виновному в ужаснейшем преступлении — в желании сохранить личную независимость: "Ваша психика не в порядке... Неужели нужно объяснять, для чего вас посадили сюда? Чтобы лечить! Чтобы сделать вас нормальным человеком! Поймите, Уинстон, что еще ни один из тех, кто попал сюда, не уходил от нас неизлеченным..." (стр. 245, 252).

Не следует думать, однако, что люди — клетки Партии — спасаются для их же блага, и Великий Инквизитор, избавляющий людей от самих себя, в данном случае ни при чем. В одной из бесед с Уинстоном О'Брайен наказывает свою жертву за то, что тот неправильно понял истинные цели Партии. Уинстон представлял себе О'Брайена как идеалиста-фанатика, который вместе с Партией искренне верит, что "Партия стремится к власти не в собственных интересах, а ради блага большинства людей. Что люди в массе своей слабы, малодушны и не в состоянии нести бремя свободы и правды и поэтому ими должны управлять — и постоянно их обманывать — другие, более сильные. Что человечеству приходится выбирать между счастьем и свободой, и что громадное большинство людей предпочитает счастье. Что Партия — вечный страж слабых, секта людей, посвятивших себя тому, чтобы творить зло во имя добра..." (стр. 261-262).

На самом же деле, как цинично признается О'Брайен, "Партия стремится к власти исключительно в собственных интересах. Мы нимало не интересуемся благом других; нам нужна лишь власть... В отличие от всех олигархий прошлого, мы знаем, что мы делаем. Все прежние олигархии, даже походившие на нашу, были лицемерны и трусливы. Немецкие нацисты и русские коммунисты были очень близки к нам по методу, но им не хватало мужества осознать собственные побуждения. Они притворялись, а, может быть, даже верили, что овладели властью, сами того не желая, и на ограниченное время, и что где-то рядом, чуть не за углом, человечество ждет земной рай, в котором все будут свободны и равны. Мы не из

таких. Мы знаем, что еще никто не захватывал власть с намерением отказаться от нее. Власть не средство, она — цель" (стр. 262-263).

Следовательно, забота об излечении человека от самого себя была лишь заботой Партии о своем "здоровье", попытка навсегда уничтожить раковую опасность и обеспечить свое долговечие.

Какое же было найдено лекарство от индивидуализма? То, что стала применять Партия в борьбе с личностью и ее независимостью от коллективной воли, называлось "управляемой реальностью" или "двоемыслием". Путем длительной и упорной тренировки Партия добилась того, что люди приучились не только послушно принимать все то, что им преподносилось (это не мешало бы им притворяться и в тайне сохранять собственный независимый взгляд), но и *действительно* видеть вещи в том свете, в каком это в данный момент было угодно Партии: "Знать и не знать, сознать всю правду и в то же время говорить тщательно сочиненную ложь; придерживаться одновременно двух мнений, исключаящих друг друга, знать, что они взаимно-противоположны, и верить в оба; пользоваться логикой против логики; отвергать мораль и вместе с тем претендовать на нее; верить в то, что демократия невозможна и что Партия — страж демократии; забывать все, что необходимо забыть, затем, когда это потребует, восстанавливать забытое в памяти и снова моментально забывать и, наконец, — как высшее искусство, — применять этот процесс к самому процессу, т.е. сознательно усыплять сознание и следом за тем уметь заставить себя забыть акт самогипноза, который вы только что совершили. Даже для того, чтобы понять слово "двоемыслие", необходимо прибегать к двоемыслию" (стр. 36).

Со временем люди достигли поразительных успехов в управлении реальностью. Однако обучение и постоянная практика двоемыслия не прекратились, а, наоборот, все более усиливались. Постепенно жизнь человека превратилась в ежеминутное упражнение в отказе от собственной воли, взглядов и чувств, памяти и элементарной логики.

В романе Орвелл приводит множество примеров двоемыслия, присущего как отдельным гражданам Океании, так и толпе: человек, не угодный Партии, арестован, и через два дня о нем не только не говорили, но и совершенно искренне забыли, что он когда-то

существовал (на официальном языке это называлось "распылением"); паек шоколада урезан с 30 грамм на 20, а назавтра появляются люди, без всякого притворства благодарящие правительство за *увеличение* пайка. Бывали моменты, когда при помощи двоемыслия тысячи людей, как бы повинувшись всеобщему гипнозу, мгновенно забывали то, чему они привыкли верить годами: "На шестой день Недели Ненависти, после бесконечных шествий и речей, пения и криков, после размахивания флагами и плакатами, после фильмов, выставок, непрерывной барабанной дроби, визга труб, тяжелого топота марширующих колонн, громыхания танковых гусениц, рева воздушных эскадрилий и грохота орудий — после шести дней всего этого ... было объявлено о том, что Океания не находится больше в состоянии войны с Евразией. Океания воевала с Истазией... О том, что произошла какая-то перемена, разумеется, прямо не говорилось. Просто везде в одно и то же время и с поразительной неожиданностью стало известно, что враг — не Евразия, а Истазия... [что] Океания всегда была в войне с Истазией" (стр.177-178, 180).

И ни у кого не появилось и тени сомнения в правоте этих слов. Казалось, что сама человеческая память встала на сторону партийной лжи. То же случилось и с логикой: людей нисколько не смущали безусловные противоречия в основных лозунгах Партии — "Война — это мир", "Свобода — это рабство", "Невежество — это сила". Эти лозунги заключали в себе своеобразное упражнение в двоемыслии, равно как и то, что Министерство, занимающееся ведением войны, было названо Министерством Мира, а ужасающее одним своим видом здание, где под пытками "лечили" инакомыслящих, называлось Министерством Любви.

Как следствие постоянного упражнения в двоемыслии, человек теряет всякую способность видеть вещи в их реальном свете, но в то же время приобретает умение *"верить"* в то, что черное — белое, больше того — *знать* это, и уметь забывать, что когда-то вы думали иначе" (стр. 211). В этом случае, когда человек перестает самостоятельно отличать реальные вещи от нереальных, добро от зла, правду от лжи, красоту от уродства и полностью подчиняет свой ум, чувства и восприятия коллективной воле, он теряет то, что делает его личностью, и становится роботом, оболочкой человека. И в этом цель Партии, поскольку такой компьютер в облике человеческого уже не может заразиться раком индивидуализма

и жадной независимости — в нем уже убито его "я", смертельно опасное для долговечия коллектива: "Идеальный мир Партии представлял собой нечто грандиозное, ужасающее и великолепное: мир стали и цемента, чудовищных машин, грозного оружия, нацию воинов и фанатиков, идущих вперед и вперед, в совершенном единстве, одинаково думающих, выкрикивающих одни и те же лозунги, вечно работающих, сражающихся, торжествующих, вечно кого-то преследующих, — триста миллионов людей с одинаковым обликом" (стр. 74).

Теперь, поняв принцип работы двоемыслия, мы можем, наконец, задать вопрос, который Уинстон Смит задает в своем дневнике: "Я понимаю *как*, но не понимаю *зачем*". Иными словами, зачем Партии понадобилось использовать двоемыслие, заставляя людей отказаться от собственных мыслей, ценностей и желаний?

Ответ на этот вопрос нужно искать в основе партийной идеологии, в доктринах, исповедуемых Партией, которые О'Брайен охарактеризовал как "коллективистический солипсизм". В соответствии с партийным мировоззрением, на земле не существует ничего прочного и объективного, так же, как нет Высшего Разума, Красоты или Справедливости, стоящих над человеческим сознанием: "вне человека не существует ничего" (стр. 265). В мире нет Начала Начал и Высшего Смысла, и истинно лишь то, что данный человек воспринимает в конкретный момент: "Действительность — в умах людей" (стр. 264). "Великий субъективист" О'Брайен искренне верит, что вне человека и его сознания ничего не существует; ведь все в мире относительно и зависит от оценки: "Вне человеческого разума не существует ничего".

Однако — и это крайне важно, — усвоив идеологию релятивизма и субъективизма, Партия в борьбе за долговечие своей власти объявила, что истина — лишь в коллективном сознании: "Реальность существует лишь в умах людей, нигде больше. И не в умах отдельных индивидуумов, которые способны ошибаться и, во всяком случае, недолговечны, а в коллективном и бессмертном разуме Партии" (стр. 248). Следовательно, в соответствии со своей идеологией, для сохранения вечной власти над миром, Партия "всего-навсего" должна полностью овладеть человеком, растворить его разум в своем коллективном сознании. Контролируя умы, Партия получает неограниченную власть. Ей подчинено все:

ценности, вкусы, чувства, даже законы природы. Земля не шар и не плоскость. Она то, что в данный момент Партия находит удобным. Лед тяжелее воды, если это в партийных интересах. О'Брайен предельно ясно изложил этот партийный принцип: "Мы властвуем над материальным миром, потому что властвуем над разумом людей" (стр. 264). Именно поэтому партийным идеологам и понадобилось такое средство, как двоемыслие; ведь с его помощью Партия получила весь мир в свое вечное владение. И — следует еще раз подчеркнуть — именно идеология вынуждает Партию противопоставить личность бессмертному и всегда правому коллективу, уничтожая независимость сознания и всякий индивидуальный взгляд на жизнь.

Однако существуют, по выражению О'Брайена, "трудные случаи" болезни индивидуализма. Таков Уинстон Смит: сильная натура с тонким восприятием окружающего мира. Он никак не хочет отказать от собственного "я" и слиться со здоровым коллективным организмом Партии. Впрочем, О'Брайен, который занимается "лечением" Уинстона, не отчаивается и предупреждает его: "Ни один из тех, кто побывал здесь, не мог устоять перед нами. И все очищались" (стр. 255). Просто одни сдаются раньше, а другие позже.

Здесь интересно отметить, что подруга Уинстона — Юлия — сломалась, по словам О'Брайена, поразительно быстро. Пошленькая и довольно пустая, она, несмотря на это, все же представляла некоторую опасность для монолитности партийного организма тем, что и в ней было нечто личное и индивидуальное — ее женское начало: "Жизнь представлялась ей очень простой. Вы хотите жить в свое удовольствие, "они" — то есть Партия — стараются вам помешать. Она ненавидела Партию... Но ни о какой принципиальной критике не помышляла. Партийное учение, поскольку оно не затрагивало ее прямо, ничуть ее не интересовало... Нередко она принимала официальное мифотворчество просто потому, что и ложь, и правда казались ей одинаково несущественными" (стр. 129, 151-152).

Юлия сопротивлялась Партии и отстаивала свое непритязательное "я", т.е. свободу получать удовольствие от жизни. Уинстон остроумно заметил ей однажды: "Ты, я вижу, бунтовщица лишь наполовину, от талии вниз" (стр. 154). Однако даже такое "я" враждебно коллективу; оно разлагает его. Но именно потому, что кроме своей поверхностности и распушенности Юлия ничего в себе не таит, она не представляла для партийных лекарей особых

трудностей. Лечение Юлии облегчалось ее внутренней пустотой: стоило Партии убить в ней женственность, Юлии не стало как личности. Еще одна партийная клеточка очистилась от болезни, о чем О'Брайен с гордостью рассказывает Уинстону: "Я редко встречал людей, которые переходили бы на нашу сторону так быстро и легко, как она... Все ее бунтарство и лукавство, всю блажь и распушенность, — как ветром выдуло. Превосходнейшее было обращение: * случай образцовый" (стр. 258).

С Уинстоном дело обстояло не так просто. Задача О'Брайена заключалась в "вычищении" всего его сложного внутреннего мира, в полном опустошении его души, чтобы затем наполнить ту пустую оболочку, что когда-то была человеком, "ортодоксальной партийностью". Когда Партия завершит процесс вашего исцеления, говорит О'Брайен Уинстону, "все внутри у вас умрет. Любовь, дружба, радость жизни, смех, любознательность, доблесть, честь — все это будет недоступно вам. Мы выскребем из вас все начисто, а потом заполним вас собою" (стр. 256). И, как ни трудна задача Партии в борьбе с таким сильным проявлением смертоносного для нее индивидуализма, О'Брайену в конце концов удастся сломить Уинстона Смита. С последним произошло то же, что, по словам О'Брайена, случалось со всеми, побывавшими в руках партийных целителей: "К тому времени, когда мы покончили с ними,** от них оставалась только оболочка человека. У них не было иных чувств, кроме сожаления о том, что они совершили, и любви к Старшему Брату" (стр. 255). Постепенно и мучительно, Уинстон избавляется от своей "болезни" и приходит в лоно Партии, поддаваясь лечению, которое оздоравливает коллектив и... убивает его. В итоге, безразлично, убили бы Уинстона в тюрьме или выпустили бы на волю; ведь он перестал существовать как личность, навеки став одной из бесчисленного множества совершенно здоровых клеточек Партии: "Даже если мы позволим вам дожить до естественного конца ваших дней, то и в этом случае вам не уйти от нас... Мы сокрушим вас так, что возврата к прошлому для вас не будет. С вами

*) В русском издании ошибочно указано "разговор". В английском оригинале — "conversion" — "обращение".

**) В русском издании указано: "решили их прикончить". В английском оригинале: "we had finished with them" — "покончили с ними".

произойдет нечто такое, от чего вы не оправитесь и через тысячу лет" (стр.255-256).

Таким образом, смертельная опасность, угрожающая долговечности коллектива, была уничтожена навсегда: победив личность, Партия обрела бессмертие. А власть ее, как и предсказал О'Брайен, будет существовать вечно, все более и более усиливаясь, все сильнее и энергичнее подавляя человека: "Не будет иной верности, кроме верности Партии. Не останется иной любви, кроме любви к Старшему Брату. Смех забудется; люди будут смеяться только над поверженным врагом. Искусство, литература и науки упразднятся ... Разница между красотой и безобразием сотрется. Исчезнет любознательность; жизнь потеряет смысл ... Это будет мир ужаса и ликования. Чем сильнее будет становиться Партия, тем менее терпима ко всякому инакомыслию, чем слабее оппозиция, тем жестче деспотизм ... Угодно вам видеть образ будущего? Вот он: сапог, наступивший на лицо человека. Навеки наступивший!" (стр. 267, 268).

До своего "излечения" Уинстон в спорах с О'Брайеном все пытался отыскать ту силу, которая свалила бы внешне несокрушимую систему, сознательно создающую ад на земле. Вместе со своим главным героем ищет выход и Орвелл, но не находит спасения. Его роман глубоко пессимистичен. В нем прослеживается постепенное разложение человека, последняя грань его унижения и медленная смерть (хоть в случае Уинстона и не физическая). Автор рисует страшную картину уничтожения человеческого рода и начало немислимого, вечного царствования коллектива здоровых клеток-нелюдей. Придя в ужас от собственного пророчества, Орвелл пытается найти путь из небытия, но не находит его и заканчивает книгу полной капитуляцией человека. До конца своей жизни писатель так и не смог найти выход; а между тем, он, возможно сам того не сознавая, указал его в своем романе.

Измученный, раздавленный железной логикой О'Брайена и тем уверенным цинизмом, с которым последний рассуждает о конечных целях Партии, Уинстон воскликнул беспомощно: "Вам не удастся создать мира, подобного тому, который вы мне описали ... на чем-то вы сорветесь. Что-то должно будет сокрушить вас ... Я просто верю в это. Я знаю, что вы проиграете. Есть что-то такое в космосе ... Я не знаю, что ... некий дух, некие вечные законы, которых вам никогда не преступить" (стр. 268-270).

И тогда О'Брайен задал ему вопрос, который нельзя было обойти: "Вы верите в Бога, Уинстон?" В этом вопросе — ключ к роману. Перед истинной верой гибнет всякий релятивизм, всякая двойственность морали, принципов и оценок. Признав существование Высшего Духа, самостоятельного и не зависящего от индивидуального или коллективного восприятия, сам человек и его субъективный мир отступают на второй план. Есть Истина, стоящая над узостью человеческого разума и кругозора, и она существует реально, независимо от способности людей вместить эту Высшую Правду. Есть единая основа мира сего, хочет этого человек или не хочет. Есть основной закон и мораль нашего бытия, принимаем ли мы их или отвергаем. И если бы на вопрос о вере Уинстон ответил утвердительно, как по волшебству рухнули бы основы псевдомогучей идеологии субъективности и релятивизма, на которой и была основана нерушимая власть Партии.

Автор романа "1984", как и его герой О'Брайен, инстинктивно узнает врага Партии, указывая на него Смитю. Однако, вслед за этим, устами Уинстона, Орвелл говорит "нет", отталкиваясь от веры и захлопывая двери спасения. Естественно, что для О'Брайена, неотделимой частицы партийного организма, понятие "Бог" представляло лишь субъективную опасность, которую, как и всякую другую крамолу, достаточно выжечь из сознания людей, чтобы уничтожить без следа. Но так как О'Брайен уже не личность, его мнение в данном случае неинтересно; трагедия же — в отрицательном ответе Уинстона, предвещающем окончательную победу Партии над человеком.

Впрочем, еще и до ареста, восстав против Партии, Уинстон оказался чрезвычайно уязвимым именно вследствие своего неверия. Вступая в тайное братство и объявляя себя врагом Старшего Брата, он, вместе с Юлией, обещал бороться с ненавистной ему властью любыми средствами:

"Вы готовы совершить убийство?"

— Да.

— Готовы совершать акты саботажа, которые могут стоить жизни сотням невинных людей?"

— Да.

— Готовы предать свою страну иностранцам?"

— Да.

— Готовы обманывать, подделывать, шантажировать, развращать умы малолетних, способствовать распространению наркотиков и венерических болезней, поощрять проституцию, — готовы делать все, что может деморализовать и ослабить Партию?

— Да.

— Если, например, нам для каких-то целей будет нужно, чтобы вы плеснули серной кислотой в лицо ребенка, вы готовы это сделать?

— Да". (Стр. 170).

Никакие высшие принципы не удержали его от обещания творить зло ради уничтожения ненавистной ему диктатуры Партии. И О'Брайен (хоть сам, конечно же, не знал никакой морали, кроме партийной) в общем был совершенно прав, напомнив Уинстону о том, что в нравственном отношении сам Смит ничуть не чище Партии. В душу к Уинстону уже проник соблазн морального плюрализма и относительности добра и зла. А как духовно силен мог бы он быть перед лицом всякого искушения, верь он в высшую справедливость и в абсолютность морали.

Не менее важно и то, что задолго до своего "курса лечения" в подвалах Министерства Любви, у Уинстона уже зародились сомнения в правильности его мысли об объективности фактов и явлений. Он размышляет: "Они могут оказаться правы. В конце концов, откуда известно, что два и два — четыре? Или, что закон тяготения имеет силу? Или, что прошлое неизменяемо? Ведь если и прошлое и объективная реальность существуют лишь в сознании, а само сознание подчиняется контролю, то значит..." (стр. 80-81).

Все же, Уинстон всеми силами сопротивляется разлагающему соблазну официальной идеологии, но его неверие и разум, стоящий над человеческим, не позволяет ему противостоять партийной логике. Так, утверждая, что сама история подвластна Партии ("кто управляет прошлым, тот управляет будущим, а кто управляет настоящим, тот управляет прошлым"), О'Брайен спрашивает Смита: "Скажите, Уинстон, вы и в самом деле верите, что прошлое реально существует?... Существует ли прошлое конкретно, в пространстве? Существует ли такое место во вселенной, в материальном мире, где прошлое совершается?" (стр. 247). И именно из-за своего неверия Смит на этот вопрос отвечает отрицательно: прошлое, по его мнению, существует лишь в документах и в человеческой

памяти, а, следовательно, полностью подчинено Партии. В итоге, Уинстон усваивает и основную доктрину Партии о том, что всякая реальность необъективна. Его старая мысль теперь казалась ему ошибочной: "В ней заключалось предположение, что где-то, вне человека, существует "реальный" мир, в котором совершаются "реальные" явления. Но как можно допустить существование такого мира? И что мы знаем вообще, кроме собственных мыслей? Все, что происходит, — происходит в уме человека. И то, что происходит в умах всех, — происходит в действительности" (стр. 278).

Более того, Уинстон в конце концов признал, что свободный, независимый человек всегда беспомощен и неминуемо ошибается, а два плюс два в какой-то момент бывает и пять, если так решит Партия своим коллективным сознанием: "Несомненно, он капитулировал... Партия была права... Может ли ошибаться коллективный и бессмертный разум? И где те объективные критерии, с помощью которых можно было бы его судить?" (стр. 276-277).

Однако, уже подчинив себе разум человека, Партия еще не одержала над ним полной победы. Напомним, что "лечение" Уинстона заключалось в опустошении всего его внутреннего мира, а не только в прекращении его самостоятельной умственной деятельности. Уничтожив способность Уинстона независимо мыслить, Партия сделала лишь полдела, поскольку "он покорился Партии, но продолжал ненавидеть ее. Прежде он прятал свою ересь под личиной правоты. Теперь он отступил еще на шаг: он капитулировал даже в сознании, но надеялся сберечь неоскверненную душу" (стр. 280). И прежде, чем Партия могла бы праздновать окончательное "излечение" еще одной из своих клеток, ей надо было выжечь, дочиста вычистить все, что было в душе и в сердце Уинстона Смита. О'Брайен так прямо и говорит ему: "Вы правляетесь. Ваш рассудок уже почти в порядке. Только эмоции мешают вашему дальнейшему выздоровлению" (стр. 282). И здесь опять необходимо вернуться к вопросу о вере, вернее — о неверии.

Вся жизнь Уинстона, как до, так и после ареста, была наполнена постоянным страхом и ненавистью. Он ненавидел и боялся Партию и партийную идеологию во всех ее проявлениях; он ненавидел и боялся почти всех людей, с которыми ему случалось сталкиваться, поскольку любой из его соседей или сослуживцев при первом признаке инакомыслия выдал бы его Полиции Мысли; он ненавидел

и боялся даже детей, злющих маленьких бесенят, воспитанных в безграничной любви к Партии, мечтающих лишь о героическом разоблачении ее врагов. Поистине, для Уинстона была ненавистна сама жизнь в Океании, и единственное существо, несущее ему радость и смысл существования, была Юлия. Но, разумеется, и в его любви к ней была ложка дегтя; по его же словам, "теперь нет ни настоящей любви, ни настоящей страсти. Нет никаких настоящих чувств, потому что во всем — примесь страха и ненависти". Их роман — "был сокрушающий удар по Партии. Это был политический акт" (стр.124). Кроме того, любовь Уинстона к Юлии не была высоким чувством восхищения перед женской красотой и чистотой. Он сам говорит ей, что ненавидит любое проявление добропорядочности, которую Партия использует для подавления человека: "Я ненавижу чистоту! Я ненавижу непорочность! Я готов сокрушать добродетель всюду, где она существует! Я хочу, чтобы все до мозга костей было развращено!" И Юлия отвечает ему: "Прекрасно. Значит я подхожу тебе. Я развращена до мозга костей" (стр.123).

И все же, любовь Уинстона была самым высоким чувством в его жизни. Юлия представляла для него наивысшую ценность в отвратительном мире жестокости и лжи. Даже когда, под влиянием ненависти к Партии, Уинстон обещал не задумываясь расстаться с жизнью, убивать и калечить невинных людей, если это понадобится для "правого дела", он все же не согласился расстаться с Юлией. Получается, что все самые высокие, сильные чувства, способные родиться в ожесточенной, но жаждущей света душе Уинстона, были обращены к недалекой, развращенной девчонке. И в этом заключалась его трагедия. Не на Вечное и далекое от мирской суеты и грязи были его упования и надежды, не на духовное, а на земное, временное и проходящее. Именно поэтому для Партии не представляло особого труда опустошить душу Уинстона — нужно было лишь убить в нем любовь к Юлии. И мучители добились своего; ведь в нечеловеческом ужасе перед уготовленной ему пыткой Уинстон искренне пожелал спасти себя ценой мучений своей подруги. После этого — любовь угасла: "Иногда... они угрожают вам чем-то таким, что невозможно вынести... О чем невозможно даже и подумать. И тут вы говорите: "Не делайте этого со мной, пусть это будет... с тем-то и с тем-то"... И после

этого вы уже не можете относиться к тому человеку так, как относились прежде" (стр. 292).

Итак, Партия осуществила свою главную задачу. Она полностью выправила все человеческое из души Уинстона Смита, чтобы затем заполнить собою пустую оболочку прежней личности, сделав из Уинстона неотъемлемую часть своего оздоровленного организма. Как мы видели, Партии в первую очередь помог отрицательный ответ Уинстона на вопрос о вере. Скажи он "да", и Партия сломала бы лишь его тело, а разлагающий яд морального и духовного релятивизма не проник бы в душу. Избрав же неверие, Уинстон потерял все точки отсчета, отказался от духовного монизма, от света веры и помощи свыше, позволяя коллективу постепенно овладеть всем его существом. К тому времени, когда Партия смогла, наконец, торжествовать полную победу, Уинстон Смит как человек уже не существовал. И именно неверие и соблазн субъективной позиции были причиной его духовной смерти.

"1984" — апокалипсическая книга, роман о конце человеческой истории. Сбылось то, что предсказал О'Брайен Уинстону: "Вы последний человек. Вы из породы вымирающих; мы идем на смену вам" (стр. 270). В романе Орвелла Царство Смерти уже наступило. Человеческие души опустошены, и безжизненные тени псевдолюдей слились в едином партийном организме. Время остановилось, и мир погрузился во мрак небытия. А произошло это благодаря тому, что владычество Партии было воздвигнуто на дьявольской лжи, и в первую очередь — на роковой неправде релятивизма. Впрочем, неужели такая внешне невинная вещь, как отход от монизма, от веры в единую Истину, высшую мораль и объективность явлений — в конце концов должна неизбежно привести к духовному рабству и вымиранию? Здесь нам остается лишь признать, что таков необратимый конец плюралистического мировоззрения. Верно, что человеку не дано до конца понять незбылемую вечную Истину. Но в тот момент, когда он перестает к ней стремиться, смещаются все точки отсчета, и человек теряет всякую нравственную и духовную опору для своей жизнедеятельности. Утратив же веру в нерушимость понятий и законов, человек не ощущает более уверенности в себе и своих действиях, чувствуя свою первобытную беспомощность. И вот тогда возникает потребность

в объединении, идея коллектива, частично спасающего человека от ужаса одиночества, но все так же стоящего перед вечной загадкой, которая делает отпавшего от веры человека таким беззащитным, — загадкой земной бренности и недолговечности. И здесь мы возвращаемся к самому началу наших размышлений, к вопросу о том, что, в соответствии со своей антирелигиозной идеологией, коллективное сознание орвелловской Партии вынуждено было искать ключ к бессмертию вне веры, найдя его в подавлении и уничтожении личности во имя вечного здоровья единого организма. Так, отказавшись от веры и соблазнившись мнимой свободой плюралистического мировоззрения, человек неизбежно приходит к духовному самоуничтожению, к потере всего того, что делает нас людьми. И потому стоит перед нами выбор: либо зыбкость релятивизма и растворение в мертвенном лике Старшего Брата, либо путь упорного продвижения к Истине, незыблемой и животворящей.

Литературный архив

К столетию со дня рождения Н.С. Гумилева

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ В.С. СРЕЗНЕВСКОЙ *

... С "Колей Гумилевым", тогда еще гимназистом VII кл., Аня познакомилась в 1902 г. под Рождество. Мы вышли из дому — Аня и я с моим братом Сережей — прикупить какие-то милые украшения для елки, которая у нас всегда бывала в тот день Рождества.

Был чудный солнечный день. Около Гостиного двора мы встретились с "мальчиками Гумилевыми", Митей (старшим, тогда морским кадетиком) и Колей-гимназистом. Я с ними была раньше знакома через общую учительницу музыки, Елизавету Михайловну Баженову, которая учила музыке и меня, и Гумилевых и ввела в наш дом своего почему-то ей очень понравившегося старшего Митю и уже намного позже познакомила меня с Колей. Встретив их на улице, мы уже дальше пошли — я с Митей, Аня с Колей за покупками, и они проводили нас до дому. Аня ничуть не была заинтересована этой встречей, я тем менее, потому что с Митей мне всегда было скучно, — он не имел никаких достоинств в моих глазах. Но, очевидно, не так отнесся Николай Степанович к этой встрече.

Я часто, возвращаясь из гимназии, видела, как он маячил вдаль в ожидании появления Ани.

Он постарался познакомиться с Аниным старшим братом Андреем, постарался проникнуть в их довольно замкнутый дом.

Ане он не нравился — вероятно оттого, что в этом возрасте девочки мечтают о разочарованных молодых людях старше

* Из книги: Н.С. Гумилев. *Неизданное и несобранное*. Составили проф. М. Баскер и Ш. Грехем. Выходит в издательстве YMCA-PRESS в апреле 1986.

Валерия Сергеевна Срезневская (1889-1964) — ближайшая подруга Ахматовой через всю жизнь.

25 лет, познавших уже много запретных плодов и пресытившихся их пряным вкусом.

Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами. Он не был красив, — в этот ранний период он был несколько деревянным, очень высокомерным с виду — и очень неуверенным в себе внутри. Он много читал, любил французских символистов, хотя не очень свободно владел французским языком, однако вполне достаточно, чтобы читать, не нуждаясь в переводе. Он был высоким, худощавым, с очень красивыми руками, несколько длинным бледным лицом, без особых примет, — я бы сказала, не очень заметный, но не лишенный элегантности наружности, — блондин, каких у нас на севере можно часто встретить. Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую военную школу, он сделался лихим наездником, обучавшим молодых солдат, храбрым офицером (он имел два Георгия за храбрость), подтянулся и, благодаря своей очень хорошей длинноногой фигуре и широким плечам, был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире.

А улыбка и несколько насмешливый, но милый и не дерзкий взгляд больших, несколько пристальных, чуть косящих глаз просто мог понравиться и нравился многим и многим.

Говорил он чуть нараспев, нетвердо выговаривая "р" и "л", что придавало его говору совсем не безобразное своеобразие, отнюдь не похожее на косноязычие. Мне нравилось, как он читал стихи; он часто бывал у нас, когда я уже была замужем, очень дружил с моим мужем, и по старой памяти и со мною, и мы много и часто просили его читать стихи.

Но вернемся к первой юности. В 1905 г. Горенко уехали из Царского Села по семейным обстоятельствам, и этот очень короткий промежуток наших жизней держался только на переписке, к сожалению, затерянной нами в течение потрясений наших нелепых судеб. Аня никогда не писала о любви к Гумилеву, но часто упоминала о его настойчивой привязанности — о неоднократных предложениях брака и своих легкомысленных отказах и равнодушии к этим проектам.

В Киеве у нее были родственные связи, кузина, вышедшая позже замуж за Аниного старшего брата Андрея; она, кажется, не скучала. Николай Степанович приезжал в Киев, и вдруг в одно прекрасное утро я получила извещение об их свадьбе. Меня это удивило.

Вскоре приехала Аня. Она сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своем браке, и мне показалось, что ничто в ней не изменилось, и даже нет какого-то часто встречающегося у новобрачных желания поговорить о своей судьбе... как будто это событие не может иметь ни для нее — ни для меня — какого бы то ни было значения.

Мы много и долго говорили на разные темы, она читала стихи, — гораздо более женские и глубокие, чем раньше, — в которых я не нашла образа Коли, — как вообще в последующей ее лирике, где скупое и мимолетно можно найти намеки на ее мужа, — в отличие от лирики Гумилева, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, маячит образ его жены, сквозь все его увлечения и разнообразные темы. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая "злое торжество".

И тая в глазах злое торжество,
Женщина в углу слушала его.

Это стихотворение стоит того, чтобы его полностью процитировать в подтверждение моих — всегда основанных не только на впечатлениях, но и на признаниях и фактах — высказываний.

Конечно, они оба были слишком свободными и большими людьми для пары воркующих "сизых голубков"... Их отношения были скорее тайным единоборством — с ее стороны для самодовольствия как свободной женщины, с его стороны — с желанием не поддаться никаким колдовским чарам и остаться самим собой, независимым и властным... увы, без власти над этой вечно ускользающей от него, многообразной и не подчиняющейся никому женщиной. Если говорить о любви — я не совсем понимаю, что разные люди этим словом хотят сказать?! — но если любовь — это навязчивый и иногда любимый, а иногда ненавидимый образ — и всегда один и тот же, — то смею определенно сказать, что если была любовь у Николая Степановича — а она, с моей точки зрения, сквозь всю его жизнь была, — то это была Ахматова. Оговорюсь: я думаю, что в Париже может быть была еще так называемая "Синяя звезда" — во всяком случае (нежность ведь тоже любовь?) "Синяя звезда" была тоже им любима — и очень нежно. Остальное — как бы это ни называлось — вызывало у него улыбку, не без иронии, и шуточный тон.

Но разве существует на свете моногамия для мужчин?

Я помню, раз (мы шли по набережной Невы с Колей и мирно беседовали о чувствах женщин и мужчин) он сказал: "Я знаю только одно: что настоящий мужчина полигамист, а настоящая женщина моногамична". — "А вы такую женщину знаете?" — спросила я. — "Пожалуй, нет, но думаю, что она есть", — смеясь ответил он. Я вспомнила Ахматову, но, зная, что это больно, не сказала ему. У Ахматовой большая и сложная жизнь сердца — я-то это знаю, как, вероятно, никто, — но Николай Степанович — отец ее единственного ребенка! — занимает в жизни ее сердца скромное место. Странно, непонятно, может быть и необычно — но это так.

Великий сердцевед Л.Н. Толстой отметил эту черту в Анне Карениной...

Но не надо аналогий... они ни к чему. Люди очень различны, в этом повинны жизнь и время.

И несмотря на то, что часто в больших и сложных биографиях всегда звучит тема "роковой любви" — и Байрона, Пушкина, Тютчева, Блока и даже Лермонгова, — не будем до поры до времени трогать ее!

А пожалуй, у меня есть что сказать о ней... Так уж мне удалось вчитаться в чужие жизни.

Могу сказать еще то, что я знаю очень хорошо: Гумилев был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и властной матери, несомненно радовался, что сын растет под крылом, где ему самому было так хорошо и тепло. Не берусь оспаривать, где он был в момент рождения сына; отцы обычно не присутствуют при этом, и святые отцы должны лучше меня знать, что если им и удалось соблазнить своих приятелей сопровождать их в место своих обычных увеселений, то это нисколько не мешает тому, что эти приятели коротают это тревожное время выпивая, и заглушают внутреннюю тревогу не совсем понятным способом...

Мне думается, что Гумилев — подвернись другой приятель, менее подверженный таким "весельям", — мог поехать в монастырь, мужской или женский, и отстоять монастырскую вечерню с переполненным умилением сердцем.

Знаю, что он звонил в клинику, где лежала Аня (самую лучшую тогда клинику проф. Отта — очень дорогую и очень хорошо обставленную, на Васильевском Острове), и затем, по окончании всей этой эпопеи, заехал за матерью своего сына и

привез их обоих в Царское Село, к счастливой бабушке, где мы в те дни обедали с мужем и пили шампанское за счастливое событие... и все как полагается, и поздравляли и видели, что все, кроме этой, завистливой и чрезвычайно неумной Шуры Сварчковой, искренне радовались и были по-видимому в полном согласии.

А что большой поэт — а и Гумилев, и Ахматова были ими — имеет много граней жизни и внутри и снаружи, много оттенков света и даже и тьмы внутри — разве думающий и понимающий всю сложность всякого настоящего интеллекта может оспаривать это?

Смею высказать еще одну продуманную до конца мною мысль: не признак ли это мужского характера — совмещать в себе много крайностей, иногда совершенно полярных, — и все же над ними иметь какое-то свое глубокое чувство единого, самого заветного, самого нужного — одного? А факты — это только внешние свидетели, отданные во власть толкования по мере самого толкователя.

Они должны быть точны — все, что от них можно требовать.

Рождение сына очень связало Анну Ахматову — она первое время сама кормила сына и прочно обосновалась в Царском.

Не думаю, что тогда водились чудачки-отцы, катающие колясочки с сыном, — для этого были опытные няни, — но Коля был, как все отцы: навещал своего сына всякий раз, как это было возможно, — и конечно был не хуже, если не лучше, многих образцовых отцов.

[...]

Понемногу и Аня освобождалась от роли матери в том понятии, которое сопряжено с уходом и заботами о ребенке — там были бабушка и няня, — и начала свою обычную жизнь литературной богемы.

Ни у того, ни у другого не было каких-либо поводов к разлуке или разрыву отношений, а очень тесного общения вне поэзии — да и то так различно понимаемой — тоже не было.

У Ахматовой под строками всегда вполне конкретный образ, вполне конкретный факт, хоть и не названный по имени; у Гумилева всегда мечта и фантазия, за которой только близкий знающий человек может видеть причину чувств, родивших эту мечту и фантазию.

И, как всегда, реальность принимает причудливые формы, ощущения разрастаются до пределов галлюцинаций и ведут к бесконечному... и часто к ощущению смерти — так часто присутствующей в поэзии Гумилева — и рождают тоску по неизвестному, куда-то влекут — и поэт уходит за ними в мечты о неизвестных ему краях и встречах, и вот тревожные строки полновзвучных стихов завораживают слушателя или читателя:

Я тело в кресло уроню —
Я свет руками заслону
И буду думать долго-долго...

Гумилев поэт раздумий и предчувствий. Может быть, в этом жутком мире он если не знал, то провидел свою трагическую судьбу? ...

Судьбы России

Подвижники XIX века

С. А. БОЛЬШАКОВ

ИГУМЕНЬЯ МАРИЯ ТУЧКОВА,
основательница Спасо-Бородинского монастыря.

Игуменья Мария, в миру Маргарита Михайловна Нарышкина, родилась 2 января 1781 года. Ее отец, Михаил Петрович, происходил из известного дворянского рода Нарышкиных, к которому принадлежала мать Петра Великого, царица Наталья Кирилловна. Мать игуменьи Марии, Варвара Алексеевна, происходила из знаменитого княжеского рода Волконских, была рюриковной. Родители Маргариты были люди знатные и богатые, но также благочестивые и добрые. У них было три сына и четыре дочери, из которых Маргарита была старшей. Хотя не красавица, Маргарита была хороша собой, умна и с твердым характером. Она получила обычное воспитание девицы благородного рода. Знала в совершенстве немецкий и французский языки и была очень начитанна.

Маргарите едва исполнилось 16 лет, когда родители выдали ее замуж за блестящего и умного генерал-майора Ласунского, к несчастью, человека весьма развратного и неверующего, который быстро оставил свою жену. По определению Синода и императорскому указу, брак генерал-майора Ласунского и Маргариты Михайловны Нарышкиной был расторгнут, и она вернулась в родительский дом.

Через некоторое время Маргарита Нарышкина встретила молодого и красивого офицера Ревельского пехотного полка, Александра Алексеевича Тучкова. Она пожелала выйти за него

замуж, но родители, помня несчастный первый брак их дочери с генералом Ласунским, заставили влюбленных прождать несколько лет, прежде чем дать свое согласие. Последнее наконец было дано, и молодые повенчались. Маргарита Тучкова оказалась примерной женой и сопровождала мужа в его заграничных походах. За шведскую кампанию Тучков был произведен в генерал-майоры. В 1811 году у супругов родился сын Николай. Все предвещало, казалось бы, безоблачное счастье, но Промысл судил иначе. Тучкова испытывала какую-то тревогу и видела угрожающие сны. В одном из них она видела дом с надписью "Твоя участь решится в Бородине", а в другом ей привиделся постоялый двор и к ней входит отец и говорит, поднося ей ее сына: "Друг мой! Вот все, что осталось тебе от твоего Александра! Муж твой пал со шпагою в руке — на полях Бородина". (Елизавета Шахова, *Памятные записки о жизни игуменьи Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в миру Маргариты Михайловны Тучковой, урожденной Нарышкиной*, СПб, 1865, стр.12). Муж, желая успокоить жену, приказал принести карту России, и оба стали отыскивать Бородино, и не нашли. Они искали его в западных губерниях и совсем не подумали о Москве.

Случилось все-таки так, как привиделось Тучковой. Наступил 1812 год и вторжение Наполеона в Россию. Генерал Тучков выступил по приказанию главнокомандующего со своим полком к Смоленску. Приказание это привез адъютант генерала Баркляя-де-Толли, К.М. Нарышкин, брат Тучковой. Последняя выехала со своим сыном к родителям, в их костромские имения, взяв с собой церковную утварь и храмовую икону полка, Нерукотворный Спас, которые ей поручили офицеры, дабы они не пропали в случае разграбления обозов.

Тучковы остановились в Кинешме. Муж ей писал довольно часто, но вдруг письма прекратились. 1 сентября, в день своих именин, выходя из церкви, Тучкова встретила своего брата, флигель-адъютанта К. М. Нарышкина, который на вопрос ее о муже ничего не отвечал. Тучкова, полная тяжких предчувствий, вернулась к себе на постоялый двор. В ее комнату вошел ее духовник, ее семейство, во главе с отцом, который, поднося ей ее сына, сказал то же самое, что она видела за год во сне.

Генерал Тучков погиб смертью храбрых на Семеновском редуте Бородина. Вдова генерала посетила поле сражения несколько

недель спустя после ухода французов из Москвы, пытаясь найти тело мужа. Сопровождаемая монахом-отшельником Колоцкого монастыря, Тучкова прошла все поле сражения, десятиверстное расстояние. Всюду валялись трупы, которые за множеством нельзя было похоронить. Их сжигали кучами, по ночам, когда всюду горели костры. Всюду был трупный запах. Семеновский редут был так забит трупами в различной степени разложения, что нечего было и думать найти тело генерала Тучкова. Генеральша вернулась ни с чем.

Первые годы вдовства Тучкова проводила большей частью в своем тульском имении, Ломакове, в уединении, занимаясь воспитанием сына Николая, которому она приискала гувернантку, Mme Bouvier. Кроме как в Москву, на свидание с родными, и в Троице-Сергиеву Лавру, Тучкова никуда не ездила. Когда сыну исполнилось восемь лет, Тучкова переехала с ним в Москву, а оттуда на три года в Дерпт. Хотя Николай Тучков еще ребенком был записан в Пажеский корпус, он в корпус не поступил по слабому здоровью.

Одновременно у Тучковой была мысль увековечить память мужа и павших с ним в Бородине построением церкви. Она начала с того, что поспешила устроить в разоренном Бородинском храме престол во имя преп. Сергия Радонежского, на что она получила утверждение епархиальной власти и согласие императора Александра I. Задачей Тучковой стало построение часовни в Семеновском редуте, на том месте, где пал ее муж, генерал Тучков. Она думала внести туда полковую икону Нерукотворного Спаса, оставленную ей мужем и офицерами Ревельского полка навсегда. Александр I одобрил начинание генеральши и пожаловал ей 10.000 рублей на построение небольшого храма в Семеновском редуте. Тучкова пожертвовала на построение храма все свои драгоценности. В 1820 году круглая каменная Спасо-Бородинская церковь была освящена.

Тучковой недолго пришлось радоваться своему сыну. 16 октября 1826 года он скончался после продолжительной болезни. Ему едва исполнилось 15 лет. Тучкова погребла сына в склепе воздвигнутого ею храма, напротив памятника мужу, и положила на нем плиту с вырезанными словами из Библии: "Се аз, Господи, и чадо еже ми дал еси". Перед могилой она поставила на аналое икону Божией Матери Всех Скорбящих Радости, благословение

отца сыну, на которую она возложила драгоценности, что должны были перейти сыну. Тогда же Тучкова решила поселиться у храма и построила себе небольшой домик. Тучкова завела тогда же ежедневное служение в церкви. Последнее совершалось иеромонахом и послушником Лужецкого монастыря, куда она сделала вклад в 20 тысяч рублей.

Елизавета Шахова так описывает в своей книге домик Тучковой при церкви: "Привлекательно, чудно было уединение бородинской отшельницы! Умилительная картина украшала пространство этого поля-моря! На возвышенном, привольном холме — белелась круглая, среброглавая церковь, с высокой папертью, на широких каменных уступах, направо от нее, под смиренной крышей, пустынный колокол, повешенный на деревянных столбиках; налево, у самой подошвы холма, ничем не огражденное, скромное жилище пустынноицы и ее сподвижников, осененное недавно рассаженными самой строительницею молодыми кленами, соснами и тополями; и вокруг необозримые, волнообразные поля, с густою по сторонам опушкою темно-зеленого мха! Какая тишина! Какое ненарушимое безмолвие! Какая драгоценная свобода предаваться богомыслию, молитве, уединенному, ничем не развлеченному, глубоко-внимательному чтению". (Стр. 30).

Тучкова думала было основать при церкви богадельню для военных инвалидов 1812 года, но Промысл Божий судил ей другое. Однажды к ней привезли вдову-крестьянку со скрученными руками и ногами, за которой бежали две ее малые дочери, слабоумные и косноязычные. Генеральша взяла их к себе на пропитание. Вслед за тем стали являться молодые окрестные крестьянки с предложением послужить увечною, если им позволят жить при церкви. Генеральша приняла 2-3 таких молодых девушек, но их стало приходить все больше и больше. За простыми пришли и аристократки из известных дворянских фамилий Воейковых, Дехтеревых, Тропиных и др. Маленький церковный домик не мог вместить всех: нужно было строиться. В 1833 году, когда у Тучковой было уже 70 сожителей, она подала прошение императору Николаю I именовать ее собрание Спасо-Бородинским богоугодным общежитием. Император утвердил прошение Тучковой, обратившее ее общежитие в женскую общину. Продав половину своего ярославского имения и отпустив на волю своих тульских крестьян, обязавшихся вносить ей на содержание общины 3000 рублей

ежегодно, Тучкова положила материальное основание своей обители. В начале сестрам жить было очень нелегко, но вскоре явились благодетели, и значительные, и жизнь стала легче.

Тучкова была знакома с приснопамятным митрополитом московским Филаретом и часто ездила к нему за советами и поддержкой. В июле 1836 года, когда она посещала митрополита в Троице-Сергиевой Лавре, последний внезапно сказал ей: "Полно тебе ходить черной булавкой. Пора облечься в одежду, приличную жительству. Бог призывает тебя мною недостойным". Митрополит предложил Тучковой постричь ее в рясофор с именем Мелании, а так как у нее не было с собой монашеской одежды — она не ожидала пострижения — то дал ей свой клобук и рясу.

В письме своем своему духовнику о. Савватию Тучкова писала так: "4 июля 1836 года, в обители преп. Сергия, в присутствии великого отца-благодетеля моего, митрополита Филарета, пострижена я в рясофор, и наименована Меланией. Отец Антоний, наместник лаврский, — по постригу отец мой, и владыка — как восприемник. Они двое только и были при сем событии". (Ел. Шахова, стр. 38-39). Вернувшись к себе рясофорной монахиней Меланией, Тучкова подала прошение императору Николаю I обратиться в классный монастырь, жертвуя на него дарованную ей генеральскую пенсию и аренду. Император снесся с Синодом, который склонился на просьбу Тучковой, и обратил ее общежитие в женский общежительный монастырь. Николай I пожертвовал тогда же монастырю 25.000 рублей на построение вокруг монастыря каменной ограды и теплой церкви с трапезной в одной из башен ограды. Было это в 1838 году.

23 июля 1839 года митрополит Филарет освятил новый храм и произнес замечательную проповедь, в которой, между прочим, сказал: "Добрая была мысль — посвятить храм Богу на месте, где столь многие тысячи подвизавшихся за веру, царя и отечество, положили временную жизнь, в надежде воспринять вечную. Те из них, которые принесли себя в жертву, в чистой преданности Богу, царю и отечеству, достойны мученического венца и потому достойны участия в церковной почести, которая издавна воздавалась мученикам, посвящением Богу храмов над их гробами. Если же иные из сих душ, оставляя тело, носили на себе некоторые тяготы грехов, некоторые нечистоты страстей, и, к своему облегчению и очищению, требуют силы церковных молитв и бескровной жертвы, за них

приносимой, то, за свой подвиг, паче других усопших достойны они получить сию помощь.

Мысль обитать здесь родилась, может быть, в недрах частной семейственной печали. Что же нужды? Довольно на первый раз, если печаль сия принесена Богу и в Нем взымела утешение. В совершенстве никтоже благ, токмо един Бог (Лук. 18, 19). Немошь есть исходная точка человека: совершенство — цель, которую он не вдруг даже усматривает, а усмотрев, и при усиленном стремлении к ней всегда видит в расстоянии от себя. Благий Бог, ведающий человеческого естества немощь, милосердный Господь, льна курящегося не угашающий, видит и слабую искру искренно доброго намерения в человеке, и Сам подвизается, судьбами своего провидения, очистить ее от дыма естества, и напитать чистым светом благодати, к истинному благу и спасению душ. Не усомнимся признать дела Божия провидения в том, что без искания нашлись желающие обитать в сем месте, когда оно было пусто, не утверждено никаким постановлением, ничем не обеспечено; что сии люди вошли в общество, которое не было еще утверждено, предали себя на послушание, когда еще не было власти, что сие жительство новое было потом утверждено церковным благословением и державною волею, под необычным наименованием благородного общежития, а наконец возведено и в чине обителей монашествующих, что царская щедрость пришла на помощь частным приношениям, дабы надгробный храм и смежные при нем жилища облеклись в вид, обители свойственный, с присовокуплением и сего другого храма, приспособленного собственно к потребностям обители...

Для того, чтобы в сей обители тем удобнее услышать глас Господа, приближающийся к нашей обители внутренней, чем менее здесь оглушаемся шумом и молвою мира; для того, чтобы в дверь сердца, отверзаемую Господу, не так легко вторгалось многое, что мы оставили за оградой видимой обители; — для того, для чего пророку Илии нужен был Кармил и Иоанну Крестителю пустыня, — для того, чтобы жизнь пресвятыя Девы Богородицы имела на земле подражательное продолжение и бывшее о Ней пророчество ясно было в исполнении: приведутся Царю девы вслед Ее (Пс. 14, 15); — для того, чтобы дать свободное место слову Господню: могий вместити, да вместит; и другому: "аще хочещи совершен быти, иди, продаждь имение твое, — и имети имаши сокровище на небеси". (Матф. 19, 21).

Почему-то св. Златоуст, похваляя христианское благочестие страны египетской в свое время, отдает в то же время преимущество пустынножителям. "И сия, говорит он, не во градах токмо благая, но и в пустынях паче, нежели в градах. Ибо мощно бе видети, во всей стране оной, Христово воинство и царское стадо, и горних сил гражданство. И сия не в мужех токмо, но и в женской породе содержимы обретаются: ибо и они не меньше мужей любомудрствуют; не шиты приемлющи, не на кони вседающи, якоже славнии еллинисты повелевают законоположения и любомудрцы, но ину много труднейшу рать имущи. Обща бо женам и мужам брань к диаволу, и к властем тьмы, и нигдеже естества немощь таковых сражениям бывает препятствие. Не по естеству бо телес, но по произволению души сие судится ратование. Сего ради и жены паче мужей подвизаются многожды, и светлейшие победы знамения поставиша. Сего ради, продолжает он, с прилежнейшим учений хранением многу и житием своим показывают добродетель: всех бо имений совлекшеся, и всему миру распеншеся, далее происходят, и телесный свой труд в пищу требующим источающе. Ниже бы, егда постятся и бдят, праздни во дни быти хошут: но нощи во священных песнях и всенощных молитвах, дни же в молитвах, купно и рукоделии проводят". (Злат. на Матф., прав. 8).

В сих изречениях златословесного учителя, пребывающие в сей обители да обретут и закон своего подвижничества, и поощрение в нем; а мир да уразумеет из оных, что устроая святыя обители иночествующих, мы вводим не произволом человеческим изобретенное жительство, но древнее благочестие и священный чин церковный соблюдаем. Аминь". (Ел. Шахова, стр. 42-48).

Вскоре после освящения новой церкви в августе 1839 года состоялось освящение памятника погибшим в сражении Бородинским воинам. На маневры по сему случаю были собраны многие войска и прибыл император Николай I в сопровождении наследника, будущего императора Александра II, который уже посещал Бородинский монастырь в 1837 году, великих князей и многих иностранных принцев из Австрии, Германии и Голландии. Император посетил монахиню Меланию, пригласил ее на торжество освящения памятника и был с ней отменно любезен. Посетили Меланию и все высокопоставленные особы и генералы, а в церковь зашли все военные даже до последнего рядового. Почести, масса

войск, гром орудий — все это так сильно повлияло на Меланию, что она лишилась сознания и памяти.

Это и неудивительно. Многие воспоминания поднялись в ее памяти. Т. Тольчева в своей книге "Спасо-Бородинский монастырь и его основательница" (Москва, 1902) так описывает первое посещение Тучковой Бородина: "Она поехала на Бородинское поле отыскивать тело мужа. Уже наступила вторая половина октября, когда ее дорожная карета остановилась у скромной усадьбы знакомой ей доброй женщины, жившей около Можайска. Путешественница, не давши себе времени отдохнуть от тяжелой дороги, послала в Лужецкий монастырь просить священников прийти немедленно на место битвы, чтобы отслужить панихиду по убиенным, а между тем поехала сама на поле, где, по выражению Ф.Н. Глинки, "лежали трупы, валялись трупы, страшными холмами громоздились трупы". Все усиливало ужасы картины: ночь уже наступила, небо было сумрачно, дул по временам холодный ветер, и воздух был заражен тысячами тлевших тел. По распоряжению начальства приступили к их сожжению, и на берегах Огника пылали костры, над которыми поднимался в сыром воздухе густой дым. Здесь Маргарита Михайловна опустилась на колени и слушала панихиду по "убиенному боярине Александре и всем воинам, на сем месте погибшим". Когда клир умолк, повторив за диаконом "вечная память", Тучкова встала и спросила, кто поможет ей отыскать тело мужа. На этот подвиг вызвался старый схимник.

Место, где пал Александр Алексеевич, было приблизительно известно. Один из бородинских воинов, граф Коновницын, друг Нарышкиных, прислал Маргарите Михайловне план поля битвы, где батарея, на которой сражался Тучков, была означена около ручья Огника и деревни Семеновской. Кроме того узнали от солдата Ревельского полка, что у генерала оторвало обе руки и он упал. Солдаты подняли его, чтобы унести с места сражения, но лишь только они прошли несколько шагов со своей ношей, у него оторвало ноги, и, наконец, ядро, попавшее в грудь, прекратило его страдания.

Отшельник, держа в одной руке факел, а в другой фиал со святой водой и кропильницей, шел вперед по указаниям вдовы. Она останавливалась на каждом шагу, прокладывая себе медленно путь между разбросанными и отсеченными членами. Старик творил воплодоса молитву и окроплял святой водой убиенных, а она

нагибалась к каждому обесчеленному трупу и старалась узнать сквозь признаки тления дорогие для нее черты. Лихорадочная надежда поддерживала ее силы, и во всю ночь продолжалось ее странствие по Бородинскому полю. Наконец, она убедилась, что ее усилия напрасны, и возвратилась в отчаянии на квартиру, где оставила сына и верную свою мадам Бувье. Но, переступив через порог комнаты, она упала без чувств, и, когда пришла в себя, с ней сделался сильный нервный припадок". (Стр. 16-17).

Подобный обморок повторился у Тучковой на смотре 1839 года. Стараниями лейб-медика императора Енохина Тучкова была приведена в чувство. Император лично посетил ее. Во время этого посещения Тучкова просила императора освободить ее брата, декабриста Михаила Михайловича Нарышкина, сосланного в Сибирь. Хотя императора просьба Тучковой смутила, однако просьбу ее он исполнил. М. М. Нарышкину дозволено было вернуться в свое имение Высокое, в Тульской губернии.

Через год после Бородинского смотра рясофорная монахиня Мелания была вызвана в Троице-Сергиеву Лавру для пострижения в мантию. Постригал Тучкову, во время всенощного бдения под Петров день, сам митрополит Филарет. На другой день, на литургии, он рукоположил ее в диакониссы, единственный известный случай подобного рукоположения в русской Церкви, и возвел в игуменьи.

В письме к сестрам монастырским Тучкова писала так: "Все совершилось. Владыка отец мой снял власы с головы моей. Пострижение было 28-го, во время всенощной, на день святых Апостол. Собор был освещен, как следует в день праздничный. Митрополит сам служил... Три раза я была распротерта на земле крестообразно, во все время лежа, до окончания (тропаря): "Объятия отча", повторяемого при каждом крестообразном долулежании... Владыка был тронут до слез, которые останавливали его речи. — ... Я не могу описать моего душевного состояния! Особенно, когда после окончания владыка взял меня за руку и привел к святому преподобному Сергию, которому отеческим словом препоручил меня! После целования святых мощей я пала в ноги отцу-владыке... и осталась на всю ночь в соборе (в том одеянии, как постригалась), даже на босу ногу, как была.

На другой день меня посвятили в игуменьи, и посвящали, как диакона: повели, повелите... И: аксиос, аксиос! Подавала блюдо для омовения, с полотенцем на плече... Обыкновенно: посох дали... и все тут. Паси овцы Моя!.. О! Боже! Мне ли пасти? Сестры монахини, сестры старшие! София, Екатерина, Пелагия, Олимпиада, Елизавета! Я у ног ваших: обоймите меня. Сестры младшие! Любите любящую вас всех! Простите, — немного оправлюсь, и приеду к сердцу вашему, к сердцу моему". (Ел. Шахова, стр. 56).

Став игуменьей, Мария Тучкова занялась особенно тщательно своей обителью. Пение игуменья любила старинное, а чтение ясное и неспешное. Игуменья Мария жила в эпоху крепостного права, когда общество резко делилось на сословие свободных и привилегированных и зависимых, крепостных. Среди сестер были и крестьянки, и дворянки, игуменья заботилась о равенстве и согласии в монашеском общежитии.

"Не величайтесь одна перед другой ничем, — говорила игуменья, — ни родом, ни состоянием, ни способностями, ниже труда или послушания. благородная — смиряй себя тем более, по образу смирившегося до рабья зрака, и обходи с простыми не с видом покровительства, унижающего сестру; богатая — помни, что ничто же внесоном в мир сей, из чрева матери своей, яве, яко ниже изнести что можем (1 Тим, 6,7), все же прияли от Господа, иже богат съй, обнища нас ради (2 Кор. 8, 9). Кто отличается учением, или какими талантами, тот должен употреблять их со смирением, на пользу обители, зная, что туне приял, туне и передать должен. А в послушаниях монастырских иметь гордость — бедственней, чем вовсе не трудиться: послушание на то дано нам, чтобы чрез него приобрести смирение. Если мы, живя в одной обители, под одною матерью, не будем крепко любить друг друга, то какую любовь будем иметь к посторонним? А нам еще должно, по заповеди евангельской, любить и ненавидящих нас". (Там же, стр. 66).

Тучкова, пишет Ел. Шахова, "стараясь об уравнении между собою сестер различных сословий, всегда находила возможность утешать благородных и образованных, и не давать перевесу над ними простым и невежественным, если какая-нибудь из последних, по необразованности, начинала увлекаться таким уравнением. Особо, наедине, она всегда толковала им, что "кто более оставил в мире, ради Господа, тот и предпочтен должен быть более; а если

вы видите, что я не делаю благородным особого отличия пред вами, и иногда посылаю барышень на одинаковое с вами послушание, то знайте, что я поступаю так для их душевной пользы, чтобы доставить им более награды от Господа. Согласитесь, сестры, что вы и в мире всегда должны были трудиться, или служить благородным, а здесь уже и в том получили награду, что труды свои посвятили Богу, не мамоне, и работаете не прибыли ради, а для спасения своей души".

Образованных же, когда некоторые из них, по новоначалию своему, смущались кажущимся предпочтением простых образованных, поддерживала она так: "Неужели вы не видите, что я имею в вас ближайших себе помощниц и друзей, и более рассчитываю на ваше благоразумие? Вы должны понимать меня, и стараться способствовать моей цели — сохранить в обители нашей единство, как было у древних. Помните апостольское слово: Не худородные ли мира избра Бог? и пр. Также и того не забывайте, друзья мои, что при всем усердии нашем к телесным трудам, мы не можем и одного дня обойтись без помощи простых сестер, самых неутомимых, а потому и самых необходимых тружениц в обители. В общежитиях нельзя допустить, чтоб и благородным, хоть сначала, понемногу, не принять участия в общих послушаниях. Иначе было бы у нас не собрание сестер, а обыкновенное мирское общество, где одни — господа, а другие — слуги. У нас не штатный монастырь, чтоб каждой жить по своему уставу, и по своей воле". (Там же, стр. 67-68).

Игуменья Мария любила во всем порядок и благочиние. Из-за них в обители случались иногда неприятности. Т. Тольчева в своей книге "Спасо-Бородинский монастырь и его основательница" пишет о них так: "Эти распри были неизбежны при вспыльчивости Марьи Михайловны и разнообразии окружавших ее лиц; но они носили свой особенный, чисто семейный характер, не оставляли ни в ком задней мысли или затаенной злобы, и монахини говорят до сих пор о них с чувством, которое овладевает нами при воспоминании о погибших днях дорогого прошлого.

Не надо забывать, что между сестрами были женщины совершенно неразвитые, и в минуту раздражения они не отличались отборными выражениями. Вспыхнет, бывало, Мария Михайловна от дерзкого слова и возвысит в свою очередь голос. Но дерзкое слово повторится, и выведенная, наконец, из терпения, она схватит

за плечи виновную, и толкнет ее вон из дверей. Потом она примется ходить взад и вперед по келье, закинувши руки за спину, что означало в ней сильное волнение. Но скоро гнев ее оставлял и она приказывала позвать провинившуюся сестру.

— Ты мне нагрубила, — говорила она ей, — разве не грешно грубить матери? А не мать я вам, так лучше мне от вас уехать: я не хочу жить между чужих. — Таких слов монахини не могли слышать без слез, а слез Мария Михайловна не могла видеть хладнокровно.

— И себе горя наделала, глупая, и меня в грех ввела, — начинала она опять, обнимая ее, — да полно, не плачь... Разве мне легко, когда вы плачете?... Полно же, ты виновата, да и я не права перед тобой. И за семейной ссорой следовала семейная мировая". (Стр. 67).

Игуменья Мария была натура глубокая. Она никогда не могла забыть своего горя, потери мужа и сына. Долгие годы она ходила каждое утро в склеп Спасской церкви, чтоб плакать там над гробом сына. Ее часто находили там без сознания. Монахини находили такое горе неподобающим игуменье. Они пожаловались митрополиту Филарету, который стал на сторону сестер и, возводя Тучкову в игуменьи, сказал: "Вы отвечаете теперь перед Богом и вашей совестью за вверенную вам паству; вы посвятили себя всецело великим обязанностям, но личные ваши чувства слишком вас поглощают; принесите их в жертву долгу. Молитесь за усопших, но не лелейте своего горя, а наоборот, отдалите от себя все, что вас наводит на воспоминание о прошлом". Митрополит потребовал, чтобы она перестала ходить на могилу сына и уничтожила вещи, принадлежащие ему и его отцу. Игуменья подчинилась, но не полностью. Она перестала ходить на могилу сына и, собрав в сундук вещи, оставшиеся у ней от мужа и сына, приказала перенести их в далекую комнату и там запереть. Она оставила себе только две миниатюры мужа и сына, а большой портрет генерала Тучкова пожертвовала в трапезную.

Игуменья Мария дважды вызывалась ко двору. В 1840 году она присутствовала при подготовке невесты цесаревича Александра Николаевича, принцессы Марии Гессен-Дармштадтской, к миропомазанию и была при самом совершении таинства. По этому случаю император пожаловал ей наперсный крест, усыпанный бриллиантами, а императрица драгоценные четки из ониксов,

хризолитов и бриллиантов. В 1841 г. цесаревич с супругой посетили Спасо-Бородинскую обитель, где игуменья принимала их во главе 200 сестер. В 1842 г. петербургские покровители игуменьи прислали ей средства построить колокольню. В 1845 г. Николай I вновь пожаловал средства на построение новых каменных келий, которые и были воздвигнуты в 1847 г. Через год игуменья снова была при дворе, присутствовала на миропомазании невесты великого князя Константина Николаевича, принцессы Александры Альтенбургской. Несмотря на почести от императорской семьи, митрополита Филарета и высоких особ, игуменья отличалась всегда крайней простотой и смирением. Она почти никогда не занимала игуменского места, кроме официальных случаев, а обычно сидела среди старых монахинь на скамейке в углу. Каждому священнику и иеромонаху, приезжавшему в монастырь, игуменья кланялась в ноги. Почти так же она кланялась странникам, посещавшим монастырь, как бы плохо они ни были одеты.

Но особо любила она принимать людей высокодуховных, известных молитвенным опытом. В 1847 году она смогла принять известного подвижника, рекомендованного митрополитом Филаретом, ехавшего уединиться в одном из пустынных русских монастырей, можно думать, Игнатия Брянчанинова или Макария Глухарева. Путешественник приехал 30 июля. Елизавета Шахова так описывает его прием: "На крыльце дома, освещенного, как в праздники, ожидала его игуменья Мария, и, увидев его, поклонилась ему в землю, и припала к его стопам. Такой смиренный образ умирительного, пустынного приема, от высокоименитой игуменьи-старицы, глубоко тронул посетителя, и он изъявил ей искреннее свое удовольствие, благодаря Господа за удостоверение его быть странноприютным в святой сей обители. На другой день, после литургии, все до одной сестры принимали его благословение, когда он выходил из церкви, идя с настоятельницей в дом, а многие проводили их в самые покои. "Завидное у вас, матери и сестры, место! — говорил он им. — Весьма способное для возбуждения внимания! Все суетное удалено от вас. Ничто вас не развлекает. Из келий своих вы видите только небо и землю: первое для надежды, вторую — для смирения".

Этот день был посвящен гостем на уединенную беседу с игуменьею Марией, на обозрение обители и знаменитого поля с его достоуважаемым памятником. 1 августа, по окончании обряда освящения

воды на (так называемом) святом пруде монастырском, игуменья снова сопровождала почетного гостя в свои покои. Замечательно было видеть и слышать, как оба они отдавали друг другу честь и преимущество, и подчиняли себя взаимному повиновению: гость уничижал себя пред нею, как странник, ею призренный, а госпожа места — смирялась пред ним, как перед высшей особой, по сану и духовному достоинству, сохраняя, впрочем, непринужденность и безлестную простоту в обхождении. После долгой беседы наедине, как и накануне, мать Мария испросила у него благословения допустить и сестер слышать его беседу. Нашедши необходимость поговорить с некоторыми особенно, для большей их духовной пользы, посетитель просил игуменью оказать ему это доверие. Мать Мария не только не возбранила ему быть совершенно свободным в ее обители, и поступать так, как ему внушит его духовная опытность, но еще представила ему особливо некоторых сестер, из новопринятых, для наставления и таких, которые находились в каком-либо душевном искушении, прося сотворить с ними истинно отеческую милость и открыть неопытным козни и сети невидимого ловителя и хищника.

Послеобеденные часы, по убедительной просьбе игуменьи, были посвящены для чтения о внутреннем духовном делании с объяснением некоторых отеческих писаний об этом предмете. С любовью ловила каждое слово ученолюбивая Мария, ставя вопросы и излагая недоумения. После вечерни назначено было общее собрание; посему, для удобнейшего их размещения, избрали место на балконе, или террасе дома, выходящей на широкий лужок, между Спасскою церковью и малой келией, бывшей сторожкой. В дверях гостиной было поставлено два кресла, для посетителя и игуменьи, а по сторонам балкона два ряда стульев для сестер; остальные сели на ступеньках террасы, а потом уже, сходясь во множестве, как алчущие словесные овцы на пажить духовную, садились на траве, в куртинах, и по ближайшим к дому дорожкам. Умиленный таким древнепустынным зрелищем духовный муж, как вдохновенный свыше, избрал предметом поучения Нагорную проповедь Господа нашего Иисуса Христа на горе блаженств. Раскрыв поданное ему матерью Марией ее келейное Евангелие, он стал объяснять Христову проповедь применительно к иноческой жизни. Беседа продлилась далеко после захождения солнца, и только сумрак и свежесть приближавшейся ночи заставили распустить собрание". (Стр.92-93).

Игуменья всегда просила проезжавших духовных лиц поделиться с ней и ее монахинями своими знаниями и опытом, оговариваясь своим малознанием, отсутствием монашеского опыта в юности и молодости, когда она была женою и матерью. Мария Тучкова так высоко почитала добродетель и подвиг девства, что никогда не позволяла замужним и вдовам подходить к Св. Чаше ранее девиц, хотя первые и были бы уважительнее последних.

После кончины жившей при ней мадам Бувье, гувернантки ее сына, последнее звено, связывавшее игуменью с далеким светским прошлым, порвалось. Француженка оставалась до конца своей жизни католичкой, и очень ревностной. Она каждое посещение обители митрополитом Филаретом пыталась убедить его в непогрешимости папы, приводя доводы, часто его весьма забавлявшие. Католический ксендз из Москвы был вызван исповедать и причащать мадам Бувье, которую он же и похоронил. Кончина мадам Бувье причинила игуменье горе, долго ею не забывавшееся.

В 1851 году игуменья нашла средства на построение в обители третьего храма, так как оба старых уже не вмещали молящихся. Третий храм был посвящен Владимирской Божией Матери. Игуменья стала быстро стареть. У ней появилась водянка, и жизнь ее стала склоняться к концу. На Пасху 1852 года митрополит Филарет писал ей, между прочим: "Слышите также слово святого Златоустого, — и не стремитесь исполнить оное: Никтоже да боится смерти прощение бо от гроба Божия (св. Иоанн Злат., слово на Пасху). Премудро и утешительно наставляет нас вселенский учитель. Если б он сказал только: не бойтесь смерти, потому что от Гроба воссияла жизнь, — мы были бы еще в сомнении: можем ли быть в общении с сей жизнью по грехам нашим? Но когда он не велит бояться смерти потому, что прощение от Гроба Божия, то нам грешным надобно только покаянием и верою отверзти души наши, и в них внидет воссиявший от Гроба Христова свет прощения, а с ним вместе и свет жизни Господа воскресшего". (Шахова, стр. 102).

Мария Тучкова скончалась 29 апреля 1852 года, достойно приготовленная к кончине, в присутствии матери Антонии, позже игуменьи в Москве, сестры Тучковой, княгини Е.М. Голицыной,

врача и келейниц. Т. Толычева пишет в своей книге: "Шесть суток простояло тело игуменьи Марии в Филаретовой церкви. На монастырском дворе толпились крестьяне, пришедшие из ближних и отдаленных сел поклониться праху. Священники не успевали отправить панихид, и на бюро, где происходила свечная продажа, сыпались медные деньги: каждый хотел поставить свечку пред иконою за упокой "ее душеньки". В Спасском храме были разобраны плиты над гробом Николая Тучкова и около него вымерено место для другого еще гроба. Хотелось сестрам послужить в последний раз "матушке" и уложить ее в могилу под звуки стройного хора. Погребальную обедню пропели на славу, но когда отпевание началось, задрожали голоса, и повторились скорбные сцены, которые случается видеть на похоронах матери семейства: со многими монахинями сделалась дурнота и их вынесли из церкви; вместо клиросного пения раздался у гроба громкий плач, и священники одни довершили отпевание". (Толычева, стр. 78-79).

Спасо-Бородинский монастырь существовал до самой революции. Его здания, кажется, существуют и ныне, но монастыря уже нет.

Библиография:

- Т. Толычева. *Спасо-Бородинский монастырь и его основательница*. Москва, 1902.
- Е. Шахова. *Памятные записки о жизни игуменьи Марии, основательницы Спасо-Бородинского общежительного монастыря, в мире М. М. Тучковой*. СПб, 1865.

АВРААМ СЕРГЕЕВИЧ НОРОВ, вельможа и подвижник.

Авраам Сергеевич Норов принадлежит к малому кругу вельмож и подвижников николаевской эпохи, к которым принадлежал и его предшественник в министерстве народного просвещения князь Платон Александрович Ширинский-Шихматов. А. С. Норов родился 22 октября 1795 года в деревне Ключи Саратовской губернии в старинной и родовитой дворянской семье. Отец Норова после надолгой военной и гражданской службы ушел в отставку, поселившись в Москве. Родители Норова были люди добрые, благочестивые и по тому времени весьма образованные. Молодой Норов кончил образование в Благородном пансионе при Московском университете, но вскоре был переведен юнкером в гвардейскую артиллерию в Петербурге, куда он и переселился в 1810 г. Благодаря своему происхождению и связям, Норов вошел в замкнутый и блестящий круг петербургской аристократии. Он жил у княгини В. В. Голицыной, у которой собирались Строгановы, Румянцевы, Долгорукие, Юсуповы, Нарышкины, Кочубей, Вяземские и другие.

В декабре 1811 года Норов был произведен в офицеры и послан в действующую армию. Хотя войны еще не было, но Наполеон уже готовился к русскому походу. В июне 1812 года Наполеон во главе полумиллионной армии вторгся в Россию. Норов принял участие в Бородинской битве 26 августа, когда он командовал батареей гвардейской артиллерии на левом фланге армии. Около полудня его батарея была атакована кавалерией Мюрата. Конная французская артиллерия дала залп по норовской батарее почти в упор. "Я успел еще, — рассказывает Норов, — послать картечь из моего флангового орудия. Это был мой последний салют неприятелю... Я вдруг почувствовал электрическое сотрясение, упал возле орудия и увидел, что моя левая нога раздроблена вдребезги". (Е. Делевский. *Авраам Сергеевич Норов, странник*. СПб, т. 2, стр. 15).

Тяжело раненный Норов был отправлен с прочими русскими ранеными в Можайск, а оттуда в Москву. В Москве Норова положили в Голицынскую больницу, где ему и пришлось остаться, когда французы вступили в Москву. Норов видел пожар Москвы из своей комнаты. Все бежали, оставив его одного на произвол

судьбы, прикованного к постели и крайне страдающего. На следующий день явился француз-мародер, а потом французские военные врачи, которые привезли своих раненых и были очень рады, что нашли пустую больницу со всеми принадлежностями. Французские военные врачи очень хорошо отнеслись к русскому раненому, а особо генерал штаб-доктор Наполеона, барон Ларрей, который и спас ему жизнь. Рана Норова не была оперирована еще с Бородина и гангрена уже началась. Что пережил Норов в те недели, безнадежно больной, без антисептиков и наркотиков, брошенный всеми, трудно сказать. В своей "Война и мир 1805-1812 с исторической точки зрения и по воспоминаниям современника", по поводу сочинения графа Л.Н. Толстого "Война и мир" (СПб, 1868), Норов описывает появление Ларрея в больнице: "В мою комнату вошел со свитою некто почтенных лет, в генеральском мундире, остриженный спереди, как стриглись наши кучера, прямо под гребенку, но со спущенными до плеч волосами. Это был Ларрей, знаменитый генерал, штаб-доктор Наполеона (1766-1842), находившийся при армии со времени итальянской и египетской кампании. Он подошел прямо ко мне". Узнав из краткого разговора, что рана еще не оперирована, "он пожал плечами и, обернувшись, сказал что-то стоящему возле него доктору, взял стул, сел подле моей кровати и начал расспрашивать окружающих о положении, в каком найден госпиталь. Минут через десять внесли ящик с инструментами, тазы, рукомойники, бинты, корпию и проч. Ларрей встал, сбросил с себя мундир, засучил рукава и, приблизясь ко мне, сказал: "Allons, jeune homme, je vais m'occuper de vous". Около получаса провозился он со мной и несколько помучил меня, сам перевязал меня и, передавая помогающему ему доктору — на ране уже был антонов огонь, — сказал: "M-r Beaufile, vous me répondez de la vie de ce jeune homme". Я был тронут до глубины души и высказал все, что только мог нежного, этому великодушному человеку". (Стр. 17). Позже, помня 1812 год, Норов всегда был великодушен к иностранцам, и особенно французам, в тяжелом положении на чужбине. Норову ампутировали ногу, но спасли жизнь. Французы оставили Москву утром 11 октября, взорвав предварительно многие здания в Кремле и предав огню остатки Москвы. За исключением единственного уцелевшего квартала, где была Голицынская больница и где жил в доме графини Орловой граф Лористон, бывший французский посол в Петербурге, все выгорело.

Норов описывает зрелище так: "Все, что было видно перед нами, насколько мог обнять глаз, было черно: высокие трубы домов торчали из груд развалин; полизанные пламенем дома, закопченные снизу доверху высокие церкви были как бы подернуты крепом, и лики святых, написанные на стенах, проглядывали со своими золотыми венцами из-за черных полос дыма, несколько трупов людских и лошадиных были разбросаны по сторонам. Замоскворечье было нам мало знакомо, но тяжкое впечатление такого зрелища навело на всех нас глубокое молчание, и, проезжая мимо поруганных своих церквей, мы творили крестное знамение. В некоторых церквях, несколько уцелевших, двери были раскрыты настежь, и груды хлама и разных снадобий и мебели наполняли их. Но как выразить то чувство, которое объяло нас при виде Кремля! Когда мы въехали на Каменный мост, картина разрушения представилась нам во всем ужасе... Мы всплеснули руками: Иван Великий без креста, как бы с разможенной золотой главой, стоял одинок, не как храм, а как столб, потому что вся его великолепная боковая пристройка, с двумя куполами и с огромными колоколами, была взорвана и лежала в гряде. Когда мы проезжали ближе, то видели с набережной, у подошвы его, там, где он соединялся с пристройкою, глубокую продольную трещину. Башня с Боровицкими воротами была взорвана, середина кремлевской стены также, и мы едва могли пробиться среди груд развалин. Грановитая палата, пожранная пламенем, стояла без крыши, с закоптелыми стенами и с полосами дыма, выходящими из окон. На куполах соборов многие листы были оторваны. Огибая Кремль, на дороге к Василию Блаженному, мы увидели, что угловая башня со стеною была взорвана. Спасские ворота с башнею уцелели. Башня Никольских ворот, от верха вплоть до образного киота, наискось, была обрушена". (Стр. 18-19).

Лишившись ноги семнадцатилетним юношей и сильно потрясенный, Норов удалился в свою деревню, где провел 1813 и 1814 годы, когда русская армия, преследуя Наполеона, прошла всю Европу и заняла Париж. В деревенском уединении Норов читал и занимался самообразованием. Он ознакомился с литературой английской, итальянской, немецкой и испанской, латинской и греческой и достиг того, что мог читать Ветхий Завет в еврейском подлиннике. Он же занялся поэзией и поместил свои стихотворения

в разных журналах. Занимался он и переводами Данте, Горация и Анакреона. Как поэт, Норов ничего особого не представляет. По характеру Норов принадлежал к оптимистам. Много пострадал и пережив, он все же им остался. Делевский пишет о нем: "Он принадлежал к тем редким, счастливым, можно даже сказать избранным натурам, которые одарены способностью видеть преимущественно светлую сторону вещей. Все грозное, мрачное, безотрадное в природе, истории и общественной жизни находится как бы вне сферы воззрений таких людей, а перед ними выступают одни образы соотношения и действия, возбуждающие доверие к судьбам жизни и примирительное чувство к ее противоречиям и превратностям". (Стр. 22).

Религиозный по натуре и воспитанию, Норов еще более укрепился в вере в Бога и Его промысл через события 1812 года. Хотя он не стал монахом или священником, как сделал Игнатий Лойола, он стал глубоко религиозным мирянином и писателем на церковные темы. Оправившись от ран, Норов вновь поступил на военную службу и дослужился в ней до чина полковника. В 1823 году Норов перешел на гражданскую службу с чином статского советника. Предварительно же он посетил для ознакомления с Западом Германию, Францию и Италию, где виделся с матерью Наполеона, Летицией Бонапарт, и его дядей, кардиналом Фешем. Особенно ему понравилась Сицилия, о которой он издал в 1822 году духовное "Сочинение о Сицилии".

Норов служил довольно долго по министерству внутренних дел чиновником особых поручений. Он был одно время командирован состоять при адмирале Сенявине, начальнике Балтийской эскадры, когда тот крейсировал у берегов Англии. Позже Норов участвовал в разных комиссиях в Петербурге и составил историческую записку о составе и занятиях министерства внутренних дел с самого его основания в 1802 году.

Норов, однако, не был счастлив, несмотря на весь свой врожденный оптимизм. "Служебная деятельность, — пишет Делевский, — как бы ни поэтизировать ее благими намерениями и целями, в самом существе своем представляет много прозаического, если не сказать мрачного, независимо уже от того, так сказать, крепостнического формализма, который господствовал во всех тогдашних административных сферах. Понятно поэтому, что эта деятельность

не могла сосредоточить, замкнуть в себе все стремления такого человека, каков был Авраам Сергеевич Норов, решавшего вопросы жизни по преимуществу в чувстве, а чувство руководившего высшими идеалами человеческого назначения, — но напротив, могло лишь заронить в его душу внутреннее беспокойство, сделать его больным душой". (Стр. 24-25).

Ум человеческий оказывался бессильным разрешить гнетущие проблемы жизни, убеждая Норова, что истине знания в мысли человеческой положены пределы, за которые преступать невозможно. Истина и утешение могут быть найдены только в вере в премудрость и благодать Божию. В минуту душевных невзгод Норов решил возгреть свою веру, посетив Святую Землю. Путешествие его продолжалось два года и было предварено длительным пребыванием в Египте и Нубии и заключено объездом семи апокалиптических церквей Малой Азии.

Путешествие Норова началось в 1834 году с Египта, где он интересовался, с одной стороны, древним Египтом, ввиду его связи с Ветхим Заветом, а затем — римским Египтом, когда в нем подвизались отцы и учителя Церкви, вроде Климента и Оригена, Афанасия, Кирилла и других, а также аскеты, вроде Антония, Макария и т.д. Лично знакомый с правителем Египта Мехметом Али, Норов имел все возможности ознакомиться с топографией, этнографией, историей и общественным строем Египта.

После Египта Норов направился в Палестину, где посетил все места, сколько-нибудь замечательные в священно-историческом отношении, особенно те, где жил и учил Христос. Свои путешествия Норов потом описал и издал книгой в пяти томах. Делевский так оценивает Путешествие: "Впечатление, производимое этими простыми, но в то же время воодушевленными описаниями, неотразимо. Читая их, вы как бы поневоле убеждаетесь в том, как естественна и неизбежна в человеке потребность христианских верований, при самом высокопросвещенном уме, богатом знаниями и идеями века, и как неизмеримо выше утешения веры всяких других утешений, не только физических, но даже и высокофилософских, но чуждых христианства, не согретых его лучами. (Стр. 30).

Святая Земля произвела сильное впечатление на Норова. "Увидев Святую Землю, — писал Норов в своем "Путешествии", —

я узнал всю тщету виденного мною доселе, и если б я начал свой путь на Восток с Палестины, то не поехал бы смотреть на колоссальное великолепие древних египтян". (Стр. 30-31). Путешествие Норова имеет не только нравственно-назидательное значение, но и религиозно-научное. Это прекрасная книга по библейской географии. Книга была переведена на немецкий язык и заслужила одобрение больших ученых.

Из Святой Земли Норов поехал в Малую Азию. Результатом его путешествия явилась другая книга, "Путешествие к семи Церквам, упоминаемым в Апокалипсисе". Ко второму изданию этой книги, появившемуся в 1854 году, были присоединены Норовым обстоятельные "Исследования об Атлантиде".

Вернувшись в Россию, Норов продолжал свою ученую карьеру, сначала вновь в министерстве внутренних дел, а потом в Комиссии по принятию прошений на высочайшее имя. В 1849 году Норов был назначен членом Императорского Человеколюбивого Общества, а в 1850 году товарищем министра народного просвещения. В 1851 Академия Наук избрала его своим членом. В 1854 году он стал министром народного просвещения, оставаясь в этой должности до 1858 года, когда Норова назначили в Государственный Совет, с увольнением от прочих должностей, кроме председательства в Археологической Комиссии, где он состоял с 1851 года.

В своей деятельности в качестве министра народного просвещения Норов поставил себе целью поднять ученый и материальный уровень профессоров и преподавателей и открыть их деятельности возможно более широкое поле. Он сумел выхлопотать пенсию деятелям народного просвещения, уничтоженную в николаевскую реакцию, добиться увеличения числа студентов в университетах, а также посылки за границу молодых ученых, готовящихся к профессоруре. Наконец, Норов сумел добиться ограничения цензуры и закрытия Комитета 2 апреля, учрежденного для наблюдения за книгопечатанием. Другими мерами, проведенными Норовым, были награды за ученые и литературные работы и улучшение преподавания древних языков.

Как сановник, Норов был прям, обходителен и готов всем помочь. Норов с удовольствием выслушивал самые разнообразные мнения по делам государственным, даже когда лично он их не

разделял или был их противником. "Одно только изменяло его ровный тон, — пишет Делевский, — и было в состоянии возмутить его мягкую, добрую натуру, — это когда кто-либо из собеседников позволял себе легкомысленно относиться к вопросам веры и нравственности христианской. Уважая всякое честное убеждение, он не мог равнодушно слышать необдуманные речи о таких священных предметах, хотя вполне допускал разумную, честную критику. И в таких случаях он высказывал правду, нисколько не стесняясь лицами". (Стр. 37).

Как председатель Археологической Комиссии, Норов сделал очень много для русской исторической науки. Он издавал летописи, исторические документы, различные государственные акты, разные грамоты и т.д. Он же начал издание Великих Четых-Миней митрополита Макария. Норов всегда интересовался церковной литературой и делами. Он издал "Замечания на путешествие игумена Даниила в XII веке". Норов весьма интересовался вопросом о соединении Церквей, читал Терлецкого, Овербека, Гергепретера, Пихлера. Норов принял и сам участие в этих прениях, издав в Париже окружное послание Марка, митрополита Ефесского, и надгробное слово последнему от Георгия Схолария, где обсуждаются те же вопросы, которые обсуждались на Флорентийском Соборе. Книги эти были изданы в Париже в 1859 году по-гречески и по-русски.

Вскоре по напечатании этой работы Норов испытал большое горе. В 1860 году он потерял свою жену, Варвару Георгиевну, урожд. Панину, а еще раньше своих трех детей, умерших рано. Норову было уже 65 лет. Ему приходилось встречать старость в одиночестве, что нелегко для человека, привыкшего к семейной жизни. К жене своей Норов был очень привязан. В течение 9 лет, до самой своей кончины в 1869 году, Норов ездил каждый четверг в Сергиевскую пустынь близ Петербурга, где была погребена его супруга, и проводил там целый день в молитве и размышлении. Дабы увековечить память своей жены, Норов предпринял великолепное издание Нового Завета на греческом и славянском языках, с подробным указателем церковных чтений из Евангелия и Апостола и прекрасными иллюстрациями. Издание это было закончено в 1866 году.

Вскоре по кончине своей жены, в 1861 году, Норов совершил свое второе путешествие на Восток, который он посетил в первый раз за 27 лет перед тем. Несмотря на свои 66 лет и начинающиеся старческие недуги, Норов продолжал свои ученые работы и кроме того посетил Синай, где ему не удалось побывать в 1834 году.

В 1868 году Норов напечатал свои "Замечания на "Войну и мир" графа Льва Толстого. Это была его последняя изданная еще при жизни ученая работа. Несмотря на ухудшающееся здоровье, Норов принял деятельное участие в предпринятом св. Пантелеймоновским монастырем на Афоне издании "Сказаний о земной жизни Пресвятой Богородицы" и советами, и предоставлением материалов.

Делевский так описывает смерть Норова: "Вообще, в самое близкое к его кончине время, его видели постоянно погруженным в обычные его занятия. Болезнь, по-видимому неопасная, не могла отвлечь его от них. Скоро, однако, обнаружилось зловещие признаки, и немного дней провел он в ожидании последнего часа, который начал к нему быстро близиться. 23 января, Авраам Сергеевич, поблагодарив за внимание окружающих и особенно — горячо любимого им государя, приславшего узнать о состоянии его здоровья, — с полным сознанием и невозмутимым спокойствием предал Богу дух свой, обращая угасающие взоры свои ко кресту Спасителя, где сосредоточивались лучшие помышления его прошедшего и чаяния будущего". (Стр. 44).

Библиография:

- Е. Делевский. *Авраам Сергеевич Норов, Странник*. СПб, 1871, т.2.
А.В. Никитенко. *Очерк жизни А.С. Норова*. Записки Императорской Академии Наук, т. XVII, кн. 1.
А.С. Норов. *Путешествия*. 2 изд. СПб, 1853-54, 5 томов.
* *Иерусалим и Синай*. СПб, 1878.

Церковь в России сегодня.

К 1000-ЛЕТИЮ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Н.В. БРЕННИКОВ *

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕРУЮЩИМ ВО ХРИСТА

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Близится светлый праздник 1000-летия Крещения Руси.

На Благовещение обратился я к Патриарху Пимену с просьбой объявить молитвенный Тисячеднев по заключенным за веру и к коммунистическому руководителю М.С. Горбачеву с предложением амнистировать преследуемых верующих: ответов не было. Письмо, отправленное в ЮНЕСКО, с тем чтобы назвать год 1988 годом Русской Церкви, вряд ли попало по назначению.

Ныне обращаюсь к вам, главы православных церквей и общин, ибо вам теперь многое дано и как никому понятны наши чувства и чаяния, да укрепит вас Господь в канун Вселенского собора.

Обращаюсь особо к Вам, Ваше Святейшество Иоанн-Павел II, ибо Вы не только Папа, но и славянин, протянувший нам руку. Именем покровителя Руси святого Николая Мирликийского, чьи мощи покоятся в Италии, а день их перенесения отмечаем Русской Церковью, прошу помощи, ибо от всех нас зависит, с чем придут наши дети к 2054 году, 1000-летию Раскола.

Обращаюсь к вам, главы протестантских церквей и общин, ибо Церковь — одна, и наш праздник — ваш, да будет среди вас Дух Святой.

Обращаюсь к вам, главы церквей и общин, исповедующих Никейский Символ Веры, да сохранит вас Господь.

Обращаюсь к вам, главы религиозных обществ, "да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела..." (Матф. 5:16).

Обращаюсь ко всем, почитающим Христа, помочь молитвой терпящим за веру и делом возвысить душу, да удержим чашу сию.

Обращаюсь ко всем людям живой совести.

40-летний путь Своего народа в пустыне Христос, Господь наш, по Крещении Своем ознаменовал 40-дневным постом и тем

нам заповедал. 5 ноября 1985 г. преклоним колени перед подвигом гонимых и вознесем Христу молитвы о них — начнем Тысячеднев, да напутствует нас икона Казанской Божьей Матери.

Вспомним, откуда вышли и куда идем, что для нас Церковь Иоаннова, любимого ученика Христова, и что нам величайшее событие России, создавшее русскую — то есть и украинскую и белорусскую — общность таковой, какой она была столь недавно. Истинно, отечество нам — Царство Божие и "нет различия между Иудеем и Эллином" (Рим. 10:12), и то истинно, что материнское молоко, нас вскормившее, — русская культура, сотворенная православием. Не потеряем же памяти и самосознания. Если не ступим ни шага, если не молвим ни аза во спасение отторгнутых и защиту своей веры против рассеиваемого по свету зла, с чем явемся в радостные дни 1000-летия Крещения Руси?

Должно требовать

— от правительства СССР амнистии осужденным верующим (исключая изуверов);

— от иерархов Церкви объявления молитвенного Тысячеднева во имя единения с заключенной паствой и друг с другом.

Мир вам, с вами Господь наш Иисус Христос.

Аминь.

Николай Бренников (Серебренников)
Томск, 2.8.1985 г.

*) Николай Валентинович Бренников (Серебренников) родился 27.1.54 г. В 1973-74 гг. отбывал принудление за дезертирство и попытку перехода границы, сначала в ПБ №5 в Ленинграде, позже в Томске. Выпустил несколько археографических и правозащитных публикаций, сборники стихов "Ангел мой" (Томск-Л., 1982) и "Складень" (Томск, 1984).

В апреле 1977 г. Серебренников был у А. Сахарова в Москве; по возвращении в Томск преследовался милицией, а 2.11.77 был жестоко избит двумя неизвестными (по словам Е. Янкелевича в изложении Л. Торн в Риме).

1.4.81 в Томске, в УКГБ, Серебренников был допрошен по "Тепличному делу". 1-2.4 у него провели обыск, изъяты "материалы литературного содержания", ему "угрожали применением психиатрических санкций, у остальных допрашиваемых пытались получить признания о его психической ненормальности". 1.2.82 — еще один обыск. (Печатается по документам "Архива Самиздата").

ПРИЛОЖЕНИЕ,

1.

Пимену, Патриарху всея Руси

Отче,

лишь патриаршей волей возможно то разрешить, с чем предстаю перед Вами.

Как мирянин, плоть от плоти Церкви, и гражданин, плоть от плоти государства, я увидел, что могу возвыситься до правды.

Грядут великие дни 1000-летия Крещения Руси. Даже с Ивана III и юбилея русской государственности не бывало такого праздника, но Промышлением Господним он выпадает на тяжелое время, тем более тягостное, что Крещение застанет многих за решеткой да колючей проволокой — не за преступленья заключенных, не за ложь, а только за живую совесть, во исповедание веры в Бога. Истинно "вера без дел мертва" (Иак. 2:20), стыдно молчать и отворачиваться.

Христос, Господь наш, в ознаменование 40-летнего пути Своего народа держал по Крещении Своем 40-дневный пост и нам заповедал тем примером. Должно объявить Тысячеднев по церквям — по монастырям хотя бы! — да возмолятся о даровании свободы для отторгнутой паствы, и да не иссякнет дух соборности в православии!

Отче, нам обоим жаль что-то терять в этой жизни, будем же уповать на Бога. Не Сергия-местоблюстителя, а Тихона свят путь. Если не умилосердим, то совокупным усилием попытаемся убедить правителей, что велено им быть грозными "не для добрых дел, но для злых" (Рим. 13:3), а коль не попытаемся, несмыываемый грех понесем до гроба и за гробом. Мы — сила не в самоуспокоенности и равнодушном ожидании Возвращения Христова, а в единстве друг с другом и Господом. Поддержите же обретенную честь борца за мир, дайте понять — самим пастырям в первую голову! — что Церковь не поприще для карьеры, а Храм Духа живого.

Обратимся, пока не сказано Ангелу Русской Церкви: "... имею против тебя то, что ты оставил первую любовь твою. ... ты носишь имя, будто жив, но ты мертв. ... Вспомни, что ты принял и слышал, и храни и покайся. ... Се, стою у двери и стучу..." (Откр. 2:4; 3:1, 3, 20).

Николай
Благовещение, 1985

2.

г. Москва, Кремль
Горбачеву Михаилу Сергеевичу

Михаил Сергеевич,

На 1988 год приходится 1000-летие Крещения Руси, величайшего события нашей культуры — праздник всенародный, ему подобного не найти в истории ни при Иване III, ни при торжествах 1000-летия российской государственности.

Увы, коммунистическая общность не выдерживает лакмусовой пробы христианства. Можно ли всерьез говорить о свободе совести? Видимо, живущие по совести уже не нужны и забвение культурно-нравственных истоков — общее место.

Начните свое правление актом мудрости и милосердия — амнистией заключенных в тюрьмы, психбольницы и лагеря за живое исповедание веры в Бога, пусть они встретят светлые дни Крещения у себя дома. Отпустить безвинного — никогда не рано, это доказательство не слабости, но силы, не страха, но уверенности и трезвости. Довольно делать мучеников.

Доподлинно знаю и помню зримо, чем может обернуться мое письмо, но готов повторить все сказанное здесь.

Серебренников
7 апреля 1985

О себе: родился в 1954 г., в 1973-1974 гг. отбывал принудительные за дезертирство и попытку перехода границы, историк русской религиозной философии XIX в.

3.

ЮНЕСКО, Франция, Париж
пл. Фонтенуа, 7.

Господа,

Близится великий праздник не только для страны, распротертой на шестой части света, но и для Болгарии, Югославии, Греции, Кипра, Ливана, Румынии, для 150 миллионов православных

христиан всего мира — 1000-летие Крещения Руси, приходящееся на 1988 год.

Некогда, в преддверии раскола, жестоко затем дробившего Западную Церковь, Дух Божий снизошел на Русь, и русский поместный праздник — праздник всех Церквей, ибо Церковь едина.

Хорошо, если ЮНЕСКО покажет непредвзятость в проведении даты столь счастливой в истории русской культуры и объявит 1988 год как год русской Церкви.

Николай Бренников (Серебренников)
историк
7 апреля 1985

Примечание Редакции

Мы печатаем этот первый неофициальный отклик на подготовку юбилея Крещения Руси, хотя ничего не знаем о его составителе. Если "тысячедневный" пост нам кажется нереальным предложением, однако мысль, что чествование 1000-летия должно быть отмечено и в России, и за границей не одними юбилейными речами, а постом нам представляется достойной внимания и обсуждений.

ДЕЛО АНДРЕЯ ШИЛКОВА

Мы перепечатали целиком из "Архива Самиздата" этот обвинительный акт, красноречиво свидетельствующий о том, как репрессируется в Советской России чтение и размножение т.н. "антисоветской" литературы: достаточно подчеркнуть, что нелегальными до сих пор считаются произведения О. Мандельштама! Документ этот дошел до Запада через три года после того, как был составлен. Но все доходящие до нас известия, увы, сходятся на том, что удушение свободы мысли за последние годы только усилилось.

(Прим. Ред.)

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по уголовному делу №11 по обвинению
гражданина ШИЛКОВА Андрея Юрьевича
в совершении преступления, предусмотренного
частью 1 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР

Настоящее уголовное дело возбуждено 21 апреля 1982 года прокурором Карельской АССР на основании представленных Комитетом госбезопасности КАССР материалов о систематическом распространении гражданином Шилковым А.Ю. клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, размножении и распространении им литературы такого же содержания (т.1, л.д. 1-62).

В тот же день по указанию прокурора дело принято к производству следственным отделением КГБ КАССР, и в отношении Шилкова А.Ю. применена мера пресечения в виде заключения под стражу (т.1, л.д. 64-66).

СЛЕДСТВИЕМ УСТАНОВЛЕНО

Гражданин Шилков А.Ю., прослушивая передачи зарубежных радиостанций и знакомясь с политически вредной литературой, в последние годы утвердился в своих антисоветских убеждениях, которые приобрели у него резко выраженный враждебный характер. В силу этого с 1979 года до своего ареста с целью подрыва и ослабления советской власти он проводил в городах Петрозаводске и Москве антисоветскую агитацию путем систематического распространения клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также изготовления, хранения и распространения в тех же целях литературы такого же содержания.

Винновым в предъявленном обвинении Шилков признал себя частично и на предварительном следствии показал, что еще в период обучения в старших классах средней школы и университете, периодически прослушивая передачи зарубежных радиостанций и знакомясь с литературой враждебного советскому государственному строю содержания, "постепенно пришел к мысли о сходстве социалистического и фашистского режимов, отсутствии в СССР гражданских демократических свобод, преследовании инакомыслящих, о неблагоприятном положении в экономике страны вследствие неправильной внутренней политики КПСС и правительства, об агрессивной сущности советского социализма, экспансионистской внешней политике нашего государства, тоже определяемой руководством КПСС, с первых дней существования государства захватившим в нем власть и определяющим по своему усмотрению дальнейшее развитие, а точнее деградацию советского общества..." (т.2, л.д. 118).

В своих собственноручных показаниях 26 апреля и 27 апреля 1982 года Шилков указал:

"Являясь противником существующего порядка, я уже давно задумал противостоять ему... Только разрушив сложившиеся стереотипы мышления и установок, навязанных людям с детских лет... можно надеяться на выработку личной позиции... С этой целью я пытался вести пропаганду как в личном общении, так и при помощи литературы соответствующего содержания..." (т.2, л.д. 16).

"... Прекрасно сознавая антисоветский характер моих действий и их наказуемость по существующим у нас законам ... не считая

принятую в нашей стране официальную точку зрения на происходящее и официальную идеологию (т.е. марксизм-ленинизм) единственно верной и непогрешимой, я стремился своими действиями распространить хотя бы в кругу моих друзей и знакомых взгляды, отличающиеся от общепринятых...

... К высказыванию своих взглядов, оценок и известных мне негативных фактов нашей действительности меня побуждало и то, что я называю "активной жизненной позицией", то есть стремление "открыть глаза" окружающим, которые, как мне казалось, не видят или не хотят замечать недостатков...

... Я понимаю, что объективно мои действия имели целью ослабление позиций как советской власти, так и ее официальной идеологии марксизма-ленинизма в умах окружающих и компрометацию действий партии и правительства... Целью моих действий, кроме указанного выше стремления к свободному распространению идей и книг, было в определенной степени и желание изменить взгляды окружающих на сложившееся положение вещей. Как я упоминал выше, мне было бы приятно, если бы мои друзья придерживались близких мне взглядов. Сюда относится и негативное отношение к политике партии и правительства, к социализму..." (т.2, л.д. 100-102, 104).

Шилков заявил также, что и в настоящее время "не приемлет советскую власть". "... Мне ближе капиталистический путь развития общества, который, на мой взгляд, предоставляет больше демократических прав и свобод, позволяет в полном смысле раскрыться этическим, религиозным, деловым и другим индивидуальным чертам личности, более человечен по отношению к индивидууму, открывая перед ним широкое поле деятельности". (т.2, л.д. 119).

Об обстоятельствах совершения конкретных инкриминируемых преступных действий Шилков показал, что свои враждебные советскому государственному и общественному строю убеждения и взгляды ни от кого не скрывал. Пропагандируя их с целью подрыва и ослабления советской власти систематически до своего ареста, высказывал в своем окружении, в том числе в присутствии Фельдмана И.Н., Доспехова А.Н., Шилковой М.А., Левицкого В.С., Дьякова А.К., Брагина Н.В., Смирновой Т.А., Липкина А.Ю., Забиркина В.Е., Макарихина А.В. и других.

В тех же целях неоднократно на протяжении 1979-1982 гг. размножал, хранил и распространял литературу антисоветского

клеветнического содержания. Так, в 1979 году исполнил на пишущей машинке с фотокопий, полученных от гражданки Сукмановой Н.Н., тексты писем А. Солженицына "4-му Всесоюзному съезду советских писателей" и "вождям Советского Союза", в двух экземплярах каждое. Хранил их в своей квартире, давал для ознакомления посещавшим его лицам, в том числе Липкину А.Ю. и Макарихину А.В. Один экземпляр писем отдал впоследствии Доспехову А.Н., а второй — иностранному студенту, с которым случайно познакомился в городе Владимире.

В 1980 году, работая оператором копировально-множительного аппарата "Эра" в институте "СеврыбНИИпроект", в нарушение установленных правил систематически размножал различные посторонние материалы, в их числе враждебную и политически вредную литературу. В частности, им были изготовлены с изданных за рубежом оригиналов, полученных от Доспехова, электрографические копии: 1) книги А. Зиновьева "Зияющие высоты", в четырех экземплярах, 2) три экземпляра сборника статей под редакцией Н. Полторацкого "Русская религиозно-философская мысль XX века", 3) три экземпляра неполного первого тома "Собрания сочинений" О. Мандельштама со статьями Г. Струве и Э. Райса, 4) три экземпляра приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР". Отдав часть изготовленных копий вместе с оригиналами Доспехову, хранил остальные у себя на квартире, знакомил с ними посещавших его лиц, комментировал содержание, цитировал, рассказывал о личности А. Зиновьева, произведения которого ему наиболее близки по духу. После того, как 8 августа 1980 года часть литературы была изъята у него сотрудниками милиции, перенес оставшуюся, в том числе по одному экземпляру копий неполного первого тома "Собрания сочинений О. Мандельштама" и приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР", в квартиру Фельдмана, у которого в течение месяца хранил ее, а затем увез на дачу в дер. Царевичи.

Опасаясь ареста за антисоветскую деятельность, в августе 1980 года выехал в Москву, где с целью укрытия и обеспечения выезда за границу изучал возможность проникновения в посольства США и Швеции. Отказавшись от этого намерения, установил связь с жителями города Москвы Фадиным А.В. и Кудюкиным П.М.,*

*) 1953г. рожд. Его отец, Василий Кузьмич, был референтом ЦК КПСС по Норвегии, умер 16.10.76. А. Фадин, специалист по Лат. Америке, работал в Ин-те мировой экономики и междуна. отношений (ИМЭМО). 6.4.82 арестован по т.н. "делу социалистов", 28.4.83 помилован.

оппозиционно настроенными к существующему в СССР общественно-политическому строю, внешней и внутренней политике КПСС и советского правительства. Фадин оказал ему материальную помощь и моральную поддержку, предоставил свою квартиру для временного проживания, провел беседу по основам конспирации. Кудюкин провел специальные теоретические и практические занятия по обучению приемам выявления слежки со стороны сотрудников КГБ и ухода от нее. Знакомясь с распространяемой Фадиным и другими участниками данной преступной группы литературой антисоветского содержания, в том числе создававшимся нелегально машинописным альманахом "Варианты", решил оказать содействие им и расширить таким образом круг распространения враждебной литературы.

На объявленное 3 октября 1980 года сотрудниками КГБ Карельской АССР предостережение о недопустимости действий, наносящих ущерб государственной безопасности СССР, не реагировал.

После неоднократных обращений к Фельдману с просьбами о предоставлении деталей множительной техники получил от него, в феврале 1981 года привез в Москву и передал Кудюкину две селеновые пластины, используемые для получения изображения при электрографическом способе размножения документов на аппарате "Эра", а также техническое описание аппарата, предложив использовать их в изготовлении копировально-множительного устройства для размножения антисоветской литературы. Совместно с Кудюкиным снял копию с технического описания. При этом перенес на кальку электротехническую схему аппарата, чертеж его репродукционной камеры, исполнил эскиз возможной компоновки деталей при самостоятельном изготовлении электрографического копировально-множительного устройства.

Тогда же сообщил Фадину и Кудюкину, что располагает типографским шрифтом, который готов передать им для использования в размножении небольших по объему документов, например листовок. Они согласились и познакомили с участником своей преступной группы Ривкиным М.Г.,* которому поручили конспи-

*) Михаил Германович, 1954 г. р., арестован 8.6.82 по т.н. "делу социалистов", 12-13.7.83 осужден по ст. 70 УК РСФСР на 7 лет ИТК стр. реж. + 5 лет ссылки. 18.10.83 - кассационный суд; летом 1985 переведен из Морд. лаг. № 3-5 в чистопольскую тюрьму.

ративно съездить за шрифтом. В марте-апреле 1981 года, встретив Ривкина в заранее обусловленном месте, в кафе "Мороженое" на площади Кирова в Петрозаводске, выехал с ним в дер. Царевичи, где на даче хранил и накануне упаковал в принадлежащий жене станковый рюкзак "Ермак": около 20 кг типографского шрифта двух гарнитур с пробельным материалом, комплектом закладок и верстаткой, похищенные в 1978 году в Петрозаводской типографии им. Анохина; восемь тектографических лент, похищенных в 1977 году в период прохождения военных учебных сборов; резиновый прижимной вал из комплекта аппарата "Эра", похищенный в 1980 году при увольнении из института "СеврыбНИИпроект"; оставшуюся литературу, в том числе электрографические копии неполного первого тома "Собрания сочинений" О. Мандельштама и приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР". Этот рюкзак с перечисленными предметами для множительных работ и литературой Ривкин увез в Москву. Шилков предложил Фадину и Кудюкину свои услуги в изготовлении и использовании печатного станка для размножения враждебной литературы, лично составил его принципиальную схему, просил их оказать содействие в переходе для этого на нелегальное положение.

Весной 1981 года по предложению Фадина написал статью "Тираж ... экземпляров. Заметки по поводу", в которой изложил свои соображения об организации нелегального размножения литературы различных оппозиционных групп. Статья с внесенными Кудюкиным редакционными исправлениями и перепечатанная им на машинке предназначалась для помещения на страницах антисоветского альманаха "Варианты". Осенью 1981 года подготовил другую статью на ту же тему, в которой предлагал создать на территории СССР сеть нелегальных печатных точек для размножения враждебных материалов.

В сентябре-октябре 1981 года в своей квартире на двух пишущих машинках "Москва" и "Мерседес", изъятых по делу, отпечатал с фотокопии изданного за рубежом оригинала, полученной от Доспехова, четыре экземпляра копий антисоветского по содержанию сборника лекций, выступлений и интервью А. Зиновьева на Западе под общим названием "Без иллюзий". По одному изготовленному экземпляру передал для ознакомления и дальнейшего распространения Доспехову и Фельдману. Один экземпляр - с той же целью - в распоряжение Фадина и других. Оставшийся

первый экземпляр до его изъятия сотрудниками милиции 4 декабря 1981 года хранил у себя, знакомил с содержанием включенных в сборник материалов лиц из своего окружения, в том числе Брагина Н.В., Левицкого В.С., Смирнову Т.А., Макарихина А.В., Шилкову М.А. и других.

В марте 1982 года получил для ознакомления от Фадына фотокопии изданных за рубежом книги В. Буковского "И возвращается ветер..." и сборника "Из-под глыб". В Москве предложил ознакомиться с ними приехавшему туда Брагину Н.В. В Петрозаводске предложил прочесть жене.

Допускает, что с указанными произведениями тогда могли ознакомиться Волгин В.А. и Беляков А.В., в присутствии которых выложил пакет с фотокопиями в кухне своей квартиры.

Тогда же, вновь выехав в Москву, увез с собой для передачи в распоряжение Фадына и других изготовленную ранее электрографическую копию книги "Зияющие высоты", которую выкупил у Доспехова за 50 рублей.

Шилков признал, что в течение 1979-1981 гг. постоянно изыскивал другие возможности приобретения, размножения и распространения антисоветской литературы, обращался к Фельдману и Дьякову за помощью в размножении фотоспособом книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", которую намеревался получить для этой цели у Доспехова, предлагал Фельдману сотрудничать в качестве корреспондента в нелегально издаваемом Фадыным и другими в Москве подрывном сборнике. (т.1, л.д. 218-224; т.2, л.д. 1-20, 24-109, 117-128, 152-154, 172-176).

Враждебные побуждения, цель подрыва и ослабления Советской власти в действиях Шилкова объективно подтверждаются следующими доказательствами.

Свидетель Фельдман И.Н. на допросе 16 августа 1982 года показал: "... За время общения с Шилковым я убедился, что он антисоветски настроенная личность. Он против всего, что присуще социализму в нашей стране. Даже положительные достижения нашего государства вызывали у него негативное отношение к ним. Со слов Шилкова мне известно, что он, занимаясь изготовлением и распространением литературы, официально не издаваемой в СССР, стремился побудить людей к недовольству внешней и внутренней политикой нашего правительства, вызвать недоверие к КПСС,

сформировать у них негативное отношение к существующему в СССР общественно-политическому строю..." (т.2, л.д. 168).

Свидетель Левицкий В.С. показал: "... Его озлобленность на советскую действительность особенно проявлялась в последние два года. Он часто заговаривал на подобные темы, возбуждаясь, допускал буквально дикие по своей несправедливости утверждения... Во всем ... по мнению Шилкова, виноваты коммунисты. Себя он считает идейным противником существующего в стране строя. Считает своим моральным и общественным долгом пропагандировать подобные взгляды на советскую действительность путем размножения и распространения литературы такого содержания... Он понимал, что может быть привлечен к ответственности за такую деятельность, часто говорил об этом, но высказывал твердое намерение продолжать борьбу за свою идею, просвещая "темный" советский народ..." (т.2, л.д. 231-234).

Резко одностороннюю, враждебную направленность политических убеждений Шилкова отметил свидетель Липкин А.Ю.: "... Поражает односторонность его взглядов — дескать, у нас все плохо, и социализм не имеет будущего... Я, конечно, интересовался у него, что он собирается противопоставить социализму. Андрей отвечал, что лучше капиталистический строй. При нем личность может проявить себя за счет своих личных качеств..." (т.3, л.д. 24-25).

Своими одиозными взглядами на советскую действительность Шилков шокировал даже единомышленников в Москве. Так, допрошенный по настоящему делу Фадын А.В. 8 июля 1982 показал: "... У Шилкова, на мой взгляд, нет целостного мировоззрения. У него сумбурные и противоречивые взгляды на существующую в СССР политическую систему. Я бы сказал, что в этом отношении у него обрывки религиозно-мистического толка в совокупности с антисоциалистическими предрассудками. Он неоднократно высказывал идеи, направленные против социализма и коммунизма вообще. На его взгляд, само воплощение самой идеи социализма в реальную жизнь приводит к установлению тоталитарного режима, при котором личность теряет самостоятельность и находится в бесправном положении против власти. Он говорил о том, что в нашей стране отсутствуют демократические свободы... Он противник общественного строя нашего государства, но что-либо противопоставить ему так и не мог. То он идеализировал капиталистическое

общество, то говорил, что оно его также не устраивает. Шилков несомненно антисоветски настроенный человек. Из нашего общения с ним я понял, что Андрей давал себе отчет в том, что изменить общественный или государственный строй СССР невозможно, но изготовлял и распространял литературу, содержание которой было направлено против общественно-политического строя СССР для того, чтобы тем самым продемонстрировать свое несогласие с ним и сформировать оппозиционное мнение у читателей..." (т.3, л.д. 161-162).

Кудюкин П.М., характеризуя Шилкова, на допросе 12 июля 1982 года показал: "... у него нет четкой и единой системы политических взглядов. Из многообразного общения с ним у меня сложилось представление, что он человек несомненно антисоветски настроенный. Он против социализма в принципе. Руководящую роль КПСС он вообще не признает и заявлял, что она ведет к установлению тоталитарной политической системы, к диктату партии, что вследствие этого в СССР нет демократических свобод... По политическим идеям ему наиболее близок А. Зиновьев. Отрицая политическую систему, существующую в СССР, Шилков взамен ничего не предлагал, он просто категорически отвергал все советское. Занимаясь изготовлением и распространением нелегальной литературы, оказывая помощь мне и моим знакомым по нелегальной деятельности, он, по-моему, делал это ради служения свободному слову, с одной стороны, и рассчитывая тем самым нанести хоть какой-нибудь ущерб ненавидимой им советской власти..." (т.3, л.д. 141).

О враждебной установке Шилкова свидетельствуют показания его жены, Шилковой М.А., которая пояснила на следствии, что с 1978 года муж уговаривал ее выехать на постоянное жительство за границу, так как "он полностью отрицал советский государственный и общественный строй, который подавляет личность, подчиняя ее воле господствующей безо всяких ограничений партии, и не имеет перспективы в своем развитии... идет к краху..." Свою деятельность по размножению и распространению подрывной литературы "преподносил как просветительскую, то есть делал это для того, чтобы люди знали "правду". (т.2, л.д. 212, 217).

В своем заявлении в Верховный Совет КАССР от 29 ноября 1981 года Шилков выразил добровольный отказ от советского

гражданства. О неприятии им советской власти заявил и в последующей беседе с сотрудником ОВИР МВД КАССР (т.1, л.д. 15-17).

Негативное отношение Шилкова к советской действительности отмечают также свидетели Доспехов А.Н., Брагин Н.В., Дьяков А.К., Смирнова Т.А., Карклин О.А., Завиркин В.Е., Беляев М.А., Сенченко И.Е., Краснов А.М., Беляков А.В., Вядро В.В., Цыпляков А.Г., Куусинен К.Э., Макарихин А.В., Волгин В.А., Исаенко Г.В., Костина Л.А., Халл Э.В., Тойвола А.Э., Замойская И.Л.

Факт проведения Шилковым на протяжении 1979-1982 гг. в городе Петрозаводске антисоветской агитации в устной форме путем систематического распространения в своем окружении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, подтверждается следующими доказательствами.

Свидетели Доспехов А.Н., Фельдман И.Н., Брагин Н.В., Шилкова М.А., Левицкий В.С., Завиркин В.Е., Беляев М.А., Липкин А.Ю. показали, что при них и в присутствии других лиц Шилков постоянно допускал антисоветские клеветнические высказывания. В частности, отождествляя политическую систему советского общества с фашистским, тоталитарным режимом, он утверждал, что с первых дней существования Советского государства власть в стране полностью узурпировалась руководством КПСС; в результате развязанного партией и продолжающегося по настоящее время террора будто бы физически и морально уничтожается непрекращающаяся оппозиция, преследуются и незаконно репрессированы или помещаются в психиатрические учреждения лишённые демократических прав и свобод многие советские граждане лишь за то, что не разделяют общепринятого мировоззрения. Заявлял, что проводимая КПСС и правительством внутренняя политика ведет экономику страны к развалу, а внешняя политика СССР якобы направлена к достижению превосходства над Западом в вооружении, отличается агрессивностью и экспансионизмом.

Очевидцами подобных высказываний Шилкова были также свидетели: Дьяков А.К., Смирнова Т.А., Карклин О.А., Сенченко И.Е., Макарихин А.В., Краснов А.М., Волгин В.А., Беляков А.В., Костина Л.А., Вядро В.В., Тойвола А.Э., Куусинен К.Э.

Обстоятельства неоднократного изготовления, хранения и распространения Шилковым в городе Петрозаводске антисоветской клеветнической литературы доказаны следующим.

Свидетель Шилкова М.А. показала, что в 1979 году им отпечатаны на пишущей машинке копии писем А. Солженицына "4-му Всесоюзному съезду советских писателей" и "вождям Советского Союза" с фотокопии текста, полученной от Сукмановой Н.Н.; видела у мужа один переплетенный экземпляр указанных писем. (т.2, л.д. 228).

Свидетели Макарихин А.В. и Липкин А.Ю. показали, что Шилков в своей квартире предлагал им ознакомиться с машинописными копиями писем А. Солженицына.

Свидетель Доспехов А.Н. представил следствию один экземпляр указанных писем и пояснил, что получил их от Шилкова.

Допросить Сукманову Н.Н. не представилось возможным в связи с ее смертью (т.4, л.д. 135).

Свидетель Доспехов показал, что в числе различной не издававшейся в СССР литературы он передал Шилкову в начале 1980 года опубликованные за рубежом: книгу А.Зиновьева "Зияющие высоты", сборник статей под редакцией Н. Полторацкого "Русская религиозно-философская мысль XX века", первый том "Собр. соч. О. Мандельштама" под редакцией Г. Струве, копию приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР" №6. Шилков, являясь в тот период оператором копировально-множительного аппарата "Эра" в институте "СеврыбНИИпроект", изготовил с них значительное количество электрографических копий, из которых, согласно предварительной договоренности, по 2-3 экземпляра каждого произведения отдал вместе с оригиналами ему, а остальные с его согласия оставил себе. Доспехов пояснил, что позднее продал Шилкову один экземпляр копии книги "Зияющие высоты" за 50 рублей. Свои показания подтвердил на очной ставке с обвиняемым. (т.2, л.д. 136-138, 143-148, 152-154).

Свидетель Шилкова М.А. показала, что в период работы в институте "СеврыбНИИпроект" в 1980 году обвиняемый систематически размножал на аппарате "Эра" посторонние материалы, в том числе полученные для этой цели от Доспехова книги "Зияющие высоты", "Русская религиозно-философская мысль XX века" и другие, отдавая ему часть изготовленных копий. Остальные хранил

в квартире, предлагал для ознакомления ей и другим лицам из своего окружения (т.2, л.д. 213-215).

Хранение и распространение данной литературы Шилковым подтверждается протоколами допросов свидетелей: Фельдмана И.Н., Брагина Н.В., Левицкого В.С., Липкина А.Ю., Капович Е.Ю., Костиной Л.А., которых обвиняемый в разное время знакомил с наиболее нравившейся ему электрографической копией книги А.Зиновьева "Зияющие высоты", рассказывал о ее содержании и авторе.

Свидетель Фельдман И.Н. показал также, что в августе 1980 года часть изготовленной литературы Шилков хранил у него, и подтвердил свои показания на очной ставке с обвиняемым (т.2, л.д. 166, 174).

Факт незаконного использования Шилковым в преступных целях копировально-множительной техники института "СеврыбНИИпроект" подтверждается кроме того показаниями свидетелей Дьякова А.К., Смирновой Т.А., Беляева М.А., Гликман Т.Л., Макарихина А.В., Фадына А.В., Кудюкина П.М., которым об этом стало известно со слов самого обвиняемого, а также справкой администрации института (т.4, л.д. 64-65).

В сентябре 1981 года, как усматривается из показаний свидетеля Доспехова А.Н., он передал Шилкову фотокопию изданного за рубежом сборника лекций, выступлений и интервью А.Зиновьева на Западе под общим названием "Без иллюзий", который обвиняемый размножил машинописным способом в своей квартире (т.2, л.д. 138-146).

Свидетель Шилкова М.А. показала, что в сентябре-октябре 1981 года в ее присутствии муж отпечатал на пишущих машинках "Москва" и "Мерседес" в четырех экземплярах материалы сборника "Без иллюзий" с фотокопии оригинала, полученного им от Доспехова, и знакомил ее с содержанием (т.2, л.д. 216-217).

Факт хранения и распространения Шилковым исполненных копий сборника подтверждают свидетели Брагин Н.В., Левицкий В.С., Смирнова Т.А., Макарихин А.В., которым обвиняемый предлагал ознакомиться с материалами, содержащимися в нем, а также свидетель Фельдман И.Н., показавший, что, передав ему один экземпляр изготовленной копии сборника, Шилков обусловил ее дальнейшее распространение (т.2, л.д. 166).

В ходе следствия изъяты, представлены свидетелям, осмотрены и в числе других приобщены к делу в качестве вещественных доказательств:

— машинописная копия письма А. Солженицына "4-му Все-союзному съезду советских писателей" от 12.11.69 г.,* являющегося клеветническим провокационным обращением, в котором автор обвиняет Союз писателей СССР в том, что он якобы не выполняет своих задач, морально и физически терроризирует инакомыслящих творческих работников; утверждает, что органы охраны государственных тайн в печати творят произвол над писателями; требует полной "свободы творчества и печати" для всех, без политического и социального различия;

— машинописная копия письма А. Солженицына "вождям Советского Союза" от 5.9.73 г., в котором содержатся антисоветские и антимарксистские, псевдофилософские измышления и предложения о "переустройстве" Советского государства, призывы к отказу от марксистско-ленинской идеологии, разоружению перед империалистическими странами, прекращению интернациональной помощи братским странам, к возвращению патриархального образа жизни, возрождению в широком масштабе религиозности;

— оригинал и три аналогичных электрографических копии книги А. Зиновьева "Зияющие высоты" изд. "L'Age d'Homme", Лозанна, Швейцария, 1976, представляющей по содержанию злобный политический пасквиль на советскую действительность;

— два экземпляра аналогичных электрографических копий сборника статей "Русская религиозно-философская мысль XX века" под редакцией Н. Полторацкого, изданного Питтсбургским университетом США в 1975 г., в котором клеветнически утверждается, что в СССР отсутствует свобода религии, а гонения на верующих стали нормой советской жизни;

— две аналогичных электрографических копии неполного первого тома "Собрания сочинений О. Мандельштама", изданного за рубежом в 1967 г., где помещены статьи Г. Струве и Э. Райса,

*) Так в полученной копии. Письмо Солженицына датировано "16.5.67". (Прим. "Арх. Самизд.") Не получив ответа, А. Солженицын обратил еще одно письмо 12.9.67 "В секретариат правления Союза писателей СССР — Всем секретарям Правления". 12.11.69 г. датировано другое обращение — "Открытое письмо Секретариату Союза Писателей РСФСР". (Прим. ред.).

составленные в тенденциозном антисоветском духе, клеветнически изображающие сложившуюся после Октябрьской революции в России обстановку в писательских кругах и творческих организациях;

— две аналогичных электрографических копии с копии изданного за рубежом приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР" №6 за 1976 год, являющегося сборником статей, связанных в единое целое воинствующим сионизмом, лживо утверждающих якобы уникальную линию евреев, их культуры, постоянно, по мнению авторов, подвергающихся в СССР притеснениям и гонениям;

— фотокопия оригинала и четыре аналогичных машинописных копии сборника лекций, выступлений и интервью А. Зиновьева на Западе под общим названием "Без иллюзий" изд. "L'Age d'Homme", Лозанна, Швейцария, 1979, материалы которого пронизаны духом ненависти к СССР, носят явный антисоветский и антикоммунистический характер, насыщены клеветническими измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй. В них фальсифицируется марксистско-ленинская теория социалистической революции, практика построения социализма в советской стране, где, по мнению автора, "отсутствуют гражданские свободы, чрезвычайно низок жизненный уровень большинства населения", процветает "кровавый террор", явившийся "следствием народо-властия в нашей стране в реальном его исполнении", содержатся призывы к борьбе за "эволюцию" советского общества в виде поддержки Западом якобы существующей в СССР оппозиции Советской власти;

— пишущие машинки "Москва-8М" и "Мерседес" №657664, находившиеся в квартире Шилкова.

По заключению произведенных технико-криминалистических экспертиз документов:

— машинописные копии сборника статей и выступлений А. Зиновьева, представленные на исследование, напечатаны одновременно (в одну закладку) на пишущих машинках "Москва-8М" №271147 и "Мерседес" №657664;

— копии книги А. Зиновьева "Зияющие высоты" изготовлены с представленного свидетелем Доспеховым А.Н. оригинала электрографическим способом на аппарате типа "Эра" с одних и тех же селеновых пластин.

Идентифицировать аппарат и селеновые пластины, использовавшиеся Шилковым в процессе изготовления электрографических копий антисоветской клеветнической литературы, не представилось возможным (т.4, л.д. 5-11, 28-39, 41-44).

Антисоветский клеветнический характер указанных "произведений" отмечается и в справке Управления по охране государственных тайн в печати при Леноблгорисполкомах (т.1, л.д. 177-181).

Стремление Шилкова к усилению своей враждебной деятельности, в том числе путем оказания содействия антисоветской группе Фадиной в Москве, а также его попытки вовлечь в преступную деятельность других лиц подтверждаются следующими доказательствами:

Следственным отделом КГБ СССР в апреле 1982 года привлечены к уголовной ответственности жители города Москвы Фадин А.В., Кудюкин П.М., Ривкин М.Г. и другие. Им предъявлено обвинение в проведении с 1977 года антисоветской агитации и пропаганды, организационной деятельности, направленной к сплочению своих единомышленников в преступное сообщество для более активной враждебной советскому государственному и общественному строю деятельности, то есть в совершении преступлений, предусмотренных статьями 70 ч.1 и 72 Уголовного кодекса РСФСР (т.1, л.д. 258-259).

На предварительном следствии Фадин А.В. показал, что осенью 1980 года с ним инициативно установил связь Шилков А.Ю., который, опасаясь ареста за антисоветскую деятельность в Петрозаводске, прибыл в Москву, пытался проникнуть в иностранные представительства, просил оказать помощь в переходе на нелегальное положение. Убедившись в оппозиционной Советской власти настроенности Шилкова, оказал ему материальную помощь, предоставил свою квартиру для временного проживания, впоследствии познакомил с некоторыми единомышленниками, преподал основы конспирации, в общих чертах ввел в курс своих преступных действий, стал широко знакомить с распространявшейся им и другими антисоветской клеветнической литературой, в том числе с номерами нелегально издававшегося машинописного альманаха "Варианты". Знает со слов Кудюкина о доставке Шилковым в Москву двух селеновых пластин, которые видел лично. Узнав о наличии у Шилкова похищенного им ранее типографского шрифта, предложил

Ривкину конспиративно доставить его в Москву. Со слов Ривкина известно, что тот выезжал за шрифтом на дачу Шилкова и в начале 1981 года привез его в Москву упакованным в станковый рюкзак защитного цвета. Зимой 1981 года получил от Шилкова через случайного пассажира, ехавшего поездом из Петрозаводска, машинописные копии статей из сборника А. Зиновьева "Без иллюзий". Ознакомился с ними. Прочсть переданные Шилковым электрографические копии приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР" №6 и книгу А. Зиновьева "Зияющие высоты" не успел. Присутствовал при исполнении Шилковым схемы печатного станка. На предложение им своих услуг в нелегальном размножении литературы ничего определенного не ответил. Поручал Шилкову написать статью для включения в очередной выпуск альманаха "Варианты". Ознакомился с подготовленным им черновиком, в котором шла речь об организации нелегального размножения литературы (т.3, л.д. 149-165).

Из протоколов допросов Кудюкина П.М. явствует, что с Шилковым он познакомился осенью 1980 года, когда тот прибыл в Москву, опасаясь привлечения к ответственности за размножение враждебной литературы на аппарате "Эра", и в связи с этим искал возможности политического убежища в одном из иностранных посольств. По просьбе Фадиной провел с Шилковым занятия по приемам ухода от "наружного наблюдения". Знакомил с антисоветской клеветнической литературой. Получил от Шилкова доставленные им в начале 1981 года инициативно две селеновые пластины и техническую документацию копировально-множительного аппарата "Эра", с которой совместно сняли копию. При этом сам отпечатал на пишущей машинке текст, от руки переписал спецификацию деталей, а Шилков перенес на кальку электротехническую схему аппарата, чертеж его репродукционной камеры и сделал эскиз возможной компоновки деталей при самостоятельном изготовлении множительного электрографического устройства. Совместно с Фадиным, Ривкиным и Шилковым обсуждал план доставки предложенного последним шрифта, похищенного в типографии, в Москву. Решили, что за ним в Петрозаводск съездит Ривкин. В начале 1981 года помогал Ривкину разбирать содержимое привезенного им с дачи Шилкова станкового рюкзака зеленого цвета, в котором находились: около 30 кг бывшего в употреблении типографского шрифта двух гарнитур с пробельным материалом

и верстаткой, вал из плотной светлой резины на металлической оси с пластмассовыми ручками, ряд копий произведений зарубежного издания, в том числе по одному экземпляру первого тома собрания сочинений Мандельштама и приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР". Из части шрифта было набрано стихотворение Цветаевой "Лебединая песня". В очередной приезд в Москву Шилков нарисовал схему печатного станка, на основании которой Кудюкин сделал эскиз с точными размерами, а схему Шилкова уничтожил. С согласия Шилкова отредактировал и перепечатал написанную тем в начале 1981 года для альманаха "Варианты" статью "Тираж ... экземпляров. Заметки по поводу", уничтожив оригинал. Ознакомился с переданными Шилковым материалами из сборника А. Зиновьева "Без иллюзий" (т.3, л.д. 126-148).

Ривкин М.Г. от дачи показаний на предварительном следствии отказался (т.3, л.д. 180-186).

Фадин и Кудюкин утверждают, что, воспользовавшись представленными Шилковым материалами для множительных работ и литературой, однако не намеревались привлекать его к своей преступной деятельности (т.3, л.д. 139, 156, 157).

Свидетель Шилкова М.А. показала, что видела у мужа типографский шрифт и верстатку, похищенные им в период работы в Петрозаводской типографии им Анохина. Он набрал и сделал ряд пробных оттисков текстов стихотворений из сборника М. Цветаевой "Лебединый стан". В феврале-марте 1981 года из Москвы приезжал и ездил с мужем на дачу в дер. Царевичи его знакомый, опознанный ею по фотографиям Ривкин М.Г., которому Шилков отдал для перевозки каких-то вещей ее станковый рюкзак "Ермак" защитного цвета (т.2, л.д. 219-224).

О наличии у Шилкова шрифта показали свидетели Липкин А.Ю., Макарихин А.В. и Сенченко И.Е.

Свидетель Фельдман И.Н. показал, что знал о нем и месте его хищения со слов Шилкова, а также пояснил и подтвердил свои показания на очной ставке с обвиняемым, что после неоднократных просьб о предоставлении деталей множительной техники передал ему в феврале 1981 года две селеновые пластины и техническое описание аппарата "Эра", которые тот увез в Москву, возвратив через некоторое время лишь техническую документацию. Ее содержание уверенно опознал в предъявленных копиях, изготовленных

совместно Шилковым и Кудюкиным, изъятых у последнего при обыске (т.2, л.д. 163, 167, 169-176).

Указанные копии технического описания аппарата "Эра", схем и спецификации деталей осмотрены и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств (т.1, л.д. 126, 244-245, 250-252).

Обнаружить место нахождения переданных Шилковым в распоряжение Фадына и других предметов для множительных работ не представилось возможным (т.1, л.д. 260).

Полная бесконтрольность со стороны руководства за деятельностью Шилкова в период его работы в институте "СеврыбНИИ-проект", нарушение правил допуска к эксплуатации копировально-множительной техники создали условия для изготовления обвиняемым в 1980 году значительного количества враждебной литературы и способствовали хищению им резинового прижимного вала из комплекта аппарата "Эра", что подтверждается показаниями свидетелей Шилковой М.А., Барабановой Л.А., а также справками администрации института и Октябрьского РОВД.

Недостатки в контроле за использованием принадлежностей для наборных работ в Петрозаводской типографии им. Анохина, приведенные обвиняемым обстоятельства, способствующие хищению им в 1978 году не менее 20 кг шрифта, заклочек и верстатки, нашли подтверждение в показаниях свидетелей: Шилковой М.А., Цепковской А.С., Манюковой В.П., Аверкиевой С.С. (т.2, л.д. 211, т.3, л.д. 90-92, 96-101).

Свидетель Куусинен К.Э. (т.3, л.д. 102-104) подтвердил сообщенные обвиняемым сведения об обстановке в период прохождения ими совместно в 1977 году военных учебных сборов в в/ч 52495, которая способствовала хищению Шилковым из полевой типографии гектографических лент.

За истечением сроков давности, предусмотренных статьей 48 Уголовного кодекса РСФСР, уголовное дело в отношении Шилкова в части совершенных им указанных мелких хищений прескращено на основании статьи 5, п.3 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР (т.4, л.д. 110-111).

В ходе обысков в Москве изъятые, осмотрены и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств изготовленные ранее Шилковым и переданные в распоряжение Фадына и других

электрографические копии книги "Зияющие высоты", первого тома Собр. соч. О. Мандельштама, приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР" и машинописные копии статей из сборника "Без иллюзий".

Факт их получения от Шилкова и распространения в Москве также подтверждается показаниями свидетелей Барановского К.Ю. и Зверева А.Д.

При обыске у Кудюкина изъята, осмотрена и признана вещественным доказательством отредактированная и перепечатанная им статья Шилкова "Тираж ... экземпляров. Заметки по поводу".

Свидетель Шилкова М.А. показала, что осенью 1981 года в ее присутствии муж работал над статьей, в которой стремился обосновать необходимость распространения в СССР нелегальной литературы, предлагал в связи с этим создать сеть конспиративных печатных точек (т.2, л.д. 216).

Два листа машинописного текста этой статьи, исполненной обвиняемым, изъяты в его квартире при обыске, осмотрены и приобщены к делу в качестве вещественного доказательства.

По заключению технико-криминалистической экспертизы документов текст указанной статьи напечатан на пишущей машинке "Москва-8М" №272147, принадлежащей Шилкову (т.4, л.д. 17-21).

Стремление Шилкова к усилению своей преступной деятельности, использованию возможностей, которыми располагали Фадин, Кудюкин и другие, и, в частности, распространение им в Петрозаводске полученных от Фадина фотокопий изданных за рубежом книги В. Буковского "И возвращается ветер...", сборника "Из-под глыб" подтверждаются показаниями свидетелей Брагина Н.В., Шилковой М.А., Волгина В.А., Белякова А.В., которых обвиняемый в марте 1982 года пытался ознакомить с ними. Фадин не отрицает, что давал их Шилкову (т.3, л.д. 166).

Осмотром указанной литературы, изъятой при обысках в Москве и признанной вещественными доказательствами, установлено, что в ней извращается внешняя и внутренняя политика Советского государства, отождествляемого с фашистским, порочатся демократические основы и законность в СССР, где якобы "доминируют ложь и насилие", возводится клевета на марксистско-ленинскую идеологию, будто бы оправдывающую террор и "закабаление крепостным трудом" советского народа (т.1, л.д. 98, 236-238).

Не отрицаются также самим обвиняемым и подтверждаются протоколами допросов свидетелей постоянное изыскание Шилковым новых возможностей приобретения, размножения и распространения враждебной литературы, попытки вовлечения им в преступную деятельность других лиц.

Так, свидетель Фельдман И.Н. показал, что получал от Шилкова предложения о совместном изготовлении нелегальной литературы, в том числе размножении фотоспособом антисоветской по содержанию книги А. Солженицына "Архипелаг ГУЛаг", о сотрудничестве в качестве корреспондента в нелегально издававшемся в Москве сборнике (т.2, л.д. 166-167).

Свидетель Дьяков А.К. заявил на допросе, что Шилков просил его помочь перефотографировать текст книги "Архипелаг ГУЛаг".

Кудюкин П.М. признал, что поручил Шилкову подыскать в Петрозаводске корреспондентов для участия в подготовке материалов очередных выпусков подрывного альманаха "Варианты".

О систематических обращениях Шилкова с просьбами о предоставлении нелегальной литературы показал и свидетель Доспехов А.Н. (т.2, л.д. 135-136).

В совершенных преступных действиях обвиняемый не раскаивается, от враждебного восприятия советской действительности не отказался. Находясь в следственном изоляторе, на путь исправления не встал, продолжает высказывать клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй (т.3, л.д. 106-107; т.4, л.д. 80).

По заключению экспертной комиссии Всесоюзного ордена Трудового Красного Знамени НИИ общей и судебной психиатрии Шилков является психопатической личностью, однако психическим заболеванием не страдает и в отношении инкриминируемых ему деяний вменяем (т.4, л.д. 53-55).

Шилков часто без достаточных оснований менял места работы, с мая 1981 года до ареста вел паразитический образ жизни. Характеризуется неуравновешенной, недисциплинированной, склонной к позерству личностью. Употреблял наркотики, пьянствовал, допускал аморальные поступки и административные правонарушения, оказывал отрицательное влияние на дочь.

Отягчающим вину Шилкова обстоятельством является продолжение враждебной деятельности, невзирая на факт объявления ему

3 октября 1980 года предостережения сотрудниками КГБ КАССР в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 декабря 1972 года (т.1, л.д. 3, 9-10).

Смягчающих вину обстоятельств не установлено.

На основании вышеизложенного гражданин

Шилков Андрей Юрьевич, 1952 года рождения, уроженец города Павловска Ленинградской области, русский, беспартийный, с высшим образованием, женатый, имеющий на иждивении несовершеннолетнюю дочь, до ареста без определенного места работы, проживающий по адресу: г. Петрозаводск, ул. Советская, д.6, кв.68,

обвиняется

в том, что из враждебных побуждений, с целью подрыва и ослабления Советской власти с 1979 по 1982 год проводил антисоветскую агитацию в устной форме, систематически распространяя в своем окружении клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

С той же целью в указанный период неоднократно изготовлял, хранил и распространял в городе Петрозаводске такого же содержания литературу: в 1979 году — не менее двух экземпляров машинописных копий писем А. Солженицына "4-му Всесоюзному съезду советских писателей" и "вождям Советского Союза"; в 1980 году — электрографические копии изданных за рубежом книги А. Зиновьева "Зияющие высоты" в количестве не менее четырех экземпляров, не менее трех экземпляров сборника статей под редакцией Н. Полторацкого "Русская религиозно-философская мысль XX века", не менее трех экземпляров неполного первого тома "Собрания сочинений О. Мандельштама" со статьями Г.Струве и Э. Райса, не менее трех экземпляров приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР" №6; в 1981 году — четыре машинописных копии сборника лекций, выступлений и интервью А. Зиновьева на Западе под общим названием "Без иллюзий".

Установив осенью 1980 года связь с жителями города Москвы Фадиным А.В. и Кудюкиным П.М., проводившими на протяжении последних лет антисоветскую агитацию и пропаганду, изготавливая

и распространяя нелегальный машинописный альманах "Варианты" и другую подрывную литературу, решил оказать им содействие и усилить таким образом свою враждебную деятельность.

В феврале 1981 года по собственной инициативе доставил в Москву и передал Кудюкину техническое описание копировально-множительного аппарата "Эра" и две селеновые пластины, используемые при его эксплуатации. Совместно с Кудюкиным снял копию с технического описания, при этом лично скопировал на кальку электротехническую схему аппарата, его репродукционной камеры, а также исполнил эскиз одного из вариантов возможной компоновки узлов электрографического копировально-множительного устройства в процессе самостоятельного изготовления.

В марте-апреле 1981 года через участника указанной преступной группы Ривкина М.Г., специально по предварительному сговору приезжавшего в Петрозаводск, направил в Москву для использования в антисоветской деятельности не менее 20 кг типографского шрифта двух гарнитур с пробельным материалом, заклочками и верстаткой, резиновый прижимной вал из комплекта аппарата "Эра", восемь лент для копировально-множительных работ, а также для ознакомления и последующего дальнейшего распространения сохранившуюся часть изготовленной ранее литературы, в том числе электрографические копии неполного первого тома "Собрания сочинений О. Мандельштама" и приложения "Культура" к журналу "Евреи в СССР".

Кроме того, прибыв в Москву, лично составил принципиальную схему печатного станка, предложил Фадину и Кудюкину свои услуги в его изготовлении и нелегальном использовании для размножения враждебной литературы.

Весной 1981 года по согласованию с Фадиным подготовил для включения в очередной выпуск сборника "Варианты" статью "Тираж ... экземпляров. Заметки по поводу", изложив в ней свои предложения об организации в СССР размножения литературы антисоветских групп.

Осенью 1981 года с той же целью написал другой вариант этой статьи, в которой стремился обосновать необходимость создания на территории страны сети нелегальных печатных точек.

В конце 1981-начале 1982 года передал в распоряжение Фадина, Кудюкина и других для ознакомления и дальнейшего распростра-

нения изготовленные им машинописную копию сборника "Без иллюзий" и электрографическую копию книги "Зияющие высоты".

В марте 1982 года привез из Москвы в Петрозаводск полученные от Фадына фотокопии изданных за рубежом книги В. Буковского "И возвращается ветер..." и сборника "Из-под глыб" антисоветского клеветнического содержания, которые хранил и пытался ознакомить с ними Брагина Н.В., Белякова А.В., Волгина В.А. и Шилкову М.А.

Кроме того, в течение 1979-1982гг. постоянно изыскивал новые возможности приобретения, размножения и распространения враждебной литературы, предпринимал попытки вовлечь в преступную деятельность других лиц,

то есть в совершении преступления, предусмотренного частью 1 статьи 70 Уголовного кодекса РСФСР.

В соответствии с требованиями статьи 207 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР настоящее уголовное дело подлежит направлению прокурору Карельской АССР.

Обвинительное заключение составлено 16 октября 1982 года в городе Петрозаводске.

Начальник следственного отделения
КГБ Карельской АССР
Капитан В. Десятков

Согласен:
И.О. Председателя КГБ Кар. АССР
полковник А. Тигушкин

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ВЕРХОВНОГО СУДА Кар. АССР И ПРИГОВОР

/.../ Суд считает, что Шилков, проводя антисоветскую агитацию в устной форме, путем систематического распространения в своем окружении клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, изготовление им, хранение и распространение антисоветской литературы, стремление Шилкова к усилению своей враждебной деятельности путем оказания содействия антисоветской группе в Москве, а также его попытки вовлечь в преступную деятельность других лиц, наконец,

высказывание Шилкова в суде о том, что "Великая Октябрьская социалистическая революция явилась трагедией для России", что "капиталистический строй ему по духу ближе, чем социалистический", продолжение им враждебной деятельности, несмотря на факт объявления ему предостережения, — все это свидетельствует о том, что Шилков действовал с прямым умыслом и именно с целью подрыва и ослабления советской власти.

Согласно заключению судебно-психиатрической экспертной комиссии, Шилков является психопатической личностью, однако психическим заболеванием не страдает и в отношении инкриминируемых деяний вменяем (т.4, л.д. 53-55).

При назначении меры наказания Шилкову суд учитывает характер и степень общественной опасности совершенного преступления и данные о личности подсудимого.

Шилков часто без достаточных оснований менял места работы, с мая 1981г. до ареста вел паразитический образ жизни, характеризуется неуравновешенной, недисциплинированной, склонной к позерству личностью, употреблял наркотики, допускал аморальные поступки.

Суд учитывает и то обстоятельство, что, несмотря на объявленное ему предостережение 3 октября 1980г., он продолжал вести враждебную деятельность.

Вместе с тем суд учитывает, что Шилков в прошлом не судим, имеет несовершеннолетнюю дочь.

На основании изложенного и руководствуясь ст.ст. 301, 303 УПК РСФСР, Верховный суд КАССР

ПРИГОВОРИЛ

Шилкова Андрея Юрьевича признать виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 70 частью 1 УК РСФСР, и на основании этой статьи закона лишить свободы на три года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии строгого режима с последующей ссылкой на три года.

Срок наказания исчислять осужденному с зачетом предварительного заключения, с 21 апреля 1982г.

Меру пресечения осужденному оставить прежнюю — содержание под стражей.

Вещественные доказательства, перечисленные в постановлении следователя (т.1, л.д. 248-252), хранить при деле.

Взыскать с Шилкова А.Ю. судебные издержки в доход государства в сумме 27 руб. 15 коп.

Приговор может быть обжалован или опротестован в Верховный Суд РСФСР в течение семи суток со дня провозглашения приговора, а осужденным — в тот же срок со дня вручения ему копии приговора.*

п.п. председательствующий — Красновский
народные заседатели — Александров, Стракатов
(25 ноября 1982)

В порядке дискуссии

Анна ВЕЛИКАНОВА

ИНИЦИАЦИЯ И ЭМИГРАЦИЯ

Речь, обращенная к младшему поколению

*Моей сестре Тишке
с верой, надеждой и любовью.*

Спрашивает младший брат: "Почему я должен верить вам, а не всем остальным? Откуда я узнаю твердые основания того учения, в котором я наставлен? Я никому не могу довериться полностью, все в мире так неустойчиво!"

Он спрашивает отца, но пасхальная еврейская традиция велит, чтобы все, кто старше его, знали ответ. Есть ли ответ? В Москве он был бы лишним. "Пусть, — сказала бы я, — выпендривается. Я не боюсь за него. Пусть станет почвенником, диссидентом, сионистом. Пусть вращается в коллектив, пусть решит даже (он не сделает этого!) вступить в комсомол — в период инициации надо откальвать номера, а сеткой пусть служит родная земля..." Но — здесь нет сетки, и поэтому мы обязаны предупредить его, показать крохотную светлую точку вдали, во мраке — тот самый очаг, от которого уходит сейчас наш блудный сын.

I

Я думаю, что эта притча, всечеловеческая общность и общеизвестность ее сюжета помогут нам понять проблему инициации в ее личном аспекте, прежде чем мы обратимся к общественному.

Младший сын уходит — вниз, в дольную страну; в преисподнюю. Он отправляется странствовать, искать приключений, как во всех сказках, мифах и обрядах инициации, и отправляется он (это нам сейчас особенно интересно) не с пустыми руками. Отец выделяет ему следующую ему часть имения. Он выносит, другими словами, из отцовского дома некий багаж — запас мыслей, знаний, взглядов и оценок, который определяет его принадлежность к роду и составляет его богатство (имение). Но он не знает ценности этого, он ищет других ценностей у чужих людей — блудниц и беспутных товарищей — и перенимает их способ жить. Так он

*) Дополнительные сведения об А. Шилкове: окончил Петрозавод. гос. ун-т, историк, увлекается скандинавскими сагами, религиозной философской мыслью Востока, резчик по камню, театральный бутафор; его отец — заслуж. чекист Карелии; после осуждения — п/з Перм. лаг. №35; в наст. время — в ссылке в пос. Вамболы Зырянск. р-на Томской обл. (*Архив Самиздата*).

тратит свое имя и ничего не приобретает взамен — то, чем живут они, разврат, — для него не питательно, потому что, даже не зная и не желая этого, он остается сыном, он принадлежит к роду Отца. Оставшись без всякого имени, без среды, даже чужой, он опускается на дно преисподней и видит близко смерть — голодную смерть. "Он хотел наполнить чрево свое рожками, но никто не давал ему" — пища свиней, обитателей преисподней, не может быть его пищей. И тогда в смерти, как это и должно быть в инициации, как это происходит в инициационных обрядах, он поднимает взор наверх, к воскресению, к свету, к Отцу — и начинает тяжкий, но единственно возможный путь восхождения. Он еще думает, что главное, за чем он идет, — это хлеб, и это сознание тоже важно. Он осознал, по крайней мере, ценность, питательность и необходимость для него той духовной пищи, которой он бессознательно питался в детстве и бездумно отверг в юности. Но он еще не сознает, что в доме Отца он станет снова полноправным сыном, то есть, что, правильно пройдя инициацию, он вернется взрослым, готовым к творческой деятельности, достойным получить перстень Отца — символ всего имущества, всех сокровищ Отца (толкование митр. Антония Сурожского), ибо "перстнем Отец Небесный щедр был на Сына Своего". Это он сознает, точнее, завершающее преображение, торжество инициации происходит только после встречи с Отцом. Только указав словами покаяния на достоинство быть сыном, только совершив подвиг раскаяния, он получает знаки своей взрослости и сыновства — перстень и новую одежду (как во многих обрядах инициации, связанных с переодеванием) — и входит в отчий дом.

Что же дало сыну силы на обратный путь, что вело его правильной дорогой в отчий дом и что преобразило его в завершающей сцене встречи? Только одно — любовь Отца. Он вспомнил ее в преисподней, на пороге смерти (в буквальном смысле — почти войдя в смерть), и понял, что она всегда была с ним, но он не ощущал ее, как не чувствуют света, пока не станет темно. Он нашел в своей развращенной общением с чужими, опустошенной, расточившей все имяние душе уцелевшее сокровище — образ, лицо Отца. И свет этого лица оказался достаточной путеводной звездой, чтобы привести его домой, к Отцу. И Отец выбежал ему навстречу, и он увидел воочию это лицо, жившее в его душе.

И свет этого лица оказался достаточно сильным, чтобы преобразовать его грех в подвиг, а унижение — в славу. Отчая любовь составляет, таким образом, и сюжет и тайну этой истории инициации духа.

Есть в ней еще один персонаж — тот, кто не прошел инициации, кто всегда был в доме, но не был истинным сыном — старший брат. Но он не относится в настоящий момент к нашей теме, так как он не необходим для сюжета инициации. А эти этапы — уход как он не необходим для сюжета инициации. А эти этапы — уход в странствие с отцовским богатством, растрата, спуск в преисподнюю, смерть, память о любви, возвращение к любви и преображение в истинного сына, взрослого — обязательны в каждой духовной инициации, то есть инициации, не являющейся рудиментом древнего ритуала в наше время, как, например, экзамены на аттестат зрелости, а той, которую непременно должен пройти каждый человек и в нашем обществе и которая почти никак не зависит от условий социальной жизни.

Но это "почти" решительно меняет картину, если речь идет об эмиграции. Грубо говоря, разница — количественная. Младший сын ушел в другую страну и вернулся в свою. В эмиграции — другая страна — огромна, а своя сужается до размеров одного родного дома, в лучшем случае — пяти-шести домов, связанных дружкой и родством. И какое количество блудниц и ложных друзей, свиней и хозяев! И каких разных! Каким маленьким кажется блудному сыну взятый в дорогу узелок с именем — все русские стихи и пасхальная заутреня в храме Ильи Обиденного — по сравнению с долом и морем спортивной, научной и сексуальной информации! Но это бы еще полбеды. Количественную путаницу трудно перенести, но катастрофы она не составляет. Если свет родного дома не поколебался, можно найти к нему дорогу даже в огромной преисподней, можно выйти, ступая в собственные следы, идя по белым камешкам, как Ганс и Гретель. Но — если. А для эмигрантского подростка основная трагедия, почти непреодолимая трудность его инициации состоит в том, что в своих родителях он никак не может увидеть непоколебимой мощи отца.

Разумеется, любая инициация начинается с открытия, что есть и другие дома, кроме родного, что в другой стране лучше, etc. Это неизбежно. "Когда мне было четырнадцать лет, мой отец был так глуп, что я едва его мог вынести. Когда мне исполнилось двадцать, я удивился, как поумнел старик". Но в эмиграции это неизбежное

ощущение отличается от того, что было бы на родине, как действительность отличается от иллюзии. Ведь в Москве родители не менялись — менялся сын. Здесь же крушение родителей — факт.

Отец не посылает больше работников в поле — он сам хорошо если работник, а то и желает наполнить чрево свое рожками. И если ты сумеешь вернуться домой, он не заколет упитанного тельца и вряд ли даст тебе даже козленка, чтоб повеселиться. Он нищий. А нищета, как мы знаем от Мармеладова, в отличие от бедности — есть порок. Нечего и говорить, что страх — еще худший порок, для подростка — самый худший. Какое же сокровище, какую часть имения, какой перстень может посулить сыну отец, который все время боится, боится даже того, чего не боится и не замечает сын? Например, почтового извещения, или телефонного звонка, или официанта в кафе. А униженная гордость: не главная ли забота хорошего подростка — это честное имя отца? А какое уж тут честное имя, если вся жизнь отца в эмиграции — цепь оскорблений, которые он проглатывает молча или в бессильной ярости напоминает в окружении жены и детей?

Тут можно бы возразить, что если речь идет у нас об истинном сыне, достойном преемнике отца (то есть о той части детей нынешней русской эмиграции, которым можно вверить будущее русской эмигрантской культуры и духовной жизни), то он должен разбираться, уметь отличать личность отца от социальной ситуации, которую тот бессилён изменить, и смочь отнести позор, нищету и страх к несущественному социальному фону. Но здесь выступает некая роковая особенность детей — возраст.

Принято думать, что в детстве эмиграция переносится легче всего. Все согласны, что эмигрировать старикам нельзя, и это, так сказать, "медицинский факт", о котором рассуждать излишне. Но следом за стариками в общепринятой иерархии идут отцы семейств, которые в эмиграции непрерывно спрашивают себя, не пантера ли прыжками загнала их на парижский чердак, и, если они честны перед собой, приходят к ужасному выводу, что не пантера. Конечно, сознание собственной необратимой вины необычайно мучительно, и трудно придумать что-нибудь хуже, чем состояние такого отца. Но я позволю себе сказать, что в действительности решить вопрос о том, в каком возрасте хуже эмигрировать, так же невозможно, как о том, когда лучше садиться. И если

обратиться непосредственно к детской эмиграции, то мы увидим, что отсутствие ответа на вопрос — каким образом ты очутился здесь, Робин Крузо? — не легче, чем ответ: по собственной глупости. Для ребенка эмиграция — данность. Он в ней живет, как мы жили в России, только хуже. Поэтому он не может оторвать отца от его эмигрантского положения. Это для него означало бы — оторвать его от жизни.

Итак, перед вступающим в возраст инициации сыном эмигранта стоит неслыханная по сложности задача — он должен нищете, позор и страх осознать как дары, как следующую ему часть имения, такие же дары, как Православие или русская культура. Это — почти невозможно. Но другого выхода нет.

II

Блудный сын уходит. Как это случается? Он живет в отчем доме, как киплинговский слоненок жил в стаде, то есть хорошо — до тех пор, пока не стал любопытным. Вместо вопроса "Что ест крокодил за завтраком?" он задает себе и родственникам другой, еще более рискованный: "А кто я такой? Почему я должен есть траву, как слон, а не жалить кого ни попадая, как оса? Может быть, я — оса, и вы все мне не родственники?" Так начинается инициация, и, по слову Пастернака, этот наш ход от мухи (или осы) к слону протекает тем мучительней, чем мы в действительности дальше от мухи.

Начиная с этого момента, родители ему не помощники. Да и чаще всего они поступают с блудным сыном, как тетка Бегемотиха и дядька Павиан. Они дают ему тумака, и он уходит, и в этом случае ему особенно легко не заметить, что свою часть имения он от них получил, даже не прося. Но и в любом другом случае он этого не замечает. Что он знает о себе? Что он эмигрант — это немного и неинтересно. Он говорит по-русски — ну и что, это же родной язык. Он православный — ну так что же? Его же родители крестили. Своим, таким образом, он счел бы только благоприобретенное, но этого у него, действительно, мало, и нескоро он соберет все свое. Настоящие люди растут долго, и если бы наш любопытный слоненок хотел это заметить, он понял бы, что это отличает его сразу от осы, которая, только перестав быть личинкой, уже знает, что нужно летать и жалить. А больше ей ничего знать и не положено. Но он не хочет этого замечать.

Итак, он уходит в дальнюю страну и расточает там имение, живя распутно. Как это происходит? Очень часто, конечно, это именно так и происходит, но, повторяю, мы обсуждаем не частный случай, а особый — истинного сына, то есть такого, который если и станет курить наркотики, то не потому, что хочется, и не потому, что так все делают, а потому, что решил, что это правильно и необходимо. Такой сын расточит свое имение в сомнениях и проверке. Он начнет проверять на опыте убеждения, вынесенные из родного дома, и довольно быстро обнаружит то, что все человечество знает благодаря Канту уже двести лет, а именно — что суждения типа "жизнь есть жертва" или "Бог есть любовь" не следуют из опыта (психологическое состояние начала инициации родственно вообще кантовскому сомнению, и отчаяние иницианта родственно убеждению в отсутствии связи между сознанием и действительностью). Тогда он начнет их выбрасывать одно за другим, пока не останется нищ, потому что "откуда я знаю, что это так?" А вместо этих убеждений начнет подбирать рожки и прочие суждения жителей страны той, и они будут казаться ему более апостериорными, нежели его детские убеждения. Но они не помогут ему, ибо "настал великий голод в той стране". (Я говорю не о *common sens*'е и даже не о мнениях, внушаемых средствами массовой информации, а о тех жизненных принципах, которые внешний мир пытается всучить эмигрантским детям). И тут весь вопрос в том, насколько быстро он заметит, что начал нуждаться, и сколько времени он будет пасти свиней.

Потому что, нельзя обманываться, — это опасный период. Может случиться и так, если блудный сын окажется недостаточно умным и памятьным и период распада затянется, что он уже не сможет "прийти в себя". Тогда ему угрожает опасность, во-первых, сойти с ума, если он будет вечно перебирать возможности и мнения, не останавливаясь ни на чем и ничему не веря. По поводу каждого поступка или убеждения он станет задавать вопросы, сводящие его на нет. Каждое свое состояние он начнет анализировать со всех точек зрения, так как одной, своей, у него нет, и в конце концов его личность распадется настолько, что в ней уже нельзя будет найти объединяющего образа. Так он погрузится в хаос неустойчивости, то есть не сумеет пройти инициации. Во-вторых, опасность самоубийства в тот момент, когда он поймет, что чужой опыт обманул его, и погрузится в отчаяние

(это неизбежно в любом случае), но не сможет вспомнить себя прежнего и истинную свою веру и любовь. Тогда он окажется в пустоте, и если, в отличие от первого случая, он однозначно оценит свое состояние, он может покончить с собой, — и это тоже означает, что он не смог пройти инициацию. И, в-третьих, он сможет настолько основательно забыть себя, что приучится выпрашивать рожки и наполнять ими чрево, а потом дела его кое-как поправятся, и он станет сыном страны той — преисподней. И если что-то будет вдруг напоминать ему утраченное (может быть, во сне?), он сможет только слушать Окуджаву или заходить изредка, когда позволяют средства, в ресторан "Распутин". И это — неудачная инициация.

Но хотя и нельзя обманываться, отчаиваться тоже нельзя — это великий грех. Мы надеемся, что младший брат, настоящий сын, сможет пройти через упоение чужим и растратить все свое, испытает страшные муки духовного голода и — "придет в себя".

К сожалению, придет в себя не раньше, чем после многократных попыток нажраться рожков в виде увлечения Муном, гоппизмом или сексуальной революцией — или в другом, более безобидном. Придет в себя только на границе голодной смерти, только уже умирая, только в смерти — потому что, только когда придет настоящее отчаяние, отступят чужие мнения и ложные и опасные вопросы на тему "кто я такой". Только тогда наш слоненок перестанет интересоваться тем, что ест крокодил за завтраком, когда получит ответ, что сегодня — слоненка, и крокодил уже схватит его за нос. Тогда он придет в себя и начнет упираться, чтобы крокодил не стащил его в омут, потому что если он не будет сам упираться, никакой Скалистый Питон не сумеет ему помочь.

Итак, увидев вблизи смерть, сын приходит в себя. Видит ли он что-нибудь еще? В каждом инициационном обряде заключена тайна, много тайн, но одна из них состоит в том, что прежде, чем неопиту сообщают мифы племени, одновременно с прохождением образа смерти он что-то еще видит, или слышит, или ощущает. Это "что-то" явственно выступает, если герой сталкивается со смертью в виде бога, например, в Катха Упанишаде. Начикетас беседует с Ямой — богом смерти, и тот вручает ему божественный дар. Итак, можно сказать, что он ощущает божественное присутствие. Так и в притче. Сын вспоминает Отца Небесного. Я осмелюсь

сказать, что достаточно — просто отца. Он обнаруживает, что в его душе живет любовь к тем, кого он покинул. Он обнаруживает, что его тянет к ним, что он — из их рода.

И тут же это спасительное чувство переводится на язык разума в виде хлеба. Сын говорит себе: "Я искал истину у чужих и не нашел ее. Я хотел жить тем, чем живут все, и не смог. Значит, я не оса и не крокодил. Я и вправду — слоненок. Мне нужна трава, которую жуют мои родственники, нужно православие — не как фон детства, а как сознательное содержание жизни". И, подумав так, он встал и пошел к отцу своему. То есть — к себе домой, к себе самому.

Этот путь прежде (и на родине) бывал иногда очень увлекателен. Сколько подвигов совершили герои по дороге домой, сколько чудовищ убили, какой славой покрыли себя! Нашему блудному сыну это вряд ли суждено. Скорее — его путь назад будет очень похож на уже пройденный. Ему придется по дороге стучаться во многие похожие двери — его дом так невелик, он затерялся среди других. И еще десятки раз он примет мишуру и личину за правду и личность и десятки раз соблазнится ненужным, прежде чем дойдет до дому, если его любовь к отцу окажется достаточно сильной, чтобы довести его. Но за то время, что он будет идти и ошибаться, как раз и произойдет труднейшее, что должно было произойти, — он познакомится с богатством, честью и бесстрашием в том виде, в каком они предложены нам нынче — как жульничество, наглость и тупоумие, и начнет понимать, что это не издевательство, а на самом деле — дары, то, чем его наградили — нищета, страх и позор. Да, у него нет родины, но зато он способен любить и оставленную родину не так, как любят здесь землю, на которой живут, — он любит ее без чванства, без самодовольства, не потому, что только ее и считает землей, а все остальное — грязью. Он и другие страны умеет любить, а люди, богатые родиной, ничего не знают о других странах. И он постоянно боится, а они не боятся, непуганны, но если их напугать — как быстро они впадают в ничтожество! А ему пришлось научиться жить со страхом, то есть подавлять его. И он вечно унижен, а они свободны, самодостаточны. Кто оскорбит родившегося в римском гражданстве? Но открытость любому удару позволила ему узнать о Христе и христианстве то, чего они никогда не знали. И, пожалуй, это не все дары.

Ведь по дороге домой ему придется чем-то зарабатывать на хлеб, а пасти свиней он уже не станет. И он приобретет ремесло, а, может быть (ведь не зря люди прежде отправлялись странствовать), обретет и призвание? Он не гуляет — он возвращается к отцу. А как это делается? Он работает. Учеба, работа, творчество — вот тот посох, опираясь на который он сможет дойти до дому, то, что соберет его и сделает взрослым. И хотя трудно, конечно, предположить, что он вернется домой со шкурой Шерхана (или немейского льва) на плечах, но может статься, что наш слоненок научится сам для себя срывать плоды с высоких деревьев.

И вряд ли он станет бить свою тетку Бегемотиху, когда вернется домой, — скорее, он быстро поймет, что теперь ему придется срывать плоды для всех: ведь они постарели, его родственники. Даже может случиться, что когда отец увидит сына издали и сжалится, и побежит, и падет на выю его, сын не сразу узнает его — так тот постареет. Но одно сокровище отец должен принести сыну, и это будет дороже и нужней и перстня, и тельца, и лучшей одежды. Нет, я говорю не о любви, хотя она и только она спасет сына и приведет его к отцу. Но сейчас я говорю о другом — отец должен не измениться.

Родители, старшее поколение, я взываю к вам! Ради младшего сына — вы не должны растерять то, что вы имеете. Кажется, что это легко. Все в эмиграции консервируется, как в лагере, — и сильнее. Но на самом деле это не так. Легко в эмиграции не только ребенку, но и взрослому — потерять память, усомниться в наших духовных ценностях или в том, что мы ими обладаем. Легко (это легче всего) опуститься и озвереть. И вот — вы не имеете права на это, потому что сын должен вернуться к тому отцу, которого оставил, — старому, больному, загнанному, но столь же духовному и стойкому, как и прежде. Я говорю не о строительстве новых ценностей — это не каждому дано. Но сохранить то, что подразумевается — всеми одинаково — под обликом русского интеллигента, вы обязаны — ради детей.

III

Итак, блудный сын вернется. Как это будет — трудно предсказать, но ты вернешься. Ты придешь домой взрослым человеком, просто-напросто осознавшим, что твое место среди нас, потому что ты — один из нас. Ты вернешься — быть эмигрантом, ходить

в церковь, работать. Когда ты женишься (а это будет тебе необычайно трудно — найти невесту, которая прошла такую же инициацию и не потащит тебя назад, в преисподнюю, почти невозможно будет тебе выбрать ее — ведь таких, как ты, единицы, но все-таки), когда ты женишься и у тебя родятся дети, ты будешь говорить с ними по-русски и повторять им те же стихи, которые в детстве в Москве тебе читала мама. Может быть, ты способен на большее — может быть, ты научишь детей новым стихам, твоим, или вернешься с ними на родину, или сумеешь весь мир сделать их родиной. Этого я не знаю и не могу предсказать. Но одно ты осознаешь окончательно в тот момент, когда скажешь: "Отче, я не достоин называться сыном Твоим..." То, что быть сыном нашего отца, — достойно, что наш род не должен прерваться.

Вот и все. Прости меня, отец, я не слышал, что ты отвечал. Я думал о том, знаю ли я, "чем отличится эта ночь от всех других ночей".

Прости и ты, младший брат, тот, кто спрашивает за столом, — я не знаю, сумел ли я ответить тебе. Но что бы тебе ни сказали, ты все равно уйдешь.

Поэтому выслушай меня на прощание: люби маму и папу, достаточно даже только маму или только папу, но — люби, сохрани в памяти мамино лицо — и это выведет тебя из ада. Христос и Матерь Божия сохранят тебя от неудачной инициации — от безумия, самоубийства и предательства, и ты вернешься. И мы станем "радоваться и веселиться, что брат наш сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся". Благослови тебя Бог! Ступай!

Нужно сделать оговорку. Вся моя речь написана так, как будто всем известно, какую сумму идей, убеждений и нравственных принципов я подразумеваю под наследством, которое получает сын, и родительским домом, куда он возвращается. Возможно, это и не совсем так, и мои метафоры и намеки вызовут недоумение у читателя. Но мне было бы чрезвычайно трудно, а может быть, невозможно определить этот круг идей или даже круг лиц, обладающих этими взглядами, точнее, чем это получилось. Я надеюсь, что те, к кому обращена моя речь, поймут это без дополнительных разъяснений.

Вопросы общественности

СПОР О РЕВОЛЮЦИИ: ДВА ПИСЬМА В. А. МАКЛАКОВА Кн. В. А. ОБОЛЕНСКОМУ

Запоздалый спор о причинах и значении революции намечает водораздел, который в 10-х годах и отчасти в эмиграции отделяет "правых" кадетов от "левых".

К первым принадлежит Василий Алексеевич Маклаков (1870-1959), выдающийся адвокат, оратор, член 2-й, 3-й и 4-й Гос. Думы, масон. С июля 1917 — посол России во Франции, затем возглавлял учреждение, ведавшее делами русских эмигрантов. Автор четырех книг воспоминаний. Первые три носят историко-политический характер и доводят рассказ до роспуска 2-й Думы в 1907г. (Изд. "Иллюстрированная Россия", Париж). Четвертая носит более личный характер, возвращается к более далекому прошлому и свидетельствует о поправлении Маклакова в оценке событий 1907 и след. годов.

Князь Владимир Андреевич Оболенский (1869-1951) родился в Петербурге, где окончил университет и работал земским статистиком. Член 1-й Гос. Думы; член ЦК партии кадетов. В эмиграции выпустил малую часть своих обширных воспоминаний "Очерки минувшего" (Париж, 1931). В значительно более полном виде, воспоминания В.А. Оболенского вскоре выйдут в издательстве "YMCA-PRESS".

Дорогой Владимир Андреевич,

Жалею, что Вы так плохо разбираете мой почерк и что не послали мне того письма, о котором говорите. Это могло предупредить недоразумение. Но на последнее письмо разрешите все же ответить:

Выписываю из него дословно Ваши слова: "Вы рассматриваете революцию с юридической точки зрения, а не с исторической, приравнивая ее к государственному перевороту, т.е. к изменению формы государственной власти; а для меня революция — это

исторический процесс. Поэтому Вы начавшийся в 1905 г. и не завершённый революционный процесс считаете просто октроированной Николаем II конституцией”.

Я эти слова переписал буквально, чтобы не истолковать их ошибочно. В этом виде они многое объясняют. Мы часто говорили о разных вещах и видели разномыслие, где его нет.

Вы говорите: революция есть “исторический процесс”. Конечно. Так называем мы вообще *все* явления общественной жизни. Мы видим в них иногда определенную *цель*, иногда просто *закономерность*, причинность, о которой судим каждый по-своему. Идет ли этот процесс от “рабства” к “свободе”, от “неравенства” к “равенству” или наоборот; наше понимание этого процесса позволяет нам судить, какие изменения в общественной жизни идут в *его* русле, какие *наперекор*, и обречены поэтому на провал. Исторический процесс мы противопоставляем регрессу, застою, омертвлению жизни. Он бесконечно шире понятия “революция” и ее покрывает.

Но что такое “революция”? Можно так называть всякое радикальное изменение; недаром говорят о революции в науке или искусстве, о “промышленной революции”. Для революции в этом философском смысле “беззаконие” и “насилие” не характерны, и не необходимы. С этой точки зрения ликвидация “феодализма” и замена его демократией уже была “революцией”. Сейчас является его замена капиталистического строя новым “социальным” порядком. Эти революции могли происходить легально и мирно, как произошли в XVIII в. в Австрии и Пруссии, или насильственно, как во Франции; и в XX-ом веке новый социальный порядок вводится мирно в Англии и Америке и насильственно, как в России или Китае. Но это не подлинное, а *метафорическое* употребление термина “революция”.

“Революцию” в строгом значении этого слова мы противопоставляем “эволюции”; она предполагает *крушение прежней власти* и создание новой, уничтожение *прежнего* государственного строя. Если этого нет, не было и революции. Освобождение крестьян в 1861 году — по радикальности перемены было глубже, чем 1905 год; но оно было сделано законной властью, в законном порядке и потому было не революцией, а эволюцией, началом эпохи “Великих реформ”. Но все они вышли сверху, сделаны были властью, а не Пугачевым, и потому не были революцией. Неважно, что эти реформы в 1861 и в 1906 гг. вынуждены были у власти боязнь

народных движений; были все же сделаны ею и потому были “эволюцией”, которая до революции не допустила.

Не думаю, чтобы в этом мы с Вами расходились. Но сходство между нами можно видеть и дальше. Едва ли Вы *революционный* путь *предпочитаете* эволюционному. Конечно он быстрее; но он, как война, приносит стране много горя, несправедливостей и развращает людей, как развращают их войны. За успехи революции народы платят потом. Думаю, что и Вы так смотрите на это. Если так, то надо было в 1905 г. работать над тем, чтобы из радикальной реформы не вышло революции, как над этим же работали либеральные сотрудники Александра II. Если бы они тогда не помогли ему в реформах, то этим подготовили бы революционную вспышку, со всеми последствиями, включительно до “реакции”. Здесь и начинается наше действительное расхождение. Я думаю, что либералы — кадеты 1905 г. вопреки своим программам и даже интересам, из-за старых воспоминаний, толкали к революции, вместо того, чтобы сотрудничать с властью, которая отреклась от самодержавия. Вы же думаете, что она не отреклась или отреклась неискренне, и что поэтому надо было сначала ее добить, хотя бы этим рискуя перейти в революцию.

Тут конечно разногласие есть; но оно не в противоположности наших позиций, а в различной оценке конкретных фактов. Это вопрос другого порядка; разрешить его невозможно, и мы естественно держимся наших старых взглядов на это. Но поэтому я считаю, что мы с Вами ближе друг к другу, чем с Вишняком; вероятно он революцию предпочитает потому, что верит в непогрешимость чetyрехвостки и зрелость всякого народа для демократии. Не знаю, как Вы, но я в свое время не радовался Февралю 1917 г., ибо не сомневался по первым шагам Временного Правительства, заставившего Михаила отречься, что оно неминуемо приведет к подлинной революции. Это разногласие серьезное, но не принципиальное; мы с Вами были людьми, которые идут в одном направлении и к одной цели, но с разной скоростью. Это нельзя назвать *диаметрально* противоположными позициями, на каких мы бы стояли с Плеве или Лениным. Вот почему это выражение вашей статьи не оставило меня равнодушным и я хотел его с Вами выяснить. Если бы я получил то письмо, которое Вы мне написали, но не отослали, нашей теперешней переписки вероятно и не было бы, ибо нам было не о чем спорить. Того разногласия между нами, о котором я говорю,

я несколько не стыжусь, и признаю, что в *нем* Вы ближе к Вишняку, чем ко мне. Но уже в понимании истинного *народовластия* и сочетания интересов всего государства с правами человека, в ограничении *прав* не Монарха, не привилегированного меньшинства, а всего *государства*, как такового, Вы по-видимому за Вишняком, закрывши глаза, не идете; говорю по-видимому, т.к. Вашей основной статьи не читал; но здесь начинается уже область "еретических" мыслей, которых Вишняк прежде понять не мог или не захотел.

P.S. Если у Вас есть время для чтения, то осмелюсь рекомендовать Вам книгу J. Drieux : La Chine — du nationalisme au communisme. Автор — журналист, очевидно еще молодой, с большим уклоном налево, но говорит о многом, чего мы не имели, и это очень для нас поучительно.

Вам преданный В. Маклаков
Париж, 16 февраля [1949?]

Дорогой Владимир Андреевич!

Вы правы, мы наши разногласия определили, и если мы не стоим на диаметрально противоположных позициях, то в оценке прошлого очень расходимся. Вы сами говорите, что были революционером в 1905 г., я же и тогда им не был; конституция могла быть октроирована монархом в 1905 г., как могла быть октроирована и в 1881 г., для этого никакой *революции* не было нужно; нужна была угроза ее, что и делали, и некоторый здравый смысл власти, по крайней мере, в кругах власти, что тоже оказалось тогда налицо, отсюда и вышел 17 Октября 1905, и 23 Августа 1906 г.

Вас удивляет мое упорство, а меня удивляет Ваше, — в отрицании *этого*. Я не говорю, что Николай II "искренне" принял конституцию; конечно, он ее *не хотел*, был вынужден на нее согласиться [по настоянию?] тех, кто видел в ней спасение — и Витте, и Ник. Ник. и умеренных общественных кругов. Он нашел конституционалистов в своем лагере; перечитайте петергофские совещания по выработке Основного Закона; ведь против [власти?] "неограни-

ченной" выступали и Дурново, и Акимов, и оба Великие Князя, и нужно было таких в Думы, ведь они разочаровались в либеральной общественности, совершенно так же, как после Октября 1917 г. Вы разочаровались в Революции и четыреххвостке, на этой почве [два слова неразб.] разочарований, кот. испытали не только они, но многие прежде либеральные люди и выросло то уродливое засилие *реакции*, Союза Русского народа, которая теперь в Ваших глазах оправдывает все *наши* грехи.

И все-таки даже при всем этом новый строй, несмотря на усиления правых, себя тем оправдывает и укрепляет, и среди людей старого режима были не одни марионетки. Режим снесла *война*, как войны, неудачные войны низвергли даже такие сильные режимы, каким была *германская империя*. Вы говорите, что [шаги?] были необходимы в компромиссе со страшной народной стихией и прежде всего удовлетворить крестьянское правосознание в земельном вопросе. Здесь много правды; земельный или крестьянский вопрос конечно надо было решить. Крестьяне вовсе не увлекались парламентаризмом и четыреххвосткой, совсем не ненавидели самодержавие, как мы; им хотелось себе и прав и благосостояния. И здесь я считаю, что не мы, а Столыпин пошел верной дорогой, отменив крестьянские правоограничения, сравнял их с остальными и содействовал приобретению ими земли; ведь помещики землевладельцы сами собой ликвидировались. Но наш план "принудительного отчуждения" я считаю нашей главной ошибкой и главной виной. Мы в этом отношении были предтечами большевизма с его "грабь награбленное", принудительными колхозами и травлей единоличников и кулаков. Это было разжигание, откровенное разжигание бунтарских, т.е. революционных инстинктов, которые и привели к большевизму, а вместе с ним и к неслыханному деспотизму. И чем больше я читаю литературные памятники того времени, тем больше укрепляюсь в этом. Но повторяю, это разница не принципиальная, а оценки, разное понимание *фактов*.

Вы конечно не разберете этого письма; не беда, не разберете, постарайтесь разобрать с этих пор:

Я недавно получил в подарок книгу Gérard Walter : Lénine. Она очень интересно написана и представляет полную картину того, что мы знаем по обрывкам. Так вот, в этой книге я прочел, что когда Ленин, тогда еще Ульянов, вернулся из ссылки в Сибирь и ехал за границу, он остановился в Пскове, где по рекомендации

Потресова, был очень любезно принят кн. Оболенским, который познакомил его со всем псковским обществом. Очевидно это Вы; там сказано, — что "prince Obolensky, aristocrate libéral, deviendra quelques années plus tard un des dirigeants du parti Cadet". Не может же быть таких двух Оболенских? Так вот откуда идет Ваше "революционерство" и объясняет близость к [неразб. Вишняку]. Такого [пассажа?] в моем прошлом не было, и может быть отсюда наши несогласия. Но это я для шутки. Очевидно у Вас более темперамента, чем было у меня, а я больше пацифист, чем вояка.

Ну, всего хорошего.

Ваш преданный В. Маклаков
25 февраля [1949?]

P.S. Революцию принято сравнивать с хирургией, а эволюцию с терапией, но ведь и при хирургических операциях заботятся, чтобы больной выздоровел, а не умер. Революционер Ленин хотел, чтобы пациент — старая Россия — был уничтожен, и уступил место *другому* лицу. И вот я спрашиваю, заботилась ли наша либеральная общественность, чтобы старая *Россия* вынесла операцию, а не погибла, как этого добивались в 1917г. И второе: могла ли она не погибнув выдержать переход к конституционному *строю*? Я не сомневаюсь и сейчас, что *могла*. Мы даже об этом не заботились.

ПРИМЕЧАНИЕ

Письмо от 16 февраля написано на машинке за исключением последних пяти строк.

Вишняк Марк Веньяминович (1883-1978) — профессор права, публицист. Эсер. Член редакционной коллегии "Современных Записок", автор книги о Всероссийском учредительном собрании и воспоминаний.

*

Письмо от 25 февраля написано целиком от руки, почерком, трудно поддающимся прочтению.

Письма в редакцию

1.

... Если бы не было у Вас уже третьего литературоведа, пишущего в "Вестнике" о Фете, надо было бы его выдумать. Приятно улавливать бодрую полемичность, углубляющую жизнь на страницах "В.". И сестры Зинаиды хороший выход в тему еще большую (вернее, необозримую) тоже законен, хотя тут надо добавлять, пожалуй, и несколько иерусалимских "солинок": *о вселенской значимости всех народов* и, скажем еще, о христианской покаянной *полезности "окаtywания"* критикой, а иногда и "святой ненавистью" какого-либо народа (и не обязательно — другого, но именно своего, особенно своего).* Но беда, что нам легче ненавидеть *по-разбойному* что-либо, а не по святому, евангельскому (Лук. 14, 26). А надобно *святое защищать именно так*... Между прочим, в дореволюционной книге Алексея Николаевича Шаховского, отца моего, "Что нужно знать каждому в России", мной частично переизданной в Берлине,** есть мысль о нужности и святости светлого гнева, в отношении именно своей родины. Тут и надо расширять горизонты нравственные.

Но, мы еще не привыкли вводить, без патриотической ретирики, в нашу публицистику остроту истины. Еще в публицистике скользим вокруг предметов, может быть, опасаясь словесного пустосвятства (в чем, конечно, правы)... В сущности, если мы, русские, — христиане, нам не следует обижаться на критиков нашей Матушки-Руси. Тут именно высшая свобода слова, в услышании святого, покаянного, по сути справедливого "поношения" России, отношения критического к минусам ее истории. Надо только относить этот свой укор сыновний к метафизическим ее дорогам жизни и экзаменам истории. Для чего борьбу России против Бога и грехи русских перекладывать на всегдашнего проныру "серого волчка", по-волчьи "утащившего Россию невинную во лесок".

*) В противовес всякой "идолоизации" шовинистической людской коллективности.

***) "Что нужно знать каждому в Русском Зарубежье". Берлин. 30-е годы.

И мы, архиереи и пастыри православные, несшие в себе апостольскую веру всемирную, тоже ответственны всячески за это. Даже мы прежде других виноваты пред Богом за Ленина, и его когорты всей, грехи. От этого не уйдешь. И это не мешает нам думать о том, как бы вылезти из корыта, где народ-чушка пожирает своих детей. "Hate-Love" должна действовать, особенно у верующих, безотказно. Оттого — не будем слишком волноваться, в защите чести верной своей. Не будем обижаться на недооценку нашей жизни и борьбы за нравственную Россию. Единому Господу слава за все добро русское, а нам "стыднение лица". Нет, меня не обижает и не раздражает критическое кипение Маркишей. Они сами тоже драматически *опростоволоосились* в истории России XX века. Господь да простит нас всех! Блок честно по-своему, но с запозданием, притворил Россию как "чушку", "пожирающую своих детей". Дело же тут, избегать "дешевых" или, говоря точнее, недостаточно веских самооправданий. Кого любишь, особенно ждешь от того повышения нравственной *требовательности*. Хомяков, А.К. Толстой, Вл. Соловьев и другие этим самочувствием обладали. Как авторы, мы можем сказать: если что есть в наших книгах, это, может быть, счастливое отсутствие лицемерности и сусальности в наших словесах о России, о русском народе и о Св. Церкви православной, построенной на *покаянии вселенском*. (В "Поэме о Русской любви" выявляется именно это).

Если верим, что Господь творит *поучительно* историю человечества (как это и есть на самом деле), надо это и учитывать всесторонне и покаянно. Тут суть Библии. И как забыть, что Господь прослезился, глядя на красоту Храма Иерусалимского! Маркиши об этом совсем не догадываются; и нам, тем более, об этом догадаться следует. "Садись на последнее место"! — таков совет "гостям", участвующим в пирах — брачных и других.

К евреям, из сочувствия именно к ним, вырастает потребность у нас эту именно координату держать. Прежде всего, из-за явного недостатка теперь в них самой древней их пророческой покаянности духа. Ведь они обожжены за 2000 лет всей своей истории — и будут еще обожжены и обессилены. Они оголены в истории всем естеством своим. И оттого требовательны — и подозрительны, — где только возможно. Тут еще осталась на них печать всемирного библейского, мессианского призвания (как незакрывающаяся рана). И только приняв Господа покаянно, они могут успокоиться своим

естеством и сознанием. Надо *им и нам* признать справедливость обрушившейся на нас болезни и горестной трудности как их, так и нашей. Не христианам запикивать их в нашу столь хромающую экстериоризацию нравственного сознания; лучше уж утешаться и утешать их, когда встречаешь у них, хотя бы частично, эту всемирную правду (как, например, в небольшой книге Михаила Хейфеца). Но чувств высших, чистых будем ждать не только от евреев. И до истины доходят глубоко захваченные русской культурой евреи. Они знают и любят Россию, безусловно высоко и чисто, начиная с Левитана, Пастернака, Мандельштама.

Тема *Фета* глубока сама по себе и интересна. Вы верно затронули в ней то, что надо, но, может быть, еще недостаточно защищаете благородного профессора Эткинда; ведь вся его академическая и вообще вся жизнь проходила среди понятий и слов, слишком уж твердых (даже замороженных) марксизма. Из этого мирочувствия не так просто выскочить. Но он, мне кажется, именно *мог бы*, имел бы силу (как и Маркиш) выскочить, сняв до конца покров — пусть тонкий, но еще лежащий — на нем и еще на многих. И это дело не только будущего, но и нашего времени.

Дело *Фета*, как анализа его личности и человечности, требует со стороны литературоведов непосильного для них, невнятного еще для них русского измерения. Фет один из ярких примеров одержимости русской, как светлой, так и темной, демонической. Будущие исследователи его личности, надо надеяться, дойдут и до этого "измерения". А Вы бы уже сейчас могли затронуть эту реальность, мало доселе исследованную литературоведами; но, может быть, этого не стоит делать в полемике с Эткиндом.

Вряд ли проф. Эткинд любит Вл. Соловьева (достаточно) и его классику темы еврейства, чтобы допустить в жизни и литературе это соловьевское, мудрое и нужное не только для России измерение. Но в будущем, если возьметесь за нужное перо, может быть, проанализируете (безотносительно к данному спору) последние дни *Фета*. Может быть, найдете нечто, помогающее уточнению третьего фетоведа из России, хорошо наметившего путь в "Вестнике" № 142.

Хорош материал об о. А. Ельчанинове. На меня пахло молодостью и теплотой 30-х парижских годов, когда еще "свежи были" десятилетия России и кипели тридцатые.

Признаюсь, в № 142 приятно было увидеть выражение единомыслия в словах о. А. Ельчанинова о моей статье в "Пути" о Бердяеве. Это было совсем новое для меня, я никогда этого отзыва не слышал.

Архиепископ Иоанн Шаховской

2.

Дорогой Никита Алексеевич,

Давно я длинных писем не писала, а вот Вы станете жертвой Вашего нового "Вестника" (№ 145): "Русская культура" ("От редакции"), — потом: М.К. Морозова, — потом о Глебе Петровиче, — и весь день я — как в дурмане. Русская культура... Сколько осталось нас, живших тогда? А я родилась, выросла в начале века, в сердце ее, — в Москве. Не вправо, не влево, — а в середине, и не "золотая середина", а *праведная*. Пока зверский 1914 год — война, а потом гражданская не поглотили ее, ее желания праведности.

Господи, вспомнить эту Москву! Не говорю уже о родителях, чистых, скромных, больших художниках, о неприятательном строе жизни при высоте недостижимой духа их, но все, все тогдашнее. Конечно, мы с сестрой детьми были, но знаем, знаем все это, — и Ге, и Репина, и Серова (всю семью их), и Поленова, о, что за люди!.. Толстой, Скрябин, — да разве перечислить, — *скромность* русская, вот в чем культура была.

Няня моя, еще помнила крепостное время, безграмотная, а держалась как аристократка и была — *святой*. Но не могу я писать. Знаете, вот когда *топятся* в мозгу эти воспоминания, эти разговоры — с кем? С анонимным читателем? Сами виноваты: кинули искру в жгучий материал. Я сказала: ни вправо, ни влево, но вот... До начала века: идут двое москвичей — Протопопов (купец, свечник) и отец моего мужа по аллее в Мариенбаде, по мягкой хвое, под соснами, и вдруг к ним некто, — очки в железной оправе: "Виноват, я слышу русский говор, разрешите присоединиться? Мое имя — Победоносцев". И гуляют, и обедают вместе. Вроде Пиквинок, вроде Диккенса? "Но позволь", прерываю я Федина рассказ: "Победоносцев... Ведь это, ведь это..." — "Ничего не это, это был очень милый человек".

Мargarита Кирилловна... Высокая, красивая, величественная, и в то же время какая добрая, какая мать. У нее бывали все знаменитости России и Европы, она была женщина света, но как проста была настоящая эlegantность, как *не кричали* ландыши и сирень в январе... Мужа ее помню смутно, старшего сына не помню, Мику помню, и Маруся... Тоже: *доброта* и какая потом печальная ее жизнь в Америке. Но тогда — до первой войны: все *бело* — Москва, и зима, о, московские сны... И огромная белая зала Морозовых, и огромная елка, светящаяся неземной красотой дюжин и дюжин белых свечей, серебра, звенящих ангельски-нежных шаров, белые дети с разинутыми ртами глядящие на это чудо света...

/ ... / Дурьпина Вы упоминаете. Пенснэ, картавил. И — Глеб Петрович. Какой он был корреспондент, сколько у меня его писем. Хочется рассказать, как он поддержал меня (те ему нравились мои стихи) тогда в Лондоне, и благодаря ему (он рассылал *Координаты* разным людям, в разных газетах) Адамович выделил Анну Ней из "десятков белых книжечек" (как он писал)...

Ваша Ж. Пастернак
26.11.85

3.

Позволяю себе обратить Ваше внимание на ошибку в статье покойного П.Ф. Андерсона. Движением в Прибалтике занимались не С.М. Зернова, а Л.Н. Зандер и В.А. Зандер, а в Вестнике №120, в моей статье, я подробно рассказала о возникновении РСХД в 1927г. после моего свидания с П.Ф. Андерсоном и Ф.П. Пьяновым. Уже в 1927г. в Прибалтику приехали Н.А. Бердяев и другие наши философы, *высланные* из СССР.

Т.Ф. Клепинина
18.12.85

В №145 "Вестника РХД" напечатана статья г-на О.Т. (Москва, Самиздат) "Об отношении христианского сознания к ветхозаветной традиции". Редакция журнала, должно быть, в чем-то не согласна с автором и потому, как это обычно принято в таких случаях, напечатала статью с указанием, что она напечатана в порядке обсуждения. Я хочу в этом письме сделать несколько замечаний об этой статье.

В пространным примечании на стр. 55 г-н О.Т. пишет о каких-то сторонниках какого-то особого типа "расового антисемитизма". Сторонники эти замечательны тем, по мнению автора, что "... пишут буквами кириллицы, восходящей к греческому алфавиту, который в свою очередь восходит к алфавиту еврейскому..." (Ну, как тут не вспомнить "бузину" и "в Киеве дядьку"?). А ниже, на стр. 57, г-н О.Т. утверждает о "допотопности" еврейского языка, называя его "первозыком".

Утверждения эти характерны для статьи О.Т. и потому о них я скажу подробнее.

Начну с утверждения о восхождении греческого алфавита к еврейскому. Финикийское консонантно-звуковое письмо возникло в 15 в. до н.э. (см. Кр. лит. энци., т.7). В 10 в. до н.э. из него образовалось арамейское письмо (см. КЛЭ, т.1), которое, как и арамейский язык, постепенно переняли большинство древних семитских народов: ассирийцы, вавилоняне, евреи и др.

Здесь сделаю небольшое отступление. Вопреки сказанному выше, г-н О.Т. совершенно серьезно утверждает, "... что евреи являются единственным народом, сохранившим после разделения языков первозыком допотопного человечества" (с. 57). Запомним это утверждение и вернемся к вопросу о связи греческого алфавита с еврейским.

В 11-8 вв. до н.э. арамейское письмо легло в основу греческого алфавита, а само греческое письмо явилось первой звуковой системой, включившей гласные звуки (см. КЛЭ, т.2). Никакой преемственной связи, как видим, греческий алфавит с еврейским не имеет.

И, наконец, о кириллице. Славянская азбука, кириллица, как известно, была и русским алфавитом. Многие графические черты кириллицы сохранились и в современном русском алфавите.

Кириллицей пользуются и в наши дни при публикации или цитировании оригинальных древнерусских текстов, в оформлении памятников древней культуры, в каллиграфии и т.п. Но чтобы пользование этим алфавитом можно было бы объявить свидетельством антисемитизма, до такого, кажется, никто еще не доходил. Очень похоже, что г-н О.Т. оказался жертвой легковерия, приняв всерьез чью-то шутку.

Обо всех этих утверждениях можно бы было и не писать, так как они, сами по себе, к названной в заглавии статьи теме не имеют отношения. Но дело в том, что в статье полно суждений и утверждений подобного рода. И хотя в ней есть ссылки на ученых и общественных деятелей (И.С. Аксаков, С.Н. Булгаков, В.С. Соловьев), в статье нет ничего вполне определенного. В ней говорится о каких-то сторонниках "русского национального возрождения", таких же представителях "демократического движения" и к этому приведены безымянные цитаты, надо полагать, из произведений этих сторонников и представителей.

Короче говоря, обсуждать эту статью, по-моему, просто невозможно, а потому и печатать в "Вестнике РХД" вообще не следовало бы. И это еще потому, что статья г-на О.Т. очень близка по духу и стилю публицистике авторов, выехавших из Советского Союза, в большинстве своем, в качестве репатриантов в Израиль. Недостатка же в литературе этого рода за пределами СССР, как Вы знаете, нет...

В.Я. Миклашевский
18.1.1986 (США)

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
<i>От редакции – К юбилею Н.С. Гумилева</i>	3
БОГОСЛОВИЕ И ФИЛОСОФИЯ	
Воцерковление – Прот. А. Шмеман	5
Со Святым Духом в нашем повседневном подвиге (Синергия) – О. Матта эль-Мескин	23
История моего паломничества – Архим. Плакида Десей ..	35
■ Христианство на Западе	
Фра Иероним Савонарола, непонятый и непризнанный святой – Архим. Амвросий Погодин	70
Предсмертное (Воспоминания и мысли) – С.Л. Франк ...	103
ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ	
Стихи – Валентин Никитин	127
Глава 144 из "Марта Семнадцатого" (Узел III) – А. Солженицын	149
Спор вокруг В. Набокова и "Романа с кокаином" – Н. Струве	156
О главном герое романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита" – К. (Москва)	176
"1984" : не просто утопия – А. Шур	184
■ Литературный архив	
К столетию со дня рождения Н.С. Гумилева – Из воспоминаний В.С. Срезневской	199

СУДЬБЫ РОССИИ

■ Подвижники XIX века	
Игуменя Мария Тучкова. Авраам Сергеевич Норов – С.А. Большаков	205
■ Церковь в России сегодня	
К 1000-летию крещения Руси: Обращение к верующим во Христа – Н.В. Бренников	229
■ Преследование инакомыслящих	
Дело Андрея Шилкова	234
■ В порядке дискуссии	
Инициация и эмиграция – Анна Великанова	259
■ Вопросы общественности	
Спор о революции – два письма В.А. Маклакова кн. В.А. Оболенскому	269
Письма в редакцию (Архиеп. Иоанн Шаховской, Ж. Пастернак, Т.Ф. Клепинина, В.Я. Миклашевский)	275

SOMMAIRE

*Pour le centième anniversaire de la naissance
de Nicolas Goumilev* – N. Struve 3

THEOLOGIE, PHILOSOPHIE

L'incorporation à l'Eglise – P. Alexandre Schmemmann 5

Le Saint Esprit dans notre vie de chaque jour
– P. Matthieu-le-Pauvre 23

Mon itinéraire spirituel – P. Placide Deseille 35

Savonarole – un saint méconnu – P. Ambroise Pogodine 70

Souvenirs et pensées – Simon Frank 103

LITTERATURE ET VIE

Poésies – Valentin Nikitine (Moscou) 127

«Mars 17» (Chapitre 144) – A. Soljénitsyne 149

Nabokov est-il l'auteur de «Roman avec cocaïne»? – N. Struve ... 156

Du personnage principal de «Maître et Marguerite»
– K. (Moscou) 176

«1984» : plus qu'une utopie – A. Chour 184

Pour le centième anniversaire de la naissance de Goumilev
– Souvenirs inédits de V. Sreznevskaja 199

DESTINEES DE LA RUSSIE

■ Les saints de la Russie du XIX siècle

L'higoumène Marie Touchkova. Abraham Norov
– S. Bolchakov 205

■ Pour le millénaire du baptême de la Russie

Appel aux chrétiens du monde – N. Brennikov (URSS) 229

■ Répression des dissidents

La condamnation d' André Chilkov (document) 234

■ Tribune libre

Initiation et émigration – Anna Velikanova 259

■ Problèmes socio-politiques

*Une discussion sur la révolution entre V. Maklakov
et V. Obolensky (lettres inédites)* 269

Lettres à la rédaction (Mgr Jean Schachovskoï,
J. Pasternak, T. Klépinine, V. Miklachevski) 275

YMCA-PRESS
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève
75005 Paris

К 100-летию Н.С. ГУМИЛЕВА

ГУМИЛЕВ Николай (1886-1921) :

— **СТИХОТВОРЕНИЯ** (Составил В.П. Бетаки).

В своей стране Гумилев до сих пор под запретом, так как власти более полувека спустя не смеют признать, что расстреляли невинного поэта. Новая антология мужественной, мудрой, выпуклой, красочной поэзии Гумилева приурочена к 100-летию его рождения. "Избранному" предисланы статья Гумилева "Читатели" и неизданная биографическая справка П. Лукницкого.

(150 стр. Цена: 54 фр.)

— **НЕИЗДАННОЕ И НЕСОБРАННОЕ.**

Составление, редакция и комментарии М. Баскер и Ш. Греем.

После трагической смерти Гумилева архив его либо исчез, либо состоял под запретом. Двум английским славистам удалось отыскать или собрать немалое количество неизданных стихов, фрагментов поэм и пьес, писем, и также многие биографические материалы. Издание содержит больше 100 страниц комментария и много новых фотографий.

(400 стр. Цена: 150 фр.)

Напоминаем изданные прежде :

— **НЕИЗДАННЫЕ СТИХИ И ПИСЬМА**

(под ред. Г.П. Струве), 1980, 225 стр. (Цена: 69 фр.)

— **МИК. Африканская поэма.** (Репринт с изд. 1922),

1980, 46 стр. (Цена: 24 фр.)

ТРЕБУЙТЕ "ДОПОЛНЕНИЕ К КАТАЛОГУ 1985-86"

(Высылается бесплатно по первому требованию)

Заказы направлять: **LES EDITEURS RÉUNIS** —
11, rue de la Montagne Sainte-Geneviève, 75005 Paris, France.

25% СКИДКА 50%
на старые номера
(1971-1983)

LE MESSAGE — VESTNIK c/o A. C. E. R.
91 rue Olivier de Serres, 75015 Paris, France.

ПОДПИСКА НА 1986 ГОД

3 экз. = 180 фр.
5 экз. = 250 фр.
10 экз. = 400 фр.

(Цена действительна до 1.6.1986)

фамилия : .....

адрес : .....

Прошу прислать мне список старых номеров "ВЕСТНИКА РХД" (1971-1983)

(Цена действительна до 1-го июня 1986)

Прошу подписать меня на "ВЕСТНИК РХД" 1986 :

с переводкой обыкновенной почтой (Sea Mail)

воздушной почтой (AIR MAIL)

(цена: фр. фр. 240.-)
(цена: фр. фр. 300.-)

Прилагаю чек в .....
(на имя «LE MESSAGE»)

дата: .....

подпись: .....

ВЕСТНИК
РУССКОГО ХРИСТИАНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

POSSEV-VERLAG

Flurscheideweg 15, D-6230 Frankfurt am Main 80

КНИГИ И ЖУРНАЛЫ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Российские и зарубежные авторы

Художественная литература. Проза и поэзия. Социально-политическая литература. История, философия, религия, мемуары, свидетельства.

Каталог высылается бесплатно.

"ПОСЕВ"

Ежемесячный общественно-политический журнал. 64 стр. большого формата. Подписка непосредственно в издательстве: 72 нм.

"ГРАНИ"

Ежеквартальный журнал литературы. 288 стр. книжного формата. Подписка непосредственно в издательстве: 60 нм.

"НАДЕЖДА"

Христианское чтение. Религиозный Самиздат. 400 стр. карманного формата. Вышло 12 номеров. Подписка непосредственно в издательстве: 60 нм. за три номера.

ВЕСТНИК

Издание
"Русского Студенческого Христианского Движения"

ПРЕДСТАВИТЕЛИ "ВЕСТНИКА"

В Америке — East :

Mrs Elisabeth Dorman, 321 Varick St., Jersey City, N.J. 07302, USA.

— West :

Mrs Olga Hughes-Raevsky, P.O. Box 1207, Berkeley Ca 94701, USA.

В Канаде :

«Parish News», 1175 A rue de Champlain, Montreal P.Q. H2L 2R7.

В Англии :

«Aid to the Russian Church» (New Zealand) Schoolhouse,
Heathfield Rd, Weston, East.

**ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ
КНИГА**

ГАЛИНЫ ВИШНЕВСКОЙ

« Г А Л И Н А »

**Автобиографическое повествование великой актрисы
русского оперного театра.**

"La Presse Libre" и "Континент"

Париж 1985

Цена 200 Ф. Продается в русских книжных магазинах.

Русское Студенческое Христианское Движение за Рубежом имеет своей основной целью объединение верующей молодежи для служения Православной Церкви и привлечение к вере во Христа равнодушных к вере и неверующих. Оно стремится помочь своим членам выработать христианское мировоззрение и ставит своей задачей подготовить защитников Церкви и веры, способных вести борьбу с современным атеизмом и материализмом.

Р.С.Х.Д. утверждает свою неразрывную связь с Россией. Наша принадлежность к русскому народу и к Русской Православной Церкви налагает на нас духовные обязательства, независимо от того, мыслим ли мы себя временными изгнанниками-эмигрантами или решили связать свою жизнь с другой страной. Подлинная русская культура неотделима от Православия: поэтому в хранении и продолжении ее мы видим наш долг. Мы видим наш долг также в свидетельстве перед миром о подлинном лике России, в напоминании о страданиях русского народа.